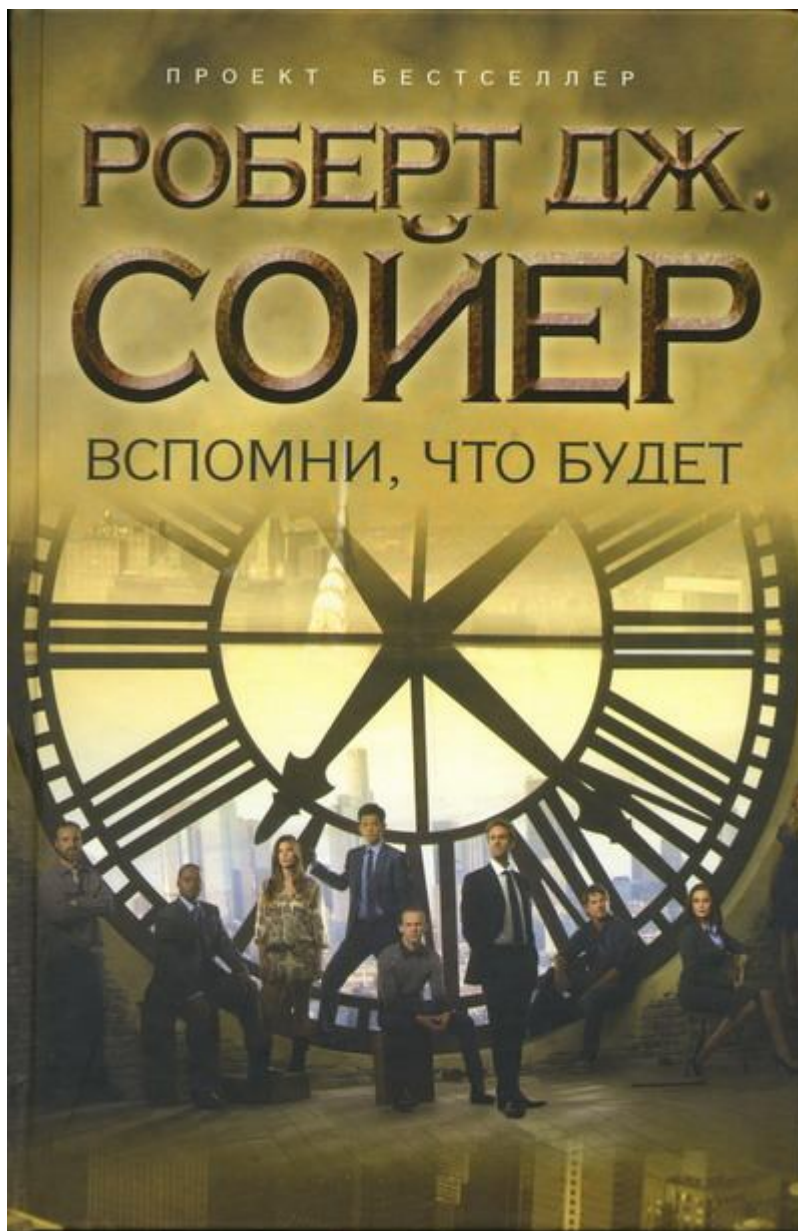

Роберт Дж. Сойер
Вспомни, что будет

- Alex1979. OCR & ReadCheck - abgiperon <http://oldmaglib.com>
«Роберт Дж. Сойер "Вспомни, что будет"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2010
ISBN 978-5-699-42433-7

Аннотация

*Две минуты, изменившие судьбу всех людей, живущих на планете Земля.
Две минуты, когда сознание всего человечества было перенесено в будущее.
Две минуты, поставившие вопросы, которые нельзя оставить без ответа. Что
послужило причиной катастрофы?
Неудачный эксперимент безответственных специалистов, запустивших Большой
адронный коллайдер для того, чтобы удовлетворить непомерные научные амбиции?
Вспышка сверхновой эпидемии?
Как дальше жить людям, которые хотят изменить будущее или предотвратить его?
Как дальше жить людям, вспомнившим, что будет?*

Роберт Дж. Сойер

«Вспомни, что будет»

Ричарду М. Готлибу

С Ричардом я познакомился в средней школе в 1975 году. Мы по-разному видели свое будущее, но в одном были абсолютно уверены: сколько бы лет ни прошло, мы всегда останемся друзьями. И теперь, спустя четверть века, я счастлив, что, по крайней мере, хоть это вышло именно так, как мы предполагали.

Благодарности

Мне оказывали поддержку множество людей, которым я приношу свою искреннюю благодарность. Это: мой агент Ральф Винчинанза и его помощник Кристофер Лоттс; мой издательский редактор Дэвид Г. Хартвелл и его помощник Джеймс Минц; Крис Дао и Линда Квинтон, также сотрудники издательства «Тог»; глава издательства Том Дохерти; Роб Хоуард, Сьюзанн Холлсуорт, Хейди Винтер, а также Харольд и Сильвия Фенн, представители моего канадского дистрибьютора «Н. В. Fenn and Company Ltd.»; Нил Калдер, глава отдела по связям с общественностью ЦЕРНа; доктор Джон Крамер, профессор физики Университета штата Вашингтон; доктор Шахин Хусейн Азми, Азбед Бедросиан, Тед Блини, Алан Бостик, Майкл А. Берштейн, Линда К. Карсон, Дэвид Ливингстон Клинк, Джеймс Алан Гарднер, Ричард М. Готлиб, Теренс М. Грин, Джон Аллен Прайс, доктор Ариэль Рейх, Алан Б. Сойер, Тим Слейтер, Масаюки Ушида, а еще Эдо ван Белком. Я также благодарен своему отцу Джону А. Сойеру, предоставившему в мое распоряжение свой летний домик на берегу Бристольского залива, где и была написана большая часть этого романа. И конечно, моей любимой жене Кэролин Клинк.

КНИГА I АПРЕЛЬ 2009

*Тот, кто предвидит катастрофы, страдает от них вдвойне.
Бейлби Портеус*

1

*День первый. Вторник, 21 апреля 2009 года
Срез пространства-времени...*

Здание центра управления Большим адронным¹ коллайдером ЦЕРНа² было новым: его строительство начали в 2004 году и закончили в 2006-м. Внутри главного корпуса был устроен внутренний дворик, который физики, естественно, окрестили «ядром». В каждом кабинете имелось окно, выходящее либо на «ядро», либо на остальные многочисленные здания ЦЕРНа. Квадратное здание вокруг «ядра» было двухэтажным, но главные лифты делали четыре остановки: две на надземных этажах, одну — на первом подземном, где располагались котельная и склады, и еще одну — на отметке сто метров под землей. Здесь находился выход к платформе монорельсовой дороги, с помощью которой можно было проехать по двадцатисемикилометровой окружности туннеля коллайдера. Сам туннель пролегал под фермерскими полями, окраиной женевского аэропорта и подножиями гор Юра.

¹ Адроны — сильновзаимодействующие элементарные частицы, например протоны. (Прим. ред.)

² ЦЕРН (CERN) — Европейский центр ядерных исследований. (Прим. перев.)

Южная стена главного коридора центра управления была разделена на девятнадцать длинных секций, причем каждую украшали мозаичные панно, выполненные художниками стран — участниц ЦЕРНа. На греческом панно был изображен Демокрит, основоположник атомистического учения; на немецком были представлены сцены из жизни Эйнштейна, а на датском — из жизни Нильса Бора. Но не все панно были посвящены физике. На французском можно было увидеть панораму Парижа, а на итальянском — виноградник, где даже отдельные виноградинки были выложены из шлифованного аметиста.

Зал управления Большим адронным коллайдером — БАК — представлял собой идеальный квадрат. Огромные раздвижные двери располагались точно в центре двух противоположных стен. Верхняя часть стен зала высотой в два этажа была специально застеклена, чтобы туристические группы могли наблюдать за деятельностью сотрудников. По понедельникам и субботам в девять часов утра и в два часа дня в ЦЕРНе устраивались трехчасовые экскурсии. Стены центра управления украшали флаги девятнадцати стран-участниц — по пять флагов на каждой стене. Двадцатое место занимал синий с золотом флаг Европейского союза.

В зале было установлено несколько десятков пультов. Один из них предназначался для управления инжекторами частиц. С его помощью осуществлялся контроль за всеми экспериментами. К нему примыкал наклонный пульт с десятью встроенными мониторами для представления данных детекторов Большого ионного коллайдера и системы управления — огромных подземных систем, которые регистрировали и идентифицировали частицы, появляющиеся в ходе экспериментов на Большом адронном коллайдере. Мониторы на третьем пульте показывали части дуги туннеля коллайдера и монорельс под потолком.

Ллойд Симкоу, сорокапятилетний ученый из Канады, сидел за инжекторным пультом. Высокий, подтянутый, чисто выбритый, синеглазый, с коротко стриженными волосами, почти черными, если не считать тронутых сединой висков.

Специалисты в области физики элементарных частиц никогда не слыли большими модниками, и до недавнего времени Ллойд не был исключением. Но несколько месяцев назад он согласился пожертвовать весь свой гардероб женевскому филиалу Армии спасения и позволил своей невесте приобрести для него новую одежду. По правде говоря, на его вкус, купленные вещи оказались слишком уж вызывающими, но он не мог не признать, что никогда еще не выглядел так круто. Сегодня он был в бежевой рубашке, пиджаке кораллового цвета и коричневых брюках с накладными карманами. Костюм дополняли, как дань моде, итальянские черные кожаные туфли. Ллойд также приобрел пару престижных вещей, которые в то же время имели национальный колорит: авторучку «Монблан», которую носил во внутреннем кармане пиджака, и золотые швейцарские часы со стрелками.

Справа от него за детекторным пультом сидела его невеста, инженер Митико Комура. Она была на десять лет моложе Ллойда, очень ухоженная, с маленьким вздернутым носиком и густыми черными волосами, подстриженными по последней моде под пажа.

Позади Митико стоял Тео Прокопидес, коллега Ллойда по исследованиям. Ему было двадцать семь, и своей необычайной подвижностью и вспыльчивостью он разительно отличался от консервативного Ллойда. Словом Крик и Уотсон³ от физики. У Тео были пышные курчавые темные волосы, серые глаза и тяжелый волевой подбородок. Он предпочитал красные джинсы (что Ллойд ужасно не нравилось, но теперь никто моложе тридцати синих джинсов не носил) и майки с изображением персонажей мультфильмов. Их у него было несметное число. Сегодня он надел майку с изображением птички Твити.

За остальными пультами разместились еще с десятков ученых и инженеров.

За исключением негромкого жужжания кондиционеров и шелеста вентиляторов системных блоков, в зале царила абсолютная тишина. После долгого дня подготовки к

³ Фрэнсис Крик — английский биофизик и генетик; Джеймс Уотсон — американский биолог. В 1962 году за создание модели ДНК получили Нобелевскую премию. (Прим. перев.)

эксперименту все страшно нервничали и были напряжены. Ллойд обвел зал взглядом и сделал глубокий вдох. Сердце учащенно билось, а в желудке словно порхали бабочки.

На стене висели часы со стрелками, а на его рабочем месте были установлены электронные. И на тех и на других было уже почти семнадцать ноль-ноль, но Ллойд, хотя и прожил в Европе уже больше двух лет, все еще не отвык говорить «пять часов вечера».

Ллойд был руководителем объединенной группы, состоявшей почти из тысячи физиков, разрабатывавших эксперименты на Большом ионном коллайдере. Они с Тео почти два года посвятили подготовке к сегодняшнему столкновению частиц. Два года они потратили на работу, на которую могли бы уйти жизни двух поколений. Они пытались воссоздать энергетические уровни, которые просуществовали только наносекунду после Большого Взрыва.⁴ В процессе эксперимента они надеялись найти Священный Грааль физики высоких энергий, пресловутый бозон Хиггса⁵ — частицу, взаимодействие которой с другими частицами наделяло их массой. Если бы их эксперимент увенчался успехом, им досталась бы и премия Хиггса, и Нобелевская премия.

Весь эксперимент был автоматизирован и четко распланирован по времени. Не было ни рубильника, ни красной кнопки. Ллойд разработал, а Тео закодировал основные модули программы эксперимента, но теперь все управлялось компьютером.

Как только электронные часы показали 16:59:55, Ллойд громко начал обратный отсчет:

— Пять...

Он посмотрел на Митико.

— Четыре...

Она ободряюще улыбнулась. Господи, как же он ее любил...

— Три...

Он перевел взгляд на вундеркинда Тео — восходящую звезду, которой Ллойд когда-то сам мечтал стать но так и не стал.

— Два...

Тео дерзко поднял вверх два больших пальца.

— Один...

«Пожалуйста, Господи, — подумал Ллойд. — Пожалуйста!»

— Ноль.

И тут...

...и тут вдруг все стало иначе.

Резко изменилось освещение в зале управления. Приглушенный свет сменился хлынувшим в окна солнечным светом. Но это не вызвало никакого дискомфорта не потребовалось привыкания. Ллойд не ощутил сужения зрачков. Словно его глаза уже были готовы к увеличению яркости света.

И тем не менее Ллойд оказался не в состоянии управлять собственными глазами. Ему хотелось оглядеться по сторонам, посмотреть, что происходит, но его глаза двигались как бы сами по себе.

Он лежал в постели. По всей видимости, обнаженный. Стоило ему немного приподняться, как он кожей почувствовал хлопчатобумажные простыни. Его голова шевельнулась, и на долю секунды он увидел окна спальни, явно находившейся на втором

⁴ Большой Взрыв — предположение, выдвинутое астрономом Ж.Э. Леметром в 1927 году, о том, что материя и энергия Вселенной в некий нулевой момент времени были спрессованы в некое «космическое ядро». Вследствие своей нестабильности это яйцо взорвалось. Термин «Большой Взрыв» предложен астрофизиком Г. Гамовым. (*Прим. ред.*)

⁵ Бозон — элементарная частица, подчиняющаяся статистике Бозе — Эйнштейна. Бозе (1894–1974) — один из создателей квантовой статистики. Бозон Хиггса — частица, существование которой было теоретически предсказано П. Хиггсом. (*Прим. ред.*)

этаже сельского дома. За окнами виднелись деревья и...

Нет, это просто невозможно! Листья были багряно-красными. А ведь сегодня двадцать первое апреля — весна, а не осень.

Потом в поле зрения попало что-то еще, и он вздрогнул, поняв, что не один в постели. Кто-то лежал рядом с ним.

Он резко отстранился.

Нет... нет, здесь явно было что-то не так. Физически он совсем не отреагировал. Его тело словно существовало отдельно от разума. Но мысленно он в ужасе отпрянул.

Рядом с ним лежала женщина, но...

Черт побери, что происходит?!

Она была старой, с тонкой пергаментной кожей, с белым пушком волос на голове. Ее улыбающиеся губы окружала сетка мимических морщинок, затерявшихся среди более глубоких морщин в носогубных складках.

Ллойд попытался откатиться подальше от старухи но тело отказывалось повиноваться.

Господи, что же такое происходит?

Была весна, а не осень.

Если только...

...если только, конечно, он не переместился в Южное полушарие. Не телепортировался каким-то образом из Швейцарии в Австралию...

Но нет. Деревья за окном определенно были клены и тополя. Значит, он в Северной Америке или Европе.

Он протянул руку. На женщине была темно-синяя рубашка, но не пижамная. На пуговицах, с воротником и несколькими карманами — одежда, какую практичная женщина надела бы для работы по дому или в саду. Ллойд ощутил, как его пальцы прикасаются к мягкой, податливой ткани. А потом...

...а потом его пальцы нащупали пластмассовую пуговицу, согретую ее телом и прозрачную, как ее кожа. Он тут же решительно сжал пуговицу, пытаясь ее расстегнуть. Взгляд Ллойда непроизвольно упал на лицо старухи. Его глаза встретились с ее выцветшими глазами.

Он улыбнулся и почувствовал, как натянулась кожа на щеках. Его рука скользнула под рубашку старухи, нащупала грудь. И снова у него возникло желание отпрянуть, отдернуть руку. Грудь оказалась мягкой, сморщенной, обвисшей, совсем как подгнивший плод. Его пальцы сжали сосок.

Ллойд ощутил нечто странное. На какое-то жуткое мгновение ему показалось, что у него эрекция. Но нет, никакой эрекции не было: просто переполненный мочевой пузырь. Ему срочно нужно было помочиться. Он отдернул руку. Брови старухи вопросительно подпрыгнули вверх. Ллойд слегка пожал плечами. Старуха понимающе ему улыбнулась, словно это было самой естественной вещью на свете: захотеть в туалет в самом начале любовных игр. Зубы у нее были с желтоватым налетом, что естественно в ее возрасте. Но при этом все целые.

Наконец его тело сделало то, чего ему хотелось с самого начала: он отодвинулся от старухи. И тут вдруг резко кольнуло в колене. Он явственно ощущал острую боль, но почему-то игнорировал этот факт. Он спустил ноги с кровати, почувствовав под собой прохладный дощатый пол. Встав, Ллойд сумел лучше разглядеть, что там за окном. То ли позднее утро, то ли ранний вечер. Тень, отбрасываемая одним деревом, падала на тень от соседнего дерева. Сидевшая на ветке напротив окна птица взлетела, испуганная резким движением в спальне. Это был дрозд — крупный, североамериканский, а не малый, европейский. Значит, дом определенно стоял в США или Канаде. На самом деле очень похоже на Новую Англию. Ллойд всегда нравились краски осени в Новой Англии.

Медленной, почти шаркающей походкой Ллойд двинулся вперед. Он понял, что это не загородный, а скорее летний дом. Мебель была разномастной, какой обычно и обставляют летние домики. Тумбочка... Приземистая, грубо сколоченная из досок и обклеенная пленкой

«под дерево». Это был первый предмет, который Ллойд узнал. Он купил эту тумбочку в студенческие годы, а потом поставил в комнате для гостей в своем доме в Иллинойсе. Но что эта тумбочка делает здесь, в чужом месте?

Он пошел дальше. Боль в правом колене отдавалась при каждом шаге. Он гадал, что же такое у него с ногой. На стене висело зеркало в сосновой раме, покрытой прозрачным лаком. По цвету рама не сочеталась с тумбочкой, но...

Господи...

Господи Иисусе!

Его взгляд невольно устремился в зеркало, и он увидел себя.

В первую секунду он решил, что это его отец.

Но это был он сам. Редкие волосы на голове поседели, а на груди стали совсем белыми. Кожа вся в морщинах, дряблая, спина сгорбленная.

Не радиация ли тому виной? Не мог ли он пострадать в результате эксперимента? Или...

Нет. Нет, дело было не в этом. Он это кожей чувствовал. Своими пораженными артритом костями. Дело было вовсе не в этом.

Он был *стар*.

Он точно постарел на двадцать лет или больше, словно...

Два десятка лет исчезли, их будто вырезали из его памяти.

Ему хотелось кричать, вопить, протестовать против этой несправедливости, оспаривать эту потерю, требовать к ответу Вселенную.

Но ничего этого он сделать не мог. Он не владел ситуацией. Его тело продолжало медленно, с болью, отдающейся во всем теле при каждом шаге, двигаться по направлению к ванной комнате.

На пороге он обернулся и посмотрел на лежавшую на кровати старуху. Она повернулась на бок, подперев голову рукой. Ее улыбка была лукавой, призывной. Зрение у него осталось все таким же острым, и он заметил блеск обручального кольца на безымянном пальце ее левой руки. Мало того что он спал со старухой, он был на ней женат...

Дошатая дверь была приоткрыта, но Ллойд открыл ее нараспашку и, когда его рука легла на дверь, увидел обручальное кольцо у себя на левой руке.

И тут ему стало не по себе. Эта женщина, которую он видел первый раз в жизни и у которой не было абсолютно ничего общего с его любимой Митико, была его женой.

Ллойд хотел обернуться, посмотреть на нее, попытаться представить, как она могла выглядеть несколько десятков лет назад, реконструировать ее былую красоту, но...

...но он продолжал свой путь к ванной. Войдя туда, он повернулся к унитазу, наклонился, чтобы поднять крышку, и...

...и вдруг — о радость! Невероятно, немыслимо, непостижимо — но Ллойд Симкоу снова был в ЦЕРНе, в центре управления. Правда, почему-то он сидел на стуле не прямо, а сгорбившись. Он выпрямился и поправил рубашку.

Откуда все эти галлюцинации?! И действительно, как странно: в принципе здесь они должны были быть полностью защищены. От кольца коллайдера их отделял стометровый слой земли. Но Ллойд слышал о том, что разряды высокой мощности способны вызывать галлюцинации. Наверняка именно это и произошло.

Ллойд собрался с мыслями. Никакого переноса он не ощутил. Ни вспышки света, ни головокружения, ни заложенности в ушах. В первое мгновение он был в ЦЕРНе, а во второе оказался где-то еще и пробыл там... минуты две, наверное. А потом так же легко и плавно вернулся обратно, в центр управления.

Но конечно же, он никуда не перемещался. Все это было иллюзией.

Он огляделся по сторонам, пытаясь по лицам сотрудников понять, не случилось ли и с ними чего-то подобного. Митико выглядела потрясенной. Может быть, она наблюдала за Ллойдом, пока он галлюцинировал? Что он мог делать в этом состоянии? Трясся, как

эпилептик? Водил рукой по воздуху, глядя невидимую грудь? Или просто отключился и сидел, обмякнув, на стуле? Если так, то это продолжалось недолго, не более двух минут, которые он пробыл в другом времени, иначе Митико и все остальные сбежали бы к нему, начали бы щупать пульс, расстегнули бы воротник. Ллойд посмотрел на часы на стене. Они показывали две минуты шестого.

Он перевел взгляд на Тео Прокопидеса. Юный грек был не таким взволнованным, как Митико, но и он тоже явно был чем-то напуган. Тео скользил взглядом по лицам коллег, но стоило кому-то взглянуть на него, сразу отводил глаза.

Ллойд разжал губы, готовый что-то сказать, но все слова вылетели из головы. И вдруг из-за ближайшей открытой двери донесся стон. Митико, видимо, тоже слышала стон. Они с Ллойдом вскочили одновременно, но Митико сидела ближе к двери, и, когда он выбежал в коридор, она уже была там.

— Боже! — ахнула Митико. — Вы в порядке?

— Свен, один из техников, пытался подняться на ноги. Правой рукой он зажимал нос, из которого струилась кровь. Ллойд бросился обратно в центр управления, снял со стены аптечку и вернулся в коридор. Набор для оказания первой помощи был уложен в белый пластиковый ящичек. Ллойд открыл крышку, взял бинт и отмотал большой кусок.

Свен заговорил по-норвежски, но оборвал себя и перешел на французский:

— Я... Похоже, я потерял сознание.

Пол в коридоре был покрыт керамической плиткой. Ллойд заметил пятно крови в том месте, где норвежец ударился головой. Он протянул Свену бинт. Тот благодарно кивнул, сложил бинт в несколько раз и прижал к носу.

— Ума не приложу, что это было, — признался Свен. — Я точно уснул на ходу. — Он сдавленно хихикнул. — Мне даже сон приснился.

Ллойд удивленно поднял брови.

— Сон? — переспросил он по-французски.

— Чертовски яркий сон, — кивнул Свен. — Я был в Женеве, недалеко от «Ле Розель». — (Ллойд хорошо знал эту кондитерскую в бретонском стиле на Гран-рю.) — Но все было как в каком-нибудь научно-фантастическом фильме. Машины летали над землей, и...

— Да, да! — послышался женский голос из центра управления. — То же самое случилось со мной!

Ллойд вернулся в тускло освещенный зал.

— Что случилось, Антония?

Полная итальянка разговаривала с двумя сотрудниками. Она обернулась к Ллойд:

— Я словно бы внезапно куда-то переместилась. Парри говорит, что с ним произошло то же самое.

— И со мной, — отозвалась вернувшаяся вместе со Свеном Митико и облегченно вздохнула. Она явно радовалась тому, что такое произошло не только с ней.

Тео, стоявший рядом с Антонией, нахмурился. Ллойд перевел взгляд на него:

— Тео? А ты что скажешь?

— Ничего.

— Ничего?

Тео молча покачал головой.

— Наверняка мы все отключились на какое-то время, — заметил Ллойд.

— Уж я-то точно, — сказал Свен и отвел руку с бинтом от носа, чтобы посмотреть, не прекратилось ли кровотечение. Кровь продолжала течь.

— На какое время мы потеряли сознание? — спросила Митико.

— И... Господи!.. Что с экспериментом? — спросил Ллойд. Он бросился к своему пульту и нажал на несколько клавиш. — Ничего, — пробормотал он. — Проклятье!

Митико издала вздох разочарования.

— А должно было получиться, — сказал Ллойд, сердито хлопнув по пульту

ладонью. — Мы должны были получить бозон Хиггса!

— Ну... *Что-то* все-таки произошло, — возразила Митико. — Тео, как могло так случиться, что ты *ничего* не видел, тогда как все остальные хоть что-нибудь странное, да видели? Никаких видений?

— Ничегошеньки, — покачал головой Тео. — То есть... Отключиться-то я, похоже, отключился. Но это как бы было... Я смотрел на Ллойда, когда тот начал отсчет: пять, четыре, три, два, один, ноль. А потом получилось что-то вроде монтажа. Как будто из киноплёнки вырезали несколько кадров. Бац — и Ллойд уже сидит, сгорбившись, на стуле.

— Ты видел, как я сгорбился?

— Нет-нет. Все было именно так, как я сказал: только что ты сидел прямо, а в следующий миг обмяк. Никаких движений в промежутке не было. Наверное... Наверное, я все-таки вырубился. Только я успел заметить, что ты сидишь с повисшей головой, как ты уже выпрямился и...

Неожиданно пронзительно завывла сирена. Мимо проехала не то пожарная машина, не то «скорая». Ллойд опрометью бросился из центра управления. Остальные поспешили за ним. В комнате напротив имелось окно. Митико, добравшаяся первой, уже стояла у подоконника, прикрывая жалюзи: послеполуденное солнце светило слишком ярко. Сигналила пожарная машина ЦЕРНа — одна из трех, приписанных к комплексу. Она мчалась по территории центра в сторону главного административного здания.

Видимо, у Свена уже перестала идти носом кровь, так как он больше не прижимал к лицу окровавленный бинт.

— Может быть, еще кто-нибудь упал? — спросил Свен и, поймав удивленный взгляд Ллойда, добавил: — Тут пожарные не только пожары тушат, но и первую помощь оказывают.

— Нужно проверить все помещения и убедиться, не нужна ли кому-нибудь помощь, — отозвалась Митико, понявшая намек Свена.

Ллойд кивнул и вышел в коридор.

— Антония, осмотри всех в центре управления. Митико, возьми Джейка и Свена и отправляйтесь в ту сторону. А мы с Тео пойдем в другую, — распорядился он.

Конечно, нехорошо получилось, что он отослал от себя Митико, но ему просто необходимо было осмыслить собственные видения и переживания.

В первой же комнате, куда вошли Ллойд и Тео, они обнаружили женщину в глубоком обмороке. Ллойд не мог вспомнить ее имени, но знал, что она работает в отделе по связям с общественностью. На мониторе перед ней светилась знакомая трехмерная картинка Windows 2009. Судя по большому синяку на лбу, ее качнуло вперед и она ударилась головой о металлический бортик стола. Ллойд сделал то, что видел в бесчисленных кинофильмах. Он сжал правой рукой запястье левой руки женщины, а другой рукой легонько похлопал ее по плечу, пытаясь привести в чувство. Наконец она очнулась.

— Доктор Симкоу, — пробормотала она, уставившись на Ллойда. — Что случилось?

— Не знаю.

— У меня был... сон, — произнесла женщина. — Я находилась в какой-то картинной галерее и рассматривала картину.

— Вы сейчас нормально себя чувствуете?

— Я... я не знаю. Голова болит.

— Возможно, у вас сотрясение мозга. Вам нужно к врачу.

— А что это за вой?

— Сирены пожарных машин. Послушайте, мне нужно идти. Возможно, другие сотрудники тоже пострадали.

— Со мной все будет в порядке, — кивнула женщина.

Тео уже прошел дальше по коридору. Ллойд поспешил за ним. Тео вошел в соседнюю комнату и, как заметил Ллойд, помогал кому-то подняться. Тогда Ллойд свернул по коридору направо и подошел к двери офиса. Створки бесшумно отворились. Здесь, похоже,

все были целы и невредимы. Сотрудники оживленно обсуждали свои видения. Их было трое: две женщины и мужчина. Одна из женщин поймала взгляд Ллойда.

— Ллойд, что стряслось? — спросила она по-французски.

— Пока непонятно, — ответил он. — Вы в порядке?

— Да.

— Извините, что подслушал. У всех вас что, тоже были видения? — поинтересовался Ллойд и, когда все дружно кивнули, уточнил: — Яркие, реалистичные?

— У Рауля нет. Он видел что-то психоделическое, — ответила вторая женщина, указав на мужчину, причем говорила она таким тоном, словно ничего другого от Рауля и ожидать было нельзя.

— Я бы не назвал то, что я видел, «психоделическим», — возразил, точно защищаясь, Рауль, парень со светлыми густыми волосами, стянутыми в пышный хвост. — Но реалистичным это тоже не назовешь. Понимаете, я видел человека с тремя головами...

Ллойд кивнул и мысленно взял эти сведения на заметку.

— Если вы все в полном порядке, присоединяйтесь к нам. У некоторых случились обмороки, когда это произошло — знать бы только что. Нужно осмотреть все помещения — может, есть раненые.

— А почему бы не включить интерком и не сказать, чтобы все, кто цел и невредим, собрались в холле? — предложил Рауль. — Тогда сосчитаем по головам и пойдем, кого не хватает.

Ллойд решил, что это отличное предложение.

— Пойду дам объявление, — бросил он. — А вы продолжайте поиски.

Он вышел в коридор. Остальные последовали за ним. Ллойд пошел самым коротким путем в главный офис, не обращая внимания на мозаичные панно. Войдя в офис, он увидел, что часть сотрудников администрации оказывали первую помощь своему коллеге, очевидно сломавшему руку при падении. Еще одна сотрудница получила ожог, опрокинув на себя чашку с горячим кофе.

— Доктор Симкоу, что случилось? — услышал он уже до смерти надоевший ему вопрос.

— Не знаю. Вы умеете пользоваться селектором?

Администратор непонимающе посмотрел на него. Видимо, слово «селектор» было американизмом.

— Селектор, — повторил Ллойд. — Система конференц-связи. — И, заметив, что мужчина продолжает непонимающе на него смотреть, добавил: — Интерком!

— Да, конечно! — воскликнул по-английски, но с сильным немецким акцентом администратор. — Вот здесь.

Он подвел Ллойда к пульту и нажал несколько кнопок. Ллойд взял тонкую пластиковую трубку с микрофоном на конце.

— Говорит Ллойд Симкоу. — Собственный голос донесся до него из динамиков, висевших в коридоре, но система, снабженная фильтрами, работала чисто, не «фонила». — Нет сомнений в том, что произошло нечто чрезвычайное. Несколько человек получили травмы. Если ваше состояние можно назвать «амбулаторным»... — Он оборвал начатую фразу. (Для большинства сотрудников английский был вторым языком.) — Если вы в состоянии передвигаться самостоятельно и если те, кто находится рядом с вами, также в удовлетворительном состоянии или не нуждается в вашей помощи, пожалуйста, срочно соберитесь в главном холле. Возможно, кто-то потерял сознание там, где его трудно обнаружить. Нам необходимо установить, кто из сотрудников отсутствует. — Он передал микрофон администратору. — Можете сказать то же самое по-немецки и по-французски?

— Jawohl,⁶ — ответил мужчина, уже явно переключившийся на родную речь, и

⁶ Да, хорошо (нем.)

заговорил в микрофон.

Ллойд отошел от пульта конференц-связи и знаками поторопил всех остальных к выходу в холл, украшенный бронзовой доской, когда-то висевшей на одном из зданий, снесенных, чтобы построить центр управления БАК.

На доске было выбито самое первое название ЦЕРНа: «Европейский совет по ядерным исследованиям». Теперь это название фактически ничего не означало, но здесь чт�ли традиции.

Среди сотрудников, собравшихся в вестибюле, было только несколько афроамериканцев, как теперь принято называть в США чернокожих. Питер Картер, правда, приехал сюда из Стэнфорда, а остальные в основном прибыли прямо из Африки. Было и несколько азиатов, включая Митико. Она тоже пришла в вестибюль вместе со всеми после объявления по интеркому. Ллойд подошел и обнял ее. Слава богу, хоть она не получила никаких травм.

— Есть тяжелораненые?

— Несколько синяков, еще один разбитый нос, — ответила Митико. — Но ничего серьезного. А у тебя как?

Ллойд поискал глазами женщину, ударившуюся головой о стол. Ее пока что-то не было видно.

— Возможно, одно сотрясение мозга, сломанная рука, сильный ожог. — Он немного помедлил. — Придется вызывать «скорую», чтобы она забрала пострадавших в больницу.

— Я об этом позабочусь, — отозвалась Митико и исчезла в главном офисе.

Людей в холле становилось все больше. Собралось уже около двухсот человек.

— Внимание, внимание! — прокричал Ллойд. — Прошу внимания! *Votre attention, s'il vous plait!*⁷ — Он дождался момента, когда все взгляды устремились на него. — Посмотрите по сторонам. Все ли ваши коллеги — те, с кем вы работаете в одном помещении, находятся здесь? Если кто-то, кого вы видели раньше, отсутствует, сообщите мне. Сообщите также о том, не нуждается ли кто-нибудь из присутствующих здесь в срочной медицинской помощи. Мы вызвали несколько машин «скорой помощи».

Не успел он закончить фразу, как из кабинета вышла Митико.

— «Скорой» не будет, — заявила она. — Если и подъедет, то не скоро. Диспетчер сказала, что все машины заняты в Женеве. Похоже, все водители на дорогах отключились. Пока даже непонятно, сколько человек погибло.

2

ЦЕРН был основан за пятьдесят пять лет до этого происшествия, в 1954 году. Его штат насчитывал три тысячи сотрудников, из которых примерно одну треть составляли физики, еще одну треть — техники и, наконец, треть — администраторы и обслуживающий персонал.

Строительство Большого адронного коллайдера обошлось в пять миллиардов американских долларов. Он был установлен в том же самом подземном туннеле, который пересекал границу Франции и Швейцарии и в котором до того стоял старый, уже не использовавшийся коллайдер ЦЕРНа — Большой электрон-позитронный. Он проработал с 1989 по 2000 год. На БАК были установлены дипольные сверхпроводящие электромагниты с магнитной индукцией десять тесл, предназначенные для разгона частиц по гигантскому кольцу. В ЦЕРНе имелаь самая мощная в мире криогенная система. С помощью жидкого гелия магниты охлаждались до температуры всего на 1,8 градуса Цельсия выше абсолютного нуля.

На самом деле Большой адронный коллайдер представлял собой два ускорителя в

⁷ Внимание, пожалуйста! (фр.)

одном: первый разгонял частицы по часовой стрелке, а второй — против часовой. Поток частиц, летящих в одном направлении, можно было заставить столкнуться с потоком, летящим в другом направлении, и тогда...

...и тогда $E = mc^2$. Вот и все дела.

Уравнение Эйнштейна говорило только о том, что материя и энергия взаимозаменяемы. Если вы сталкиваете частицы с достаточно высокой скоростью, кинетическая энергия столкновения может привести к образованию короткоживущих частиц.⁸

БАК был запущен в 2006 году, и в первые годы его работы производились столкновения протонов с протонами, в результате чего выделялась энергия до четырнадцати триллионов электронвольт.

Но теперь настало время перейти ко второму этапу. Ллойд Симкоу и Тео Прокопидес возглавили группу разработчиков нового эксперимента. На этом этапе вместо столкновения протонов с протонами предстояло столкнуть друг с другом ядра свинца, каждое из которых было в двести семнадцать раз массивнее протона. В результате соударений планировалось получить энергию в тысячу сто пятьдесят электронвольт, что было сравнимо с количеством энергии во Вселенной, образовавшейся всего через миллиардную долю секунды после Большого Взрыва. Достигнув этого энергетического уровня, Ллойд и Тео должны были получить бозон Хиггса — частицу, за которой физики гонялись уже половину столетия.

А вместо этого они вызвали смерть и разрушения невероятного масштаба.

Гастон Беранже, генеральный директор ЦЕРНа, был невысоким крепким мужчиной с пышной шевелюрой и острым носом, похожим на клюв. В тот момент, когда произошли все эти странные явления, он как раз сидел в своем кабинете. Это был самый большой кабинет в комплексе ЦЕРНа. К письменному столу Беранже примыкал длинный стол для заседаний из натурального дерева. У стены стоял неплохо укомплектованный бар с зеркальной задней стенкой. Сам Беранже спиртных напитков не употреблял — уже не употреблял, поскольку нет ничего тяжелее, чем быть алкоголиком во Франции, где за каждой трапезой вино течет рекой. До начала работы в ЦЕРНе Гастон жил в Париже. Но когда в ЦЕРН приезжали важные персоны, желавшие узнать, на что идут их денежки, он должен был иметь возможность угостить их бокалом вина, не показывая при этом, как отчаянно ему хочется к ним присоединиться.

Конечно, поскольку Ллойд Симкоу и его правая рука, Тео Прокопидес, в тот день проводили такой важный эксперимент на БАК, Беранже следовало бы скорректировать свое расписание и побывать в центре управления коллайдером. Но, как обычно, образовались какие-то важные дела. Если бы он лично присутствовал при каждом запуске коллайдера, то пришлось бы бросить работу. Кроме того, ему нужно было подготовиться к встрече с представителями «Гек Альстхом», назначенной на завтрашнее утро, и...

— А ну, подбери!

У Гастона Беранже не было никаких сомнений в том, где он находится: это был его дом на правом берегу Женевского озера. Те же самые стеллажи из магазина «ИКЕА», тот же диван, то же большое удобное кресло. Но вместо стоявшего на подставке телевизора «Сони» на стене висела плоская панель. Передавали трансляцию международного матча по лакроссу.⁹ Первая команда явно была из Испании, а вторую Гастон никак не мог узнать.

⁸ Короткоживущие частицы — нестабильные, быстрораспадающиеся странные элементарные частицы. (Прим. ред.)

⁹ Лакросс — игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядами, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой. (Прим. ред.)

Форма у спортсменов была зелено-лиловой.

В комнату вошел молодой человек. Его Гастон тоже не узнал. Он был в черной кожаной куртке, которую с ходу бросил на подлокотник дивана. Куртка тут же сползла на застланный ковром пол. Маленький робот — не больше обувной коробки — выкатился из-под стола и направился к упавшей куртке. Гастон ткнул в робота пальцем и рывкнул:

— Arret!¹⁰

Робот замер и сразу же уполз под стол.

Молодой человек обернулся. На вид ему было лет девятнадцать-двадцать. На правой щеке у него красовалось что-то вроде анимированной татуировки — изображение молнии. Эта молния сновала по лицу юноши: делала пять скачков и возвращалась на место. Цикл повторялся снова и снова.

А потом он повернулся левой стороной лица. Ужасающее зрелище. Были видны все мышцы и кровеносные сосуды. Казалось, он обработал кожу каким-то химическим реагентом, и она стала прозрачной. Правая рука молодого человека была затянута экзоскелетной перчаткой. Длинные механические пальцы заканчивались блестящими наконечниками, острыми, как скальпели.

— Я сказал: подбери! — гаркнул Гастон по-французски. По крайней мере, он услышал звучание собственного голоса, хотя не почувствовал, как произносит слова. — За твою одежду плачу я, так будь добр, заботься о ней!

Молодой человек зыркнул на Гастона. Гастон был уверен, что этот парень ему незнаком, но в нем угадывалось смутное сходство... с кем? Лицо парня было наполовину прозрачно, а потому судить было сложно, но... высокий лоб, тонкие губы, холодные серые глаза, орлиный нос...

Острые когти со свистом убралась в прорези на перчатке. Парень взял куртку большим и указательным пальцами — брезгливо, как будто делал грязную работу. Гастон пристально за ним следил. При этом он не мог не заметить, что кое-что еще в гостиной выглядит иначе. Книжки на полках стояли по-другому. И томов явно стало меньше, будто кто-то основательно опустошил их фамильную библиотеку. По полкам передвигался другой робот, похожий на паука. Похоже, вытирал пыль.

В стене, на том месте, где раньше висела репродукция картины Моне «Мельница», теперь находилась ниша, в которой стояла статуэтка, напоминавшая по стилю Генри Мура... Но нет, там не могло быть никакой ниши. Эта стена была общей с соседним домом. На самом деле это было что-то вроде голограммы, висевшей на стене и создававшей иллюзию глубины. Но если так, иллюзия была на редкость реалистичной.

Двери гардеробной тоже изменились. Как только молодой человек подошел поближе, они открылись сами. Парень достал вешалку и повесил на нее куртку. Вешалку он убрал в гардеробную... и куртка тут же сползла с нее на пол.

Снова прозвучал сердитый голос Гастона:

— Марк, черт побери, неужели нельзя поаккуратнее?

Марк...

Марк!

Mon Dieu!

Вот почему парень показался ему знакомым.

Фамильное сходство.

Марк. Это имя они с Мари-Клэр выбрали для ребенка, которого она носила под сердцем.

Марк Беранже.

Гастон еще ни разу не держал этого ребенка на руках, не прижимал к плечу, не менял ему подгузники, и вот он — перед ним, взрослый мужчина. Пугающий, враждебный.

¹⁰ Стоять! (фр.)

Марк устремил взгляд на упавшую куртку. Молния на его щеке продолжала сверкать. Он немного постоял и вышел из гардеробной. Двери за ним закрылись.

— Черт возьми, Марк, — выругался Гастон. — Меня просто тошнит от твоего пофигизма. Если будешь так себя вести, никогда не найдешь работу.

— Да пошел ты! — огрызнулся парень. Голос у него был гортанный.

Вот вам и первые слова ребенка: не «мама», не «папа», а «пошел ты».

Именно в этот момент, словно специально, чтобы развеять последние сомнения, в гостиную вошла Мари-Клэр.

— Не смей так разговаривать с отцом! — воскликнула она.

Гастон был потрясен. Да, это была Мари-Клэр. Безусловно. Но она больше походила на свою мать, чем на себя. Седые волосы, морщинистое лицо и пятнадцать килограммов лишнего веса.

— Да пошла ты, — сквозь зубы процедил Марк.

Гастон не сомневался в своей реакции.

— Не смей так разговаривать с матерью!

Он не разочаровал себя.

Прежде чем Марк обернулся, Гастон успел заметить выбритый участок у него на затылке. Туда была имплантирована металлическая розетка.

Наверняка это была галлюцинация. Это *должна была быть* галлюцинация. Но как она была ужасна! Мари-Клэр вот-вот должна родить. Несколько лет они пытались зачать ребенка. Гастон руководил учреждением, где можно было точнейшим образом скрестить электрон с позитроном, но почему-то его сперматозоиды упорно не желали соединяться с яйцеклетками Мари-Клэр, хотя эти клетки были в миллионы раз крупнее субатомных частиц. Но наконец это произошло. Наконец Господь им улыбнулся. Наконец Мари-Клэр забеременела.

И вот теперь, девять месяцев спустя, должен был появиться на свет их ребенок. Все эти занятия по методике Ламаза, куча планов, обустройство детской...

И вдруг этот дурной сон. Наверняка это был сон. Гастон почувствовал, как у него похолодели ступни. Самый страшный сон ему приснился в ночь перед свадьбой. Почему сейчас должно было быть иначе?

Но все было иначе. Все выглядело гораздо более реалистично, чем в любом из его снов. Он подумал о розетке в затылке своего сына, об образах, непрерывно закачиваемых в его головной мозг... Наркотик будущего?

— Отвяжитесь от меня, — бросил Марк. — У меня был чертовски трудный день.

— Да что ты? — съязвил Гастон. — День у тебя был трудный, вот как? Ты ужасно устал после того, как терроризировал туристов в Старом Городе? Не нужно было нам вмешиваться, тебе самое место в тюрьме, панк неблагодарный...

Гастон был потрясен: все, что он говорил, напомнило ему слова собственного отца. Примерно то же самое говорил ему отец, когда тому было столько лет, сколько Гастону сейчас. А ведь он тогда дал себе зарок: никогда не говорить ничего подобного своим детям.

— Гастон... — начала Мари-Клэр.

— Знаешь. Если он не ценит того, что получает от нас...

— Да на фига мне все это дерьмо, — презрительно буркнул Марк.

— Хватит, — вмешалась Мари-Клэр. — Хватит.

— Ненавижу вас, — процедил сквозь зубы Марк. — Ненавижу обоих.

Губы Гастона разжались. Он был готов что-то ответить, но тут...

...но тут он неожиданно оказался в своем кабинете в ЦЕРНе.

Передав сведения обо всех погибших, Митико Комура сразу вернулась в главный офис центра управления БАК. Она пыталась дозвониться до школы в Женеве, где училась ее восьмилетняя дочь Тамико. Со своим мужем, чиновником, занимавшим высокий пост в Токио, Митико была в разводе. В трубке постоянно звучал сигнал «занято», а швейцарская

телефонная компания почему-то не предлагала автоматически уведомить Митико в том случае, если линия освободится.

Ллойд стоял рядом с Митико. Наконец она устремила на него полный отчаяния взгляд.

— Не могу дозвониться, — сказала она. — Я должна туда поехать.

— Я поеду с тобой, — не раздумывая, ответил Ллойд.

Они выбежали из здания. Был теплый апрельский день. Солнце уже коснулось линии горизонта. Вдалеке темнели горы.

«Тойота» Митико была припаркована поблизости, но они решили поехать на «фиате» Ллойда. За руль сел Ллойд. Они выехали из ЦЕРНа, миновали высоченные цилиндрические цистерны с жидким гелием и оказались на шоссе, идущем через городок Мейран, к востоку от ЦЕРНа. Они увидели несколько машин, стоявших на обочине, но все выглядело не страшнее, чем после зимних заносов, которые в этих краях изредка случались. Правда, сейчас никакого снега не было.

Они быстро промчались через городок. Неподалеку от Мейрана находился женеvский аэропорт Куантрен. В небо поднимались клубы черного дыма. На одной из взлетно-посадочных полос разбился большой самолет компании «Свиссэр».

— Боже мой, — простонала Митико, прижав руку к губам. — Боже мой!

Они продолжали ехать по направлению к Женеве, расположенной на западном берегу Женевского озера. Женева, процветающий крупный город с населением около двухсот тысяч человек, славилась изысканными ресторанами и ужасно дорогими магазинами.

Неоновые вывески не горели, поврежденные дома с врезавшимися в них машинами (в основном это были «мерседесы» и прочие дорогие марки), разбитые витрины магазинов. Но мародерства на улицах не было. Даже туристы, похоже, были слишком испуганы, чтобы воспользоваться ситуацией.

Митико и Ллойд заметили «скорую», стоявшую около тротуара. Медики оказывали помощь старику. Не смолкая, выли сирены пожарных и полицейских машин. А еще через некоторое время Ллойд с Митико увидели вертолет, пробивший стеклянную стену офисного здания.

Они переехали через Понт де л'Иль, пересекли Рону, над которой кружили чайки. Покинув правый берег, застроенный роскошными отелями, Ллойд с Митико въехали на левый берег, исторический центр Женевы. Дорога вокруг старого города была заблокирована. Столкнулись сразу четыре машины. Пришлось ехать в объезд по узким улочкам с односторонним движением. Они проехали по рю де ла Сите, свернули на Гран-рю, но и эта улица тоже оказалась заблокирована: перегорожена потерявшим управление рейсовым автобусом. Тогда Митико с Ллойдом попытались найти другую дорогу. С каждой минутой Митико все больше и больше нервничала, поскольку везде столкнувшиеся автомобили мешали проезду.

— Сколько отсюда до школы? — спросил Ллойд.

— Меньше километра, — ответила Митико.

— Давай пойдем пешком.

Он вернулся на Гран-рю и остановил машину около тротуара Официальной парковки здесь не было, но Ллойд решил, что вряд ли кто-то обратит на это внимание при таких обстоятельствах. Они вышли из «фиата» и побежали по мощеным улочкам, круто уходящим вверх. Митико почти сразу же остановилась и сняла туфли на шпильках, чтобы легче было бежать. Но вскоре пришлось снова обуться, так как улица была усыпана битым стеклом.

Они пробежали по рю Жан Кальвин, миновали Музей Барбье-Мюллера, свернули на рю де Пьи Сен-Пьер, промчались мимо семисотлетнего Дома Тавеля — самого старого жилого дома в Женеве. Немного замедлили ход, только миновав строгое здание храма, где некогда проповедовали Жан Кальвин и Джон Нокс.

С часто бьющимся сердцем, тяжело дыша, они шли вперед. Справа — собор Сен-Пьер, слева — аукционный дом «Кристи». Митико и Ллойд торопливо перешли просторную Пляс

дю Бург-де-Фур с уютными уличными кафе и фонтаном в центре. Любимое место отдыха многочисленных туристов и жителей Женевы. Но сейчас здесь царил настоящий хаос: кто-то лежал ничком на мостовой, кто-то сидел, осматривая синяки и ссадины, кто-то оказывал помощь пострадавшим.

Наконец Митико и Ллойд добрались до школы на рю де Шодронье. Школа имени Дюкоммена была старинным учебным заведением для детей иностранцев, работающих в Женеве или ее окрестностях. Основным зданием было уже больше двухсот лет, но за последние десятилетия добавилось еще несколько корпусов. Уроки заканчивались в четыре часа дня, но до шести часов вечера проводились внеклассные занятия, чтобы работающие родители имели возможность забрать детей попозже. Но даже сейчас, около семи вечера, в школе оставалось еще очень много учеников.

Не только Митико спешила как можно скорее попасть сюда. Родители, среди которых были и дипломаты, и богатые бизнесмены, и самые разные люди, обнимали своих детишек, плача от радости.

Учебные корпуса, похоже, не пострадали. Митико и Ллойд, задыхаясь от усталости, побежали по ухоженной лужайке. По давней традиции перед фасадом школы были установлены флаги всех стран, откуда прибыли ученики. На данный момент Тамико была здесь единственной японкой, но полотнище с изображением восходящего солнца тоже развевалось на весеннем ветру.

Они вбежали в вестибюль с мраморным полом и дубовыми панелями на стенах. Канцелярия школы располагалась справа по коридору, и Митико направилась прямо туда. Створки дверей разъехались, и Митико с Ллойдом оказались у деревянной стойки, за которой сидели секретари. Митико бросилась к стойке и, задыхаясь, сказала:

— Меня... зовут...

— О, мадам Комура! — воскликнула женщина, вышедшая из кабинета. — Я пыталась вам дозвониться, но не смогла. — Она умолкла и потупилась. — Прошу вас, входите.

Митико с Ллойдом поспешно прошли в кабинет.

На столе стоял компьютер с подключенным к нему датападом.¹¹

— Где Тамико? — спросила Митико.

— Прошу вас, — начала женщина, — садитесь. — Она перевела взгляд на Ллойда: — Я мадам Северин. Директор школы.

— Ллойд Симкоу, — представился Ллойд. — Жених Митико.

— Где Тамико? — повторила свой вопрос Митико.

— Мадам Комура, мне очень жаль. Я... — Мадам Северин умолкла, сглотнув комок в горле, и начала снова: — Тамико была во дворе. По автостоянке проезжала машина, и... Мне так жаль.

— Как она? — спросила Митико.

— Тамико погибла, мадам Комура. Мы все... Я не знаю, что произошло. Похоже, мы все лишились сознания. Когда мы пришли в себя, то нашли ее мертвой.

Из глаз Митико хлынули слезы. Сердце Ллойда сжалось от боли. Митико бессильно опустилась на стул и закрыла лицо руками. Ллойд сел рядом и обнял ее.

— Мне так жаль, — повторила мадам Северин.

— Вы не виноваты, — кивнул Ллойд.

Митико перестала рыдать и посмотрела на мадам Северин красными от слез глазами.

— Я хочу ее видеть.

— Она там, на автостоянке. Простите, пожалуйста... Мы позвонили в полицию, но они еще не приехали.

— Я хочу ее видеть, — упавшим голосом повторила Митико.

¹¹ Датапад — переносной персональный компьютер, выполняющий функции записной книжки, планировщика дня, калькулятора и блокнота; может подсоединяться к большим компьютерным сетям. (Прим. ред.)

Мадам Северин кивнула и повела их во двор за главным зданием. Несколько детей стояли и смотрели на неподвижно лежавшую на земле девочку. Им было страшно, но любопытство взяло верх. Никто их не прогонял, так как у учителей дел было по горло: надо было помочь детям, получившим травмы.

Тамико лежала на асфальте. Ни капли крови. Казалось, ее тело невредимо. Та машина, которая налетела на нее, стояла в нескольких метрах позади. Бампер был поцарапан.

Митико не дошла до тела дочери. Она упала на асфальт и разрыдалась. Ллойд поднял ее и прижал к себе. Мадам Северин, постояв немного рядом с ними, ушла успокаивать других родителей и решать другие проблемы.

Немного придя в себя, Митико все же смогла подойти к телу Тамико. Ллойд тоже подошел и наклонился над мертвой девочкой. Слезы застилали его глаза, сердце готово было разорваться. Он бережно убрал со лба Тамико прядь волос.

Он не знал, что сказать, не знал, как утешить Митико. Они простояли около тела Тамико, наверное, с полчаса. Митико все плакала и плакала и не могла остановиться.

3

Тео Прокопидес, пошатываясь, прошел по украшенному мозаичными панно коридору к своему крошечному кабинету, где на стенах висели постеры к мультфильмам: Астерикс, Рен и Стемпи, Багз Банни и Фред Флинстоун, а еще Гага из Ваги.

У Тео кружилась голова, как после контузии. Никаких видений, в отличие от остальных, у него не было. Но его огорчало даже то, что он на какие-то минуты отключился. К тому же он переживал за своих коллег, получивших травмы, переживал из-за сообщений о гибели людей в Женеве и ее окрестностях. Словом, был в полном отчаянии.

Тео понимал, что его считают выскочкой, заносчивым гордецом. Но в действительности это было не совсем так. Во всяком случае, вся его задиристость была наносной, чисто внешней. Другие только говорили о своих мечтах, а он день и ночь трудился, чтобы сделать свою мечту реальностью. Но то, что случилось сегодня... Он просто не знал, что делать.

Сообщения продолжали поступать. Сто одиннадцать человек погибли при крушении самолета авиакомпании «Свиссэр» в женеvском аэропорту. При обычных обстоятельствах хоть кого-то можно было бы спасти, но никто не занялся эвакуацией людей до того, как самолет загорелся.

Тео рухнул в черное кожаное вращающееся кресло. Он видел дым на горизонте, так как окно выходило на аэропорт. Для того чтобы иметь кабинет с видом на горы Юра, нужно было занимать более высокую должность.

Они с Ллойдом никому не желали зла. Черт побери, Тео даже не мог себе представить, что могло повлечь за собой такую катастрофу. Мощнейший электромагнитный импульс? Но тогда скорее пострадали бы компьютеры, а не люди. Все тончайшие приборы в ЦЕРНе, похоже, работали нормально.

Садясь в кресло, Тео развернулся к окну, а потому понял, что в кабинет кто-то вошел, только по тактичному покашливанию. Повернувшись, он увидел Джейкоба Горовица, молодого аспиранта, работавшего в группе Ллойда и Тео. Веснушчатый парень с рыжей шевелюрой.

— Вы не виноваты, — с чувством произнес Джейк.

— Конечно виноваты, — отрезал Тео. — Мы явно не учли какой-то важный фактор, и...

— Нет, — решительно возразил Джейк. — Однозначно не виноваты. Все это вообще не имеет никакого отношения к ЦЕРНу.

— Что? — непонимающе произнес Тео.

— Спуститесь в комнату отдыха.

— Не хочу сейчас никого видеть...

— Нет, пойдете. Там идет выпуск новостей Си-эн-эн, и...

— Что, уже до Си-эн-эн дошло?

— Увидите. Пошли скорее!

Тео неохотно встал и последовал за Джейком. Подгоняемый Джейком, он даже прибавил шаг. В комнате отдыха оказалось около двух десятков человек.

— ...Хелен Майклз сообщает из Нью-Йорка. Берни?

На экране появилось морщинистое лицо ведущего Бернарда Шоу.

— Спасибо, Хелен. Как видите, — продолжил он, обращаясь к телезрителям, — явление, видимо, носит глобальный характер, и это позволяет сделать определенные выводы. Похоже, первые предположения о том, что все произошло в результате воздействия какого-то иностранного оружия, неверны. Однако не исключена возможность террористического акта. Правда, пока никто не взял на себя ответственность за случившееся, и... Прошу прощения, у нас появилась связь с Австралией, и сейчас вы увидите репортаж оттуда.

На экране возникла панорама Сиднея — белые паруса Оперного театра на фоне темного неба.

— Берни, в Сиднее сейчас чуть больше четырех часов утра, — начал репортер, показанный крупным планом. — Пока я не могу дать вам картинку того, что тут произошло. Сообщения поступают медленно, по мере того как люди осознают, что пострадали не только они. Трагедий много: у нас имеется информация из больницы в центре Сиднея. Там женщина умерла во время операции, когда все врачи в операционной просто прекратили работу на несколько минут. Имеется также сообщение о предотвращении ограбления круглосуточного магазина, где все, включая грабителя, одновременно потеряли сознание. Это произошло в два часа пополудни по местному времени. Грабитель, по всей видимости, отключился и рухнул на пол, а продавец, пришедший в сознание раньше, сумел забрать у того пистолет. Пока точных сведений о числе погибших в Сиднее нет, не говоря уже обо всей Австралии.

— Пол, как насчет галлюцинаций? Есть ли сообщения о таких эпизодах?

Последовала пауза. Вопрос, заданный Шоу, прошел по спутниковой системе от Атланты до Австралии.

— Берни, разговоры об этом ходят. Мы не знаем, у скольких людей были галлюцинации, но, похоже, таких очень много. Лично у меня было очень яркое видение.

— Спасибо, Пол. — Картинка за спиной Шоу сменилась изображением печати президента США. — Как нам сообщили, президент Боултон через пятнадцать минут выступит с обращением к нации. Си-эн-эн будет транслировать его выступление в прямом эфире. А сейчас у нас есть репортаж из Пакистана. На связи Исламабад. Юсеф, вы нас слышите?

— Вот видите, — негромко произнес Джейк. — ЦЕРН тут совершенно ни при чем.

Тео был, конечно, потрясен, но одновременно почувствовал некоторое облегчение. Что-то поразило всю планету, и, конечно, их эксперимент не мог стать причиной этого.

И все же...

...и все же. Если это не было связано с экспериментом на БАК, то что могло вызвать это странное явление? Был ли прав Шоу? Действительно ли это было тайным оружием террористов? После явления прошло всего два часа. Команда Си-эн-эн демонстрировала потрясающий профессионализм. А Тео пока еще не удалось взять себя в руки.

Все человечество на пару минут лишилось сознания. Какой урожай собрала смерть?

Сколько столкнулось машин?

Сколько разбилось самолетов? Сколько планеров? Сколько парашютистов, не успевших дернуть за кольцо?

Сколько сорвалось хирургических операций? Сколько родов прошло с осложнением?

Сколько человек упало с лестниц и стремянок?

Конечно, большая часть самолетов пару минут могли лететь на автопилоте, если только в эти моменты они не совершали взлет или посадку. На шоссе, где не было большого движения, некоторые машины могли даже остановиться, могло обойтись без жертв.

Но все равно... Все равно...

— Удивительно то, — продолжал вещать с экрана Бернард Шоу, — что, насколько мы можем судить, сознание всех жителей Земли отключилось ровно в полдень по Восточному времени.¹² Сначала казалось, что время не совпадает, но затем мы все проверили. Здесь, в центре Си-эн-эн, в Атланте, часы настраиваются по сигналу, поступающему из Национального института стандартов и технологии в Боулдере, штат Колорадо. Сделав скидку на незначительные отклонения между показаниями личных часов наших сотрудников, мы пришли к выводу: явление имело место ровно в полдень по Восточному времени, секунда в секунду...

«Секунда в секунду... — подумал Тео. — Господи Иисусе!»

В ЦЕРНе, естественно, пользовались атомными часами. Эксперимент был назначен на семнадцать часов ровно по женевскому времени, а это...

...а это полдень в Атланте.

— С нами снова астроном Дональд Пурт из Технологического института штата Джорджия, с которым мы беседуем на протяжении последних двух часов, — сказал Шоу. — Он должен был стать гостем нашей программы «Сегодня утром», и нам повезло, что он оказался в студии. Доктор Пурт немного бледен. Прошу нас простить. Мы, можно сказать, вытолкнули его в прямой эфир, не дав гримерам потрудиться над его лицом. Доктор Пурт, спасибо вам за то, что согласились присоединиться к нам.

Доктору Пурту было слегка за пятьдесят. Худощавый, с длинным лицом. В свете студийных софитов он действительно казался бледным, словно ни разу не выходил на солнце со времени инаугурации президента Клинтона.

— Спасибо, Берни.

— Расскажите нам еще раз, что произошло, доктор Пурт.

— Что ж... Как вы уже заметили, явление произошло ровно в полдень, с точностью до секунды. Правда, в часе три тысячи шестьсот секунд, и, таким образом, вероятность того, что то или иное событие произойдет, как вы любите выражаться, когда обе стрелки наверху, — один шанс из трех тысяч шестисот. Другими словами, вероятность ничтожно мала. Это наводит меня на мысль о том, что, говоря о данном явлении, нужно учитывать человеческий фактор. Похоже, было что-то, запланированное именно на это время. Но вот относительно того, что могло вызвать это явление, у меня нет никаких догадок...

«Проклятье! — подумал Тео. — Черт побери! Это просто должно быть связано с экспериментом на БАК. Совпадений быть не может. Первое в истории человечества столкновение частиц с самыми высокими энергиями произошло одновременно со странным явлением, секунда в секунду!!!»

Нет. Нет. Говорить так было нечестно. Это не было каким-то просто явлением. Это была катастрофа. Наверное, самая страшная катастрофа в истории человечества.

И он, Тео Прокопидес, каким-то образом спровоцировал эту катастрофу.

Тут в комнату отдыха вошел генеральный директор ЦЕРНа Гастон Беранже.

— Вот вы где! — воскликнул он таким тоном, словно Тео где-то пропадал несколько недель.

Тео бросил на Джейка обеспокоенный взгляд, а затем повернулся к генеральному директору:

— Здравствуйте, доктор Беранже.

— Какого черта вы тут натворили? — свирепо спросил Беранже по-французски. — И где Симкоу?

— Ллойд с Митико поехали забрать дочь Митико... Она в школе имени Дюкоммена.

— Что произошло? — не отступал Беранже.

¹² Имеется в виду Североамериканское восточное время, которое на минус пять часов отличается от Всемирного времени по Гринвичу. (Прим. ред.)

— Понятия не имею, — развел руками Тео. — Даже представить не могу, что могло вызвать такой эффект.

— Это... Как бы это ни называлось, но произошло оно с точностью до секунды в то самое время, на которое было назначено начало вашего эксперимента на БАК!

Тео кивнул и указал на экран телевизора:

— Бернард Шоу так и сказал.

— Об этом уже говорят на Си-эн-эн! — взвыл француз в отчаянии. — А как они узнали о вашем эксперименте?

— Шоу ни слова не сказал о ЦЕРНе. Он просто...

— Слава богу! Послушайте. Вы ни слова никому не должны говорить о том, чем занимались, понятно?

— Но...

— Ни слова. Ущерб исчисляется миллиардами, если не триллионами. Наша страховка не покроет и мизерной доли!

Тео был не слишком близко знаком с Беранже, но все администраторы от науки в мире, похоже, были слеплены из одного теста. После того как Беранже упомянул об ответственности за последствия, Тео представил себе, что его может ждать.

— Проклятье! Но мы никак не могли предположить, что случится нечто подобное. Любой эксперт подтвердит, что это невозможно было предвидеть. Но случилось нечто такое, с чем никто и никогда прежде не сталкивался, и только мы можем разгадать причину. Мы обязаны все исследовать.

— Естественно, мы все исследуем, — сказал Беранже. — По моему распоряжению в туннеле уже работают более сорока инженеров. Но мы должны быть очень осторожны — и не только ради ЦЕРНа. Думаете, можно избежать судебных разбирательств? Думаете, против вашей команды — оптом и в розницу — не будут выдвинуты обвинения? Какими бы непредсказуемыми ни были последствия вашей работы, непременно найдутся такие, кто назовет это преступной беспечностью, и отвечать придется нам.

— Вы говорите о том, что каждого из нас могут привлечь к суду?

— Вот именно, — пророкотал Беранже. — Каждого! Внимание! Прошу внимания! — Все обернулись. — Вот как мы решим этот вопрос, — обратился Беранже к сотрудникам. — За пределами ЦЕРНа никто не должен упоминать о том, что наше учреждение может быть каким-то образом причастно к случившемуся. Если кому-то будут звонить, если кто-то будет получать электронные письма с вопросами о запланированном на сегодня эксперименте на БАК, отвечайте, что начало эксперимента было перенесено на семнадцать тридцать из-за сбоя в работе компьютеров, и в итоге — из-за всего, что сегодня случилось, — эксперимент вообще отменили. Ясно? Кроме того, никакого общения с прессой. Этим будет заниматься только наш отдел по связям с общественностью, понятно? И ради бога, без моего письменного разрешения больше никто не должен активировать БАК. Все ясно?

Сотрудники дружно закивали.

— Мы все переживем, ребята, — продолжал Беранже. — Обещаю. Но нам придется трудиться плечом к плечу. — Он понизил голос и снова заговорил с Тео: — Я хочу, чтобы мне каждый час докладывали о том, что вам удалось выяснить. — Он развернулся, собираясь уходить.

— Погодите, — спохватился Тео. — Не могли бы вы поручить кому-то из секретарей смотреть выпуски Си-эн-эн? Должен же кто-то отслеживать все новости. Могут сообщить что-нибудь важное.

— Вы меня, похоже, слегка недооцениваете, — буркнул Беранже. — Я уже отдал соответствующие распоряжения. Мои подчиненные смотрят не только Си-эн-эн. Они смотрят Би-би-си, французский новостной канал, Си-би-си — короче, все спутниковые новостные каналы. Причем всю информацию мы записываем. Мне нужны самые подробные отчеты обо всем происходящем. Не желаю, чтобы кто-то потом раздувал требования компенсации причиненного ущерба.

— Меня больше интересует выяснение причин явления, — заметил Тео.

— Этим мы тоже займемся, безусловно, — успокоил его Беранже. — Не забывайте: вы должны информировать меня каждый час. Каждый час.

Тео кивнул. Беранже ушел. Тео немного постоял, потирая виски. Проклятье... Как он жалел о том, что рядом нет Ллойда.

— Ладно, — наконец сказал он Джейку. — Похоже, нам придется запустить полную диагностику всех систем в центре управления. Нужно выяснить, не вышла ли из строя какая-то аппаратура. И давай соберем группу. Посмотрим, не подскажут ли нам что-нибудь галлюцинации.

— Я смогу кое-кого подключить, — заявил Джейк.

— Отлично, — кивнул Тео. — Соберемся в большом конференц-зале на втором этаже.

— Хорошо. Подойду туда, как только смогу, — бросил Джейк и вышел.

Тео понимал, что пора, засучив рукава, браться за дело, но несколько секунд стоял, не в силах тронуться с места. Все случившееся его просто выбило из колеи.

Митико сумела собраться и попыталась дозвониться отцу Тамико в Токио. И хотя там еще не было и четырех часов утра, все телефонные линии оказались перегружены. Такую новость мало кто захотел бы посылать электронной почтой, однако все международные коммуникационные системы пока работали, и Митико решила воспользоваться Интернетом, этим плодом холодной войны, изначально разработанным по сетевому принципу. Сколько бы узлов Всемирной паутины ни поразили вражеские бомбы, сообщения все равно могли доходить до адресатов. Митико воспользовалась одним из школьных компьютеров и написала сообщение по-английски. Дома у нее стоял компьютер с японской клавиатурой, но здесь таких не было. Отправлять сообщение пришлось Ллойд, так как разрывавшаяся Митико была не в силах нажать нужные клавиши.

Ллойд не знал, что говорить, что делать. Гибель ребенка... Страшнее удара для родителей просто не может быть, но в любом случае Митико оказалась не единственной, на кого сегодня обрушилось такое горе. Столько погибших, столько раненых, такие ужасные разрушения. Конечно, все это не смягчало горечь утраты, но...

... но нужно было заниматься важными делами. Наверное, Ллойд вообще не стоило покидать ЦЕРН. В конце концов, вполне могло быть, что причиной случившегося стал эксперимент, которым руководили они с Тео. Ллойд осознавал, что уехал из ЦЕРНа не только из любви к Митико, не только из-за тревоги за Тамико. Ему хотелось — хотя бы отчасти — оказаться подальше от того, что произошло в ЦЕРНе.

А теперь...

...а теперь они обязаны были вернуться в ЦЕРН. Если кто-то и мог понять, что произошло не только здесь, но и во всем мире (о чем Ллойд узнал из разговоров родителей между собой), так это сотрудники ЦЕРНа. Дождаться «скорой», которая должна была приехать за телом Тамико, бессмысленно. Машина могла появиться через несколько часов и даже через несколько дней. Кроме того, по закону они наверняка не могли увезти тело до осмотра полиции. Правда, вряд ли водителя могли признать виновным.

Наконец вернулась мадам Северин. Она обещала присмотреть за телом Тамико до приезда полиции.

Лицо Митико опухло и покраснело от слез, глаза налились кровью. Она выплакала все слезы, но время от времени ее тело содрогалось от рыданий.

Ллойд тоже любил маленькую Тамико. Она должна была стать его падчерицей. Но пока у него даже не было возможности оплакать бедную девочку. Все эмоции он истратил на то, чтобы хоть немного утешить Митико. Он знал, что слезы придут потом, но сейчас он должен был держаться. Ллойд нежно приподнял указательным пальцем подбородок Митико. Он был готов сказать ей о долге, ответственности, о том, что их ждут на работе, но Митико тоже была сильна и по-своему мудра. Она была просто чудесная, и он так любил ее. Но никакие слова не потребовались. Митико едва заметно кивнула и еле слышно произнесла дрожащими

губами:

— Я знаю. Нам пора возвращаться в ЦЕРН.

Ллойд помог ей встать и обнял за талию. Со всех сторон доносились гудки и вой сирен — «скорые», пожарные и полицейские машины. В сумерках они добрались до «фиата» Ллойда. Фонари не горели. По темным улицам, усыпанным битым стеклом и обломками камней, они поехали к ЦЕРНу. Митико сидела молча, обхватив себя руками.

Ллойд пришла на память одна история, которую ему рассказывала мать. Это случилось в 1965 году. Он тогда был еще совсем маленьким и ничего помнить не мог. В ту ночь погас свет. На северо-восточном побережье США произошел серьезный сбой в системе электроснабжения. Электричества не было четыре часа. Мать была дома с Ллойдом одна, и она говорила ему, что все, кто пережил это «затемнение», на всю жизнь запомнили, где находились, когда погас свет.

И теперь будет точно так же. Каждый будет помнить, где он находился, когда случилось нынешнее «затемнение».

Каждый, кому удалось остаться в живых.

4

К тому времени, когда Ллойд с Митико вернулись в ЦЕРН, Джейк и Тео собрали группу сотрудников, работавших с БАК, в конференц-зале на втором этаже центра управления.

Большинство сотрудников ЦЕРНа, приехавших сюда со всей Европы и с других континентов, жили либо в швейцарском городке Мейран, расположенном к востоку от комплекса, либо в Женеве — на десять километров дальше, либо во французских городах Сен-Жени и Туари, к северо-западу от ЦЕРНа. И вот сейчас к Ллойд были обращены лица людей самых разных национальностей. Митико присоединилась к остальным, но вид у нее был отстраненный. Она сидела, раскачиваясь, на стуле, ничего не слыша и ничего не замечая.

Ллойд, как руководитель проекта, начал собрание. Он еще раз взгляделся в лица людей, сидевших вокруг него.

— Тео рассказал мне о том, что говорили по каналу Си-эн-эн. Полагаю, нет никаких сомнений в том, что у людей по всему миру действительно возникли галлюцинации. — Он сделал глубокий вдох: сосредоточиться, ясно увидеть цель — вот что ему сейчас было необходимо. — Давайте попытаемся точнее понять, что произошло. Как вы смотрите на то, чтобы высказываться по очереди? В подробности вдаваться не нужно. Просто четко сформулируйте то, что вы видели. Если нет возражений, я буду делать заметки. Улаф, как смотришь на то, чтобы начать с тебя?

— Почему бы и нет? — пожал плечами мускулистый блондин. — Я оказался в загородном доме моих родителей. У них есть шале неподалеку от Сундсвалля.

— То есть это место было тебе знакомо? — спросил Ллойд.

— Ну да.

— И насколько точным было видение?

— Очень точным. Все выглядело именно так, как в мой последний приезд туда.

— Кто-нибудь был рядом с тобой в этом видении?

— Нет. Что довольно странно. Ведь я езжу туда только для того, чтобы навестить родителей, но их там не было.

Ллойд вспомнил о составившейся версии самого себя, отразившейся в зеркале.

— Улаф, ты видел себя в этом видении?

— В смысле — в зеркале? Нет.

— Хорошо, — кивнул Ллойд. — Спасибо.

Рядом с Улафом сидела чернокожая женщина в возрасте. Ллойд стало неловко. Ведь он должен был знать, как ее зовут, но никак не мог вспомнить. Наконец он улыбнулся и

сказал:

— Поехали дальше.

— Похоже, это было на окраине Найроби, — начала женщина. — Поздно вечером. Было тепло. Я подумала, что нахожусь на Динезен-стрит, но улица была застроена слишком высокими домами. И еще там стоял «Макдоналдс».

— А в Кении их нет? — поинтересовался Ллойд.

— Есть, конечно. И на вывеске было написано, что это «Макдоналдс», но логотип был неправильный. Не золотые дуги, а большая буква «М», вычерченная совершенно прямыми линиями. Странно.

— Значит, Улаф увидел место, где он часто бывал, а вы — то, где не бывали ни разу. Или, по крайней мере, вы увидели то, чего раньше никогда не видели.

Да. Пожалуй, что так, — кивнула женщина.

Еще четыре человека — и наступит черед Митико. Ллойд не мог понять, слушает ли она то, что говорят коллеги.

— Франко, а ты что скажешь? — спросил Ллойд.

Франко делла Роббиа пожал плечами.

— Это был Рим. Ночью. Но... даже не знаю, как сказать. Выглядело все точно какая-нибудь компьютерная игра. Виртуальная реальность.

— Почему ты так говоришь? — заинтересовался Ллойд, подавшись вперед.

— Ну, вообще-то это был Рим. Прямо около Колизея. И я вел машину... Но только на самом деле я ее не вел. Она работала как бы сама по себе. Про ту, в которой сидел я, не могу сказать, но другие автомобили парили сантиметрах в двадцати от земли. — Он снова пожал плечами. — Словом, какая-то игровая имитация.

Свен и Антония, рассказывавшие о летающих машинах раньше, энергично закивали.

— Я видел то же самое, — подтвердил Свен. — Не в Риме, конечно. Но летающие машины там были.

— И я такие видела, — подхватила Антония.

— Интересно, — кивнул Ллойд и обратился к молодому аспиранту Джейкобу Горовицу: — Джейк, а ты что видел?

Джейк нервно взъерошил пятерней рыжую шевелюру.

— Я видел комнату. Ничего особенного. Какая-то лаборатория. Желтые стены. На одной стене висела таблица — периодическая система элементов. Весь текст в таблице был на английском. И там была Карли Томпкинс.

— Кто-кто? — переспросил Ллойд.

— Карли Томпкинс. Во всяком случае мне показалось, что это она. Только... она выглядела намного старше, чем тогда, когда мы с ней в последний раз виделись.

— Кто такая Карли Томпкинс?

Ответил не Джейк, а Тео Прокопидес, сидевший немного дальше.

— Ты должен знать ее, Ллойд. Она канадка, твоя землячка. Карли исследует мезоны. В последнее время работает в TRIUMF.¹³

— Точно, — кивнул Джейк. — Я с ней и встречался-то всего пару раз, но это определенно была она.

Сидевшая рядом с Джейком Антония вдруг задумчиво подняла брови.

— Интересно, если Джейк видел Карли, то случайно не видела ли Карли Джейка? — произнесла итальянка, завладев вниманием аудитории.

— Выяснить это можно единственным способом. Мы могли бы ей позвонить, — пожал плечами Ллойд и, посмотрев на Джейка, добавил: — У тебя есть номер ее телефона?

— Я же сказал: я с ней едва знаком, — покачал головой Джейк. — На последней

¹³ TRIUMF — Канадская национальная лаборатория ядерной физики и физики элементарных частиц. (Прим. перев.)

конференции Американского физического общества мы ходили на одни и те же семинары, а еще я был на защите ее диссертации по хромодинамике.

— Если она член АФО, то ее фамилия должна значиться в справочнике, — заметила Антония и, подойдя к стеллажу, взяла с полки книгу, перелистала страницы и сообщила собравшимся: — Вот номера ее домашнего и рабочего телефонов.

— Я... я не хочу ей звонить, — заявил Джейк.

Ллойда удивило его нежелание звонить Карли, но он не стал уточнять, в чем причина.

— Ладно, — подытожил он. — На самом деле тебе и не стоит с ней разговаривать. Мне интересно, не назовет ли она сама твое имя.

— Не исключено, что связаться с ней не удастся, — заметил Свен. — Телефонные линии перегружены. Люди пытаются дозвониться родственникам и друзьям. Не говоря уже о том, что многие линии повреждены.

— Все же стоит попытаться, — возразил Тео и, подойдя к Антонии, взял у нее справочник. — А как отсюда звонить в Канаду?

— Точно так же, как в США, — ответил Ллойд. — Код страны тот же самый: ноль-один.

Тео набрал длинный ряд цифр. Затем он начал загибать пальцы, чтобы остальные поняли, сколько гудков он слышит в трубке. Один. Два. Три. Четыре.

— Алло? Будьте добры, Карли Томпкинс. Здравствуйте, доктор Томпкинс. Я звоню вам из Женевы, из ЦЕРНа. От имени группы ученых. Нас тут несколько человек. Вы не возражаете, если я включу громкую связь?

— Да, пожалуйста. Включайте. А в чем дело? — ответил сонный голос.

— Нам хотелось бы узнать, какая галлюцинация у вас возникла во время всеобщего «затемнения».

— Что? Это что, шутка?

Тео посмотрел на Ллойда:

— Она ничего не знает.

— Доктор Томпкинс, говорит Ллойд Симкоу, — кашлянув, произнес Ллойд. — Я тоже канадец. Я работал в группе «D-ноль» в Лаборатории имени Ферми до две тысячи седьмого года, а последние два года работаю в ЦЕРНе. — Тут он помедлил, не зная, что сказать. — А который у вас сейчас час?

— Скоро полдень. — Послышался зевок. — У меня сегодня выходной, и я отсыпаюсь. Так в чем все-таки дело?

— Значит, вы спали до нашего звонка?

— Да.

— В той комнате, где вы находитесь, есть телевизор?

— Да.

— Включите его. Посмотрите новости.

— Вряд ли я смогу посмотреть швейцарские новости в Британской Колумбии, — немного раздраженно откликнулась Карли.

— Вам не нужно смотреть швейцарские новости. Включите любой новостной канал.

Все услышали глубокий вздох на том конце провода.

— Ладно. Секундочку.

Послышался приглушенный звук телевизора. Видимо, Карли включила канал Си-би-си. Казалось, она целую вечность отсутствовала. Наконец снова все услышали ее голос.

— О боже! — прошептала она в трубку. — О господи!

— А вы все проспали? — спросил Тео.

— Похоже на то, — прозвучал голос Карли с другого конца планеты. Несколько секунд она молчала. — А почему вы мне позвонили?

— В том выпуске новостей, который вы видели, шла речь о галлюцинациях?

— Джоэль Готлиб как раз сейчас об этом говорит, — ответила Карли. Скорее всего, она имела в виду канадского телеведущего. — Безумие какое-то. Но в любом случае со мной

ничего такого не было.

— Хорошо, — сказал Ллойд. — Извините, что разбудили вас, доктор Томпкинс. Мы...

— Погодите, — прервал его Тео и, не обращая внимания на удивленный взгляд своего начальника, продолжил: — Доктор Томпкинс, меня зовут Тео Прокопидес. Мы, кажется, пару раз встречались на конференциях.

— Может быть, — сказала Карли.

— Доктор Томпкинс, — настаивал Тео. — Я, как и вы, ничего не видел. Ни видений, ни снов. Ничего.

— Сны, сны... — задумчиво произнесла Карли. — Вы мне напомнили. Да, кажется, я видела сон. И вот что забавно: сон был цветной, хотя раньше мне никогда не снились цветные сны. И я запомнила парня, который мне приснился. У него были рыжие волосы.

Тео, похоже, слегка расстроился. Очевидно, он даже обрадовался, что не он один пережил «затемнение» без видений. Но у всех остальных брови полезли на лоб. Все, не сговариваясь, уставились на Джейка.

— И еще, — продолжала Карли, — у него было... красное нижнее белье.

Лицо юного Джейка приобрело вышеупомянутый цвет.

— Красное нижнее белье? — переспросил Ллойд.

— Именно так.

— А вам знаком этот человек?

— Нет, я так не думаю.

— Он не похож ни на кого, с кем вы виделись раньше?

— Нет, вряд ли.

Ллойд наклонился ближе к телефонной трубке:

— А как насчет... как насчет *отца* кого-нибудь из ваших знакомых? Он не был похож на чьего-нибудь отца?

— К чему вы клоните?

Ллойд вздохнул, обвел взглядом своих коллег, чтобы убедиться, что никто из них не против продолжения разговора. Никто не возражал.

— Вам что-нибудь говорит такое имя: Джейкоб Горовиц?

— Я его не... Нет, подождите. Да-да. Да, точно. Вот кого мне напомнил этот человек. Ну верно, это был Джейкоб Горовиц, но знаете... Ему, похоже, нужно лучше следить за своим здоровьем. Он выглядел так, словно со времени нашей последней встречи постарел на пару десятков лет.

Антония негромко ахнула. У Ллойда часто забилося сердце.

— Послушайте, — продолжила Карли, — мне надо узнать, все ли в порядке с моими родственниками. Мои родители живут в Виннипеге. Я должна срочно с ними связаться.

— Вы позволите перезвонить вам через какое-то время? — спросил Ллойд. — Понимаете, Джейкоб Горовиц здесь, с нами, и, похоже, его видение совпадает с вашим. Он сказал, что находился в лаборатории и...

— Верно, это была лаборатория.

Голос Ллойда зазвучал немного неуверенно.

— И он был в нижнем белье?

— Ну... не в конце видения. Извините, мне пора.

— Спасибо, — произнес Ллойд. — Всего вам доброго.

— До свидания.

Послышались частые гудки. Тео наклонился и положил трубку на рычаг.

Джейкоб Горовиц был ужасно смущен. Ллойду хотелось сказать ему, что половина его знакомых физиков занимались чем-то подобным в лабораториях, но молодой аспирант выглядел так, словно упадет в обморок, если кто-нибудь с ним сейчас заговорит. Ллойд снова пробежался глазами по лицам сотрудников.

— Хорошо, — заявил он. — Хорошо. Я все-таки скажу, так как знаю, что все вы думаете именно об этом. Что бы здесь ни произошло, это вызвало некий временной сдвиг.

Видения не были галлюцинациями. Они были взглядом в будущее. И тот факт, что видения Джейкоба Горовица и Карли Томпкинс совпали, свидетельствует именно об этом.

— А у Рауля, если не ошибаюсь, видение было психоделическое, — вмешался Тео.

— Ну да, — подтвердил Рауль. — Что-то вроде сна.

— Вроде сна, — повторила Митико.

Глаза у нее до сих пор были красные от слез, но она уже начала реагировать на происходящее вокруг. Больше она ничего не сказала, но Антония уловила ее мысль.

— Митико права, — заявила Антония. — Тут нет мистики. Вполне вероятно, что в какой-то момент в будущем Рауль будет спать и видеть сон.

— Но это безумие, — покачал головой Тео. — Послушайте, у меня не было никакого видения.

— Но *что-то* ты почувствовал? — спросил Свен, который пропустил рассказ Тео о своих ощущениях.

— Это было... Даже не знаю, как сказать. Что-то вроде бесконечности, наверное. Просто вдруг стало на две минуты позже. У меня не было ощущения течения времени. И никаких видений. — Тео решительно сложил руки на груди. — И как вы это объясните?

В зале воцарилась тишина. Сочувственные взгляды коллег говорили Ллойд, что все думают об одном и том же, только не решаются сказать об этом вслух. Наконец Ллойд едва заметно пожал плечами.

— Все просто, — произнес он и посмотрел на своего гениального, амбициозного двадцатисемилетнего помощника. — Через двадцать лет... В общем, в то время, к которому относятся видения... — Он сокрушенно развел руками. — Прости, Тео, но к этому времени тебя не будет в живых.

5

Ллойд ужасно хотелось узнать, какое видение было у Митико. Но она пока была не в себе, и это было понятно. Когда очередь дошла до нее, Ллойд ее пропустил. Ему хотелось как можно скорее отвезти Митико домой. Правда, сейчас ее нельзя было оставлять одну, но ни Ллойд, ни кто-то еще не могли уехать из ЦЕРНа вместе с ней.

Ни у кого из сотрудников, входивших в группу Ллойда, видения не совпали. Ничто не говорило о том, что видения относились к одному и тому же времени, к одной и той же реальности, но, похоже, все оказались в том времени, когда у них был выходной или отпуск. Но оставался вопрос с Джейком Горовицем и Карли Томпкинс, которые, несмотря на разделяющее их огромное расстояние, в видениях оказались в одном и том же месте. Конечно, возможно, это было простым совпадением. Но если видения совпадали не только в общем, но и в мельчайших деталях, это могло иметь большое значение.

Ллойд и Митико ушли в кабинет Ллойда. Митико забралась с ногами в большое кресло и, как одеялом, накрылась плащом Ллойда. Ллойд подошел к телефону и набрал номер.

— Bonjour, — сказал он. — La police de Gendve? Je m'appelle Lloyd Simcoe; je suis avec CERN.¹⁴

— Oui, monsieur Simcoe,¹⁵ — произнес мужской голос и переключился на английский. Швейцарцы часто так поступали, услышав акцент Ллойда. — Слушаю вас.

— Я понимаю, вы ужасно заняты...

— Слабо сказано, мсье. Мы, как это говорится у вас, просто *зашиваемся*.

«Сказал бы уж *„загибаемся“*», — подумал Ллойд.

— Но я надеюсь, что хотя бы один из ваших дознавателей свободен. У нас появилась

¹⁴ Добрый день. Женевская полиция? Меня зовут Ллойд Симкоу. Я из ЦЕРНа (фр.).

¹⁵ Да, мсье Симкоу (фр.).

гипотеза относительно видений, и нам нужен профессионал для снятия показаний.

— Сейчас соединю вас с отделом дознания.

Пока Ллойд ждал у телефона, в кабинет заглянул Тео.

— Би-би-си сообщает: у многих людей были совпадающие видения, — сказал он. — Например, у многих супружеских пар, даже при том что на время «затемнения» они находились в разных комнатах.

— Все-таки, — кивнул Ллойд, — думаю, не исключена возможность того, что синхронизация видений была локальным явлением, в том числе и у Карли с Джейком. Но... — начал он и замолчал.

В конце концов, он говорил с Тео, у которого никакого видения не было. Но если Карли Томпкинс и Джейкоб Горовиц (она — в Ванкувере, а он — недалеко от Женевы) на самом деле видели одно и то же, значит, можно было почти не сомневаться в том, что видения относились к одному и тому же периоду будущего. Это были кусочки мозаики грядущего — грядущего, в котором не было места Тео Прокопидесу.

— Расскажите мне о помещении, в котором вы находились, — попросила, достав датапад, дознаватель, швейцарка средних лет.

На ней была широкая рубашка поло. Эти рубашки, вышедшие из моды в конце восьмидесятых, снова обрели популярность.

Джейкоб Горовиц зажмурился, сосредоточился и попытался вспомнить все подробности.

— Какая-то лаборатория. Желтые стены. На одной висит периодическая таблица элементов. Лампы дневного света. Прилавки с пластиковым покрытием.

— В помещении есть кто-то еще?

Джейк кивнул. Господи, ну почему ему досталась женщина-дознаватель?

— Да, есть. Женщина. Белая, темноволосая. Лет сорока пяти.

— А во что она одета, эта женщина?

— Ни во что, — ответил Джейк, судорожно сглотнув.

Швейцарский дознаватель ушла. Ллойд с Митико занялись сравнением показаний Джейкоба и Карли. Карли согласилась побеседовать со следователем ванкуверской полиции. Отчет об их беседе был отправлен в ЦЕРН электронной почтой.

Во время снятия показаний Митико нервничала. Она явно пыталась сосредоточиться, помочь товарищам, но постоянно уходила в себя, и тогда ее глаза наполнялись слезами. Но как бы то ни было, первые два отчета она сумела прочесть, не закапав листы бумаги слезами.

— Никаких сомнений, — сказала она. — Совпадения по мельчайшим деталям. Они находились в одном и том же помещении.

— Детишки, — вымученно улыбнулся Ллойд. Он был знаком с Митико всего два года. Они никогда не предавались любовным утехам в лаборатории, а вот в Гарвардском университете Ллойд в студенческие годы со своей тогдашней подругой Памелой Риджли, бывало, забирались на лабораторные столы. Он изумленно покачал головой. — Картинка из будущего. Поразительно. — Немного помедлив, он добавил: — Представляю себе, как многие на этом смогут разбогатеть.

— Со временем, — слегка пожала плечами Митико, — может быть. Те, кому удалось заглянуть в результаты биржевых торгов в будущем, могут стать богачами. Через пару десятков лет. Но слишком долго придется ждать.

Ллойд немного помолчал. Наконец он решил:

— Ты мне еще не говорила о своих впечатлениях. Какое у тебя было видение?

— Да, — кивнула она. — Не говорила. — Митико отвела взгляд.

Ллойд нежно прикоснулся к ее щеке, но промолчал.

— В те моменты... в те моменты, когда было видение, мне казалось, что это чудесно, — начала Митико. — Я, конечно, была обескуражена, но все выглядело

замечательно. — Она вяло улыбнулась. — Но теперь, после того что случилось...

Ллойд не стал ее подгонять. Он терпеливо ждал продолжения.

— Это было поздно вечером, — наконец продолжила Митико. — Я находилась в Японии. Это явно был японский дом. Я была в спальне маленькой девочки, сидела около ее кровати. А девочка, лет семи-восьми, сидела среди подушек и разговаривала со мной. Очень красивая девочка, но не... не...

Если видения относились ко времени, отстоящему от нынешнего на пару десятков лет, то это, конечно, была не Тамико. Ллойд едва заметно кивнул. Ему не хотелось прерывать рассказ Митико. Она всхлипнула:

— Но... но это была моя дочь. Наверняка. Дочь, которую я еще не родила. Она держала меня за руку и называла меня *okaasan*, что по-японски значит «мамочка». Видимо, я укладывала ее спать, желала приятных снов.

— Твоя дочь... — пробормотал Ллойд.

— Ну... *наша* дочь. Я уверена, это была наша дочь. Твоя и моя.

— А что ты делала в Японии? — спросил Ллойд.

— Не знаю. Наверное, навещала родственников. Мой дядя Масаюки живет в Киото. У меня не было такого чувства, будто я нахожусь в будущем. Кроме того, что у нас есть дочь.

— Этот ребенок... У нее...

Ллойд не договорил, одернул себя. Вопрос, который ему хотелось задать, прозвучал бы слишком бестактно. «У нее были узкие глаза?» Ну или в более вежливой форме: «Были ли у нее складки в углах глаз?» Но Митико не поняла бы его. Она решила бы, что его вопрос продиктован какими-то предрассудками, какими-то глупыми сомнениями. Хотя дело было не в этом. Ллойда не слишком волновало, какими будут их дети внешне. Они вполне могли унаследовать как восточные, так и западные черты лица, и Ллойд знал, что будет любить их, если только...

...если только, конечно, это будут *его* дети.

По всей видимости, видение относилось ко времени, отнесенному от настоящего лет на двадцать. В своем видении, о котором Ллойд до сих пор не рассказал Митико, он был предположительно в Новой Англии, с другой женщиной. Белой женщиной. А Митико находилась в Японии, в Киото, с дочерью, которая могла быть как азиаткой, так и европейкой, а могла — и метиской, в зависимости от того, кто был ее отец.

«Эта девочка... Она...»

— О чем ты хочешь спросить?

— Ни о чем, — ответил Ллойд и отвел глаза.

— А как насчет твоего видения? — спросила Митико. — Что ты видел?

Ллойд сделал глубокий вдох. Рано или поздно он должен был рассказать ей об этом, так что...

— Ллойд, Митико, вам бы лучше пройти в комнату отдыха, — раздался голос Тео, снова заглянувшего в кабинет. — Мы только что записали кое-что с передачи Си-эн-эн. Вам непременно нужно посмотреть.

Ллойд, Митико и Тео вошли в комнату отдыха. Там уже сидели четверо. На экране телевизора прыгало изображение седовласого Лу Уотерса. Видеомагнитофон в комнате отдыха стоял старый, он принадлежал кому-то из сотрудников, и функция паузы у него работала неважно.

— Вы пришли. Отлично! — воскликнул Рауль. — Вот, поглядите.

Он нажал на кнопку на пульте, и Уотерс заговорил:

— ...У Дэвида Хаусмена имеются еще кое-какие сведения. Дэвид?

Картинка на экране сменилась. Репортер Си-эн-эн Дэвид Хаусмен стоял перед стеной, увешанной старинными часами. Несмотря ни на что, канал Си-эн-эн был верен себе и предпочитал интересный видеоряд.

— Спасибо, Лу, — сказал Хаусмен. — Конечно, у большинства людей в видениях часы

отсутствовали, время узнать было невозможно, однако у некоторых в комнатах все-таки висели часы или календари либо эти люди читали электронные газеты. Бумажных, похоже, к тому времени уже не останется. И нам удалось установить дату. Судя по всему, видения относятся к дате, отстоящей от того времени, когда случилось «затемнение», на двадцать один год, шесть месяцев, два дня и два часа. Это период с двух часов двадцати одной минуты до двух часов двадцати трех минут пополудни по Восточному времени, среда, двадцать третье октября две тысячи тридцатого года. Этим объясняются незначительные отклонения: некоторые люди видели перед собой газеты, датированные двадцать вторым октября две тысячи тридцатого года, у некоторых газеты были за более раннее время — по всей видимости, они просто просматривали старую газету. Даты, естественно, зависели от того, в каком часовом поясе находились люди. Мы предполагаем, что через два десятилетия большинство людей будут жить в тех же самых часовых поясах, где живут сегодня, но некоторые окажутся в других временных зонах...

— Вот так, — сказал Рауль, нажимая на кнопку «пауза». — Конкретная дата. То, чем мы тут занимались, каким-то образом заставило сознание всего человечества скакнуть на двадцать один год вперед и оставаться там целых две минуты.

Тео вернулся в свой кабинет. За окном стемнело. Все эти разговоры о видениях расстраивали его. Тем более что у него никакого видения не было. А вдруг Ллойд все же прав? Может быть, Тео действительно умрет всего через двадцать один год? Господи, ведь ему всего двадцать семь! А через двадцать один год не будет и пятидесяти. Он не курил. Этим могли похвастаться большинство жителей Северной Америки, но для грека это большое достижение. Он регулярно делал зарядку. Почему, ну почему он должен был умереть так рано?! Нет, должно было существовать какое-то другое объяснение отсутствия у него каких-либо видений.

Зазвонил телефон. Тео взял трубку.

— Алло.

— Алло, — прозвучал женский голос. — Это Тео Прокопидес? — Женщина говорила по-английски, но имя она произнесла с запинкой.

— Да.

— Меня зовут Кэтлин Деврис, — сказала женщина. — Я долго думала, звонить вам или нет. Я из Йоханнесбурга.

— Из Йоханнесбурга? Из Южно-Африканской Республики?

— Пока да, — ответила женщина. — Если верить видениям, через двадцать один год наша страна будет переименована. Она будет называться Азания. — Женщина надолго замолчала, а потом продолжила: — Я хотела поговорить о своем видении. Понимаете, оно было связано с вами.

У Тео вдруг сердце заколотилось в груди. Какая замечательная новость! Может быть, у него не было видения по какой-то причине, а эта женщина увидела его через двадцать один год? Значит, он будет жив в это время, а Ллойд просто-напросто ошибся.

— Да? — едва дыша, произнес Тео.

— Вы уж простите, что я вас побеспокоила, — сказала Кэтлин. — Вы не скажете, какое видение было у вас?

— У меня не было никакого видения, — выдохнул Тео.

— О! Как печально это слышать. Но... ну тогда, по всей видимости, это не было ошибкой.

— О чем вы? Что не было ошибкой?

— Мое видение. Я находилась здесь, у себя дома, в Йоханнесбурге, и читала газету за ужином, но только это была не бумажная газета. Это было похоже на тонкий лист пластика — что-то вроде компактного компьютера. Словом, та статья, которую я читала, оказалась... Простите, но иначе не скажешь. Эта статья была о вашей смерти.

Однажды Тео читал рассказ лорда Дансени¹⁶ о человеке, которому отчаянно хотелось прочесть завтрашнюю газету сегодня, и когда его желание наконец исполнилось, он с ужасом прочел собственный некролог. Он был настолько потрясен этим, что умер, и эта новость, естественно, попала в газету, вышедшую на следующий день. Но тут речь шла не о завтрашней газете, а о той, которая выйдет через двадцать лет.

— О моей смерти, — повторил Тео, и эти слова для него самого прозвучали так, словно он никогда не слышал их на занятиях по английскому языку.

— Да, именно так.

— Послушайте, откуда мне знать, что это не розыгрыш?! — возмутился Тео.

— Извините. Я знала, что не стоит вам звонить. Я...

— Нет, нет, нет. Не вешайте трубку. Пожалуйста, повторите свое имя и продиктуйте номер вашего телефона. На дисплее высветилось только «вне зоны доступа». Позвольте, я вам перезвоню. Наверное, этот звонок обойдется вам в целое состояние.

— Меня зовут, как я уже сказала, Кэтлин Деврис. Я медсестра, работаю в доме для престарелых. — Она продиктовала номер своего телефона. — Но ничего страшного, я сама оплачу разговор. Поверьте, мне от вас ничего не нужно, и я вовсе не пытаюсь вас обмануть. Но понимаете... я постоянно вижу, как люди умирают. В нашем доме для престарелых каждую неделю умирает какой-нибудь пациент, но этим людям за восемьдесят или даже за девяносто. А вы... Ведь вам будет всего сорок восемь, когда вы умрете. Вы слишком молоды. Вот я и решила позвонить. Подумала: вы узнаете обо всем и, может быть, сумеете как-то предотвратить свою смерть.

Тео несколько секунд молчал. Потом спросил:

— В некрологе сказано, отчего я умер? — На мгновение он почувствовал даже что-то вроде радости из-за того, что новость о его смерти попала на страницы международных газет. Он чуть было не спросил, не было ли в газете сказано, что он лауреат Нобелевской премии. — Может быть, нужно проверить холестерин. Я умру не от инфаркта?

Кэтлин несколько секунд молчала.

— Гмм... Доктор Прокопидес, простите, но, видимо, мне нужно было выражаться точнее. Я прочла не некролог. Это было сообщение... — Она запнулась и судорожно сглотнула: — Сообщение о вашем убийстве.

Тео не в силах был вымолвить ни слова. Он мог бы переспросить, но какой смысл? Ему было двадцать семь, на здоровье он не жаловался. Он и сам несколько минут назад думал о том, что, по идее, не должен был умереть от какой-нибудь болезни всего через двадцать один год. Но... убийство?

— Доктор Прокопидес? Вы меня слышите?

— Да. — Пока слышал.

— Я... Мне очень жаль, доктор Прокопидес. Представляю, как вы потрясены.

Тео еще несколько секунд молчал. Наконец он обрел дар речи:

— А в этой статье, которую вы читали, было сказано, кто меня убил?

— Боюсь, нет. По всей видимости, это нераскрытое преступление.

— Ну а о чем же говорилось в этой статье?

— Я записала по памяти. Могу послать вам электронной почтой, но, думаю, будет лучше, если я вам прочту. Только поймите, это моя запись. За каждое слово не ручаюсь, но все же я записала достаточно точно. — Она помедлила, кашлянула и продолжила: — Заголовок был такой: «Застрелен физик».

«Застрелен, — подумал Тео. — Господи!»

Кэтлин Деврис продолжала:

— Дальше было написано: «Женева». А потом: «Теодосиос Прокопидес, греческий

¹⁶ Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени (1878–1957) ирландский англоязычный писатель и поэт. (Прим. перев.)

физик, работавший в ЦЕРНе, Европейском центре исследований элементарных частиц, был обнаружен сегодня застреленным. Прокопидес, получивший степень доктора философии в Оксфорде, был директором тачион-тардионного коллайдера в...»

— Повторите последние слова, — попросил Тео.

— «Тачион-тардионного коллайдера», — повторила Кэтлин Деврис. Слово «тахион» она произнесла неправильно: «тачион». Вместо «ч» должно было звучать «х». — Я раньше никогда не слышала этих слов.

— Такого коллайдера не существует, — сказал Тео. — По крайней мере, пока. Продолжайте, прошу вас.

— «...директором тачион-тардионного коллайдера в ЦЕРНе. Доктор Прокопидес проработал в ЦЕРНе двадцать три года. Мотивы убийства непонятны, но ограбление исключено. Бумажник доктора Прокопидеса был найден при нем. По всей видимости, физика застрелили вчера между полуднем и часом дня по местному времени. Расследование продолжается. У доктора Прокопидеса остались...»

— Да? Да?

— Простите, но больше я ничего не записала.

— Вы хотите сказать, что ваше видение оборвалось прежде, чем вы успели дочитать статью?

— Ну... не совсем так, — помолчав, ответила Кэтлин. — Остальная часть статьи на экране не поместилась, но вместо того чтобы нажать клавишу перелистывания страниц — я хорошо видела эту клавишу сбоку на устройстве для чтения, — я начала читать другую статью. — Она снова запнулась. — Мне очень жаль, доктор Прокопидес. Я... мне, живущей в две тысячи девятом году, было интересно, чем закончится статья, а вот мне, живущей в две тысячи тридцатом, похоже, было все равно. Я пыталась заставить ее... то есть себя, нажать на клавишу перелистывания страниц, но у меня ничего не вышло.

— Значит, вы не знаете, кто меня убил и почему?

— Мне очень жаль.

— А та газета, которую вы читали... Вы уверены, что она была свежая. Ну то есть номер был за двадцать третье октября?

— На самом деле нет. Там была... как вы это называете? Статус линии? Так вот, на самом верху страницы считывающего устройства, в статусе линии, было очень четко написано название газеты: «Звезда Йоханнесбурга», вторник, двадцать второе октября две тысячи тридцатого года. Значит, так сказать, это была вчерашняя газета, — сказала Кэтлин и, немного помолчав, добавила: — Мне очень жаль, что я оказалась в роли гонца, приносящего плохие вести.

Тео даже не нашелся, что ответить. Он пытался осознать все услышанное. С тем, что через двадцать один год он может умереть, смириться было очень тяжело. А уж думать о том, что кто-то его убьет, — и вовсе нестерпимо.

— Благодарю вас, мисс Деврис, — наконец произнес Тео. — Если вы вспомните еще какие-то подробности — какие угодно, — пожалуйста, дайте мне знать. Очень вас прошу. И то, что вы записали по памяти, пожалуйста, перешлите мне по факсу. — Он назвал номер факса.

— Обязательно перешлю, — сказала Кэтлин. — Простите меня. Вы, похоже, очень славный молодой человек. Надеюсь, вам удастся выяснить, кто это сделал... то есть кто собирается это сделать. Тогда вы сможете придумать, как этого избежать.

6

Было уже около полуночи. Ллойд с Митико шли по коридору.

— Эй, Ллойд! — послышался голос Джейка Горовица из открытой двери кабинета. — Зайдите-ка, посмотрите.

Они вошли в кабинет. Джейк стоял напротив телевизора. На экране была рябь от

помех.

— Снег, — констатировал Ллойд, остановившись рядом с Джейком.

— Именно.

— А какой канал ты пытаешься настроить?

— Никакой. Я пытаюсь просмотреть запись.

— Какую запись?

— В данном случае это запись с камеры наблюдения, установленной на главной проходной комплекса ЦЕРНа. — Джейк вытащил кассету и вставил в плеер другую. — А вот эта кассета с записью камеры наблюдения «Микрокосм». — Он нажал кнопку воспроизведения, и на экране снова заплясали «снежинки».

— А с плеером все в порядке? Какая система воспроизведения?

В Швейцарии пользовались системой PAL, и, хотя большая часть видеомагнитофонов имела функцию переключения систем, несколько плееров в ЦЕРНе работали только в системе NTSC.

— Все в порядке, не сомневайтесь, — кивнул Джейк. — Я тут немного покопался и все выяснил. И вообще: большинство видеомагнитофонов показывают голубой экран, если нет видеосигнала.

— Значит, если система правильная, что-то не так с пленками, — нахмурился Ллойд. — Может быть, все же был какой-то электромагнитный импульс, связанный с... с тем, что произошло. Из-за этого запись могла стереться.

— Я сначала тоже так подумал, — ответил Джейк. — Но посмотрите на это.

Он нажал на пульте кнопку обратной перемотки. «Снег» на экране заплясал быстрее. В правом нижнем углу экрана появились буквы «REV», означающие перемотку. Эта аббревиатура была стандартной для большинства европейских языков. Примерно через минуту неожиданно появилась картинка, демонстрирующая экспозицию «Микрокосм», предназначенную для демонстрации основ физики элементарных частиц туристам. Джейк отмотал ленту еще немного назад и убрал палец с кнопки.

— Видите? — сказал он. — Эта запись сохранилась. Смотрите на табло времени.

В центре экрана, ближе к нижнему краю, на изображение была наложена полоска таймера. Цифры быстро менялись: 16:58:22, 16:58:23, 16:58:24.

— До явления осталось примерно полторы минуты, — заметил Джейк. — Если бы был электромагнитный импульс, то тогда стерлись бы и остальные записи.

— И что ты этим хочешь сказать? — спросил Ллойд. — Что «снег» на пленке появляется точно в начале явления?

— Да. А возобновляется видеосигнал через одну минуту и сорок три секунды. И на всех кассетах одна и та же картина. Минута и сорок три секунды статики.

— Ллойд, Джейк, скорее сюда! — раздался голос Митико.

Джейк с Ллойдом обернулись и увидели, что она стоит на пороге и машет им рукой. Они побежали следом за ней в соседнее помещение — комнату отдыха, где все еще был включен телевизор. Шел выпуск новостей Си-эн-эн.

— ...И конечно, сотни тысяч видеозаписей были сделаны за тот период, когда сознание людей пребывало в другом месте, — рассказывала ведущая Петра Дэйвис. — Были включены камеры наружного наблюдения, у кого-то работали домашние видеокамеры, велись записи на телестудиях, включая Си-эн-эн — от нас требуют архивирования всех программ, выходящих в эфир. Мы предполагали, что на всех видеоносителях зафиксирован момент, когда люди лишаются сознания, падают на землю...

Ллойд и Джейк переглянулись.

— Но, — продолжала Дэйвис, — ни один носитель видеoinформации ничего не показывает. Вернее, нет ничего, кроме «снега» — черных и белых вспышек, скачущих по экрану. Насколько мы можем судить, все видеозаписи, сделанные в мире за время Флэшфорварда, показывают «снег» на протяжении одной минуты и сорока трех секунд. Наши прочие записывающие устройства, типа подключенных к метеорологическим

приборам, которыми мы пользуемся для составления прогнозов погоды, за этот самый период не записали ничего. Если у кого-то, кто смотрит эту передачу, сохранились видеозаписи с картинкой, относящиеся к этому промежутку времени, нам хотелось бы об этом узнать. Вы можете позвонить нам бесплатно по телефону...

— Невероятно, — произнес Ллойд. — На самом деле интересно, что происходило в это самое время.

— Не то слово, — кивнул Джейк.

— «Флэшфорвард», так она сказала? — пробормотал Ллойд. — То есть «быстрая перемотка вперед». Неплохое название.

— Да, — снова кивнул Джейк. — Уж лучше «катастрофы в ЦЕРНе» или еще чего-нибудь в таком роде.

— Согласен, — нахмурился Ллойд.

Тео откинулся на спинку кресла. Забросив руки за голову, он смотрел на созвездия дырочек в звукоизоляционных панелях на потолке и думал о том, что рассказала ему Кэтлин Деврис.

Можно было узнать о собственной смерти от несчастного случая. Но это было не то. Если бы тебя предупредили о том, что ты погибнешь под машиной тогда-то и там-то, ты мог просто постараться не оказаться в это время на этом месте, и — *voilà!* — избежал бы гибели. Но если кому-то чертовски захотелось тебя прикончить, это рано или поздно случилось бы. Кстати, в йоханнесбургской газете точное место его гибели не было названо, только дата — 21 октября 2030 года... Нет, этого определенно мало для того, чтобы он мог спастись.

«У доктора Прокопидеса остались...»

Кто мог у него остаться? Его родители? Папе к тому времени уже будет восемьдесят два, а маме — семьдесят девять. Несколько лет назад у отца Тео был инфаркт, но потом он старательно следил за уровнем холестерина, отказался от саганаки¹⁷ и салатов с брынзой, которые так любил. Да, его родители вполне могли дожить до того времени.

Как папа воспримет известие о его гибели? Ведь, по идее, отец не должен пережить сына. Может быть, он решит, что уже достаточно пожил на свете, и умрет через несколько месяцев, оставив маму одну доживать свой век? Конечно, Тео надеялся, что через двадцать один год его родители будут живы, но...

«У доктора Прокопидеса остались...»

...жена и дети?

Обычно именно так пишут в некрологах. Жена... Может быть, *Антоула*, милая гречанка. Папа был бы рад.

Но только...

...но только Тео не был знаком ни с одной милой гречанкой. И вообще — ни с одной милой девушкой любой национальности. По крайней мере... у него мелькнула мысль, но он тут же ее прогнал... по крайней мере, ни с одной незамужней.

Он всецело посвятил себя работе. Сначала старался как можно лучше окончить школу, чтобы поступить в Оксфорд. Потом — диссертация. Потом — соискание должности в ЦЕРНе. О, женщины у него, конечно, были: школьницы-американки в Афинах, интрижки на одну ночь со студентками в Оксфорде, а однажды, в Дании, он даже подцепил проститутку. Но он всегда думал, что еще не время для любви. Для любви, женитьбы, детей.

Но когда наступит это время?

На самом деле ему было интересно, не будет ли статья начинаться словами: «нобелевский лауреат». Статья такими словами не начиналась, но все же ему было интересно. «Лауреат Нобелевской премии» — это означало бессмертие. Это означало, что

¹⁷ Саганаки — традиционное греческое название блюд, в которых сыр — один из главных ингредиентов. (Прим. ред.)

его будут помнить вечно.

В результате эксперимента на БАК, который они с Ллойдом разрабатывали несколько лет, должен был быть получен бозон Хиггса. Если бы они получили эту частицу, им непременно дали бы Нобелевскую премию. Но прорыва они не совершили.

Конкретного прорыва. Как будто Тео удовлетворился бы одним прорывом.

Через двадцать один год его не будет в живых. Кто его вспомнит?

Просто безумие. Невозможно поверить.

Он был Теодосиосом Прокопидесом. Господи! Он был бессмертным.

Естественно. Безусловно. Какой двадцатисемилетний человек не считает себя бессмертным?!

Жена. Дети. Наверняка в некрологе было сказано о них. Если бы только мисс Деврис перешла на следующую страницу, она бы увидела их имена. Может быть, даже был бы указан их возраст.

Стоп!

Сколько страниц бывает в типичной городской газете? Допустим, двести. А читателей сколько? Стандартный тираж крупной ежедневной газеты может составлять полмиллиона экземпляров. Правда, Деврис сказала, что читала *вчерашнюю* газету, но ведь могло быть так, что не она одна читала эту статью за время двухминутного пребывания в будущем.

Кроме того, Тео, по всей видимости, должны были убить здесь, в Швейцарии. Статью предваряла строчка, говорившая о том, что сообщение поступило из Женевы, и все-таки материал был напечатан в южноафриканской газете. Значит, эта новость могла быть отражена и в других газетах по всему миру и, возможно, в этих изданиях были изложены другие факты. Наверняка в «Трибюн де Женев» статья была более подробная. Сотни, а может быть, и тысячи людей имели возможность прочесть о его смерти.

Он мог обратиться к ним через Интернет и газеты. Он мог узнать больше и выяснить, правду ли ему сказала эта женщина, Кэтлин Деврис.

— Вот, посмотрите, — сказал Джейк Горовиц и положил датапад на письменный стол Ллойда. Экран показывал веб-страницу.

— Что это?

— Данные Геологической службы США. Показания сейсмографов.

— И что?

— Погляньте на сегодняшние показания. Вот здесь, раньше.

— О господи!

— Именно. Почти две минуты, начиная с семнадцати ноль-ноль по нашему времени, датчики абсолютно ничего не регистрировали. Иначе говоря, они регистрировали нулевые показатели, а это невозможно. Земля постоянно хоть немножко, но дрожит — даже от приливных взаимодействий с Луной. Это как с видеокамерами: никаких видеозаписей того, что на самом деле происходило за эти две минуты. А еще я проверил данные национальных метеослужб. Приборы, измеряющие скорость ветра, температуру воздуха, атмосферное давление и так далее, — все эти приборы за время Флэшфорварда не записали ничего. НАСА и ЕКА¹⁸ также зарегистрировали двухминутную «мертвую» зону.

— Но как такое может быть? — спросил Ллойд.

— Понятия не имею, — ответил Джейк и провел рукой по рыжей шевелюре. — Но как-то так получилось, что все камеры, все датчики, все записывающие приборы в мире просто перестали что-либо регистрировать во время Флэшфорварда.

Тео сидел за столом в своем кабинете. На мониторе стояла пластмассовая фигурка Дональда Дака. Глядя на мультяшного героя, Тео размышлял о том, как лучше выразить то,

¹⁸ ЕКА — Европейское космическое агентство. (Прим. ред.)

что ему хотелось сказать. Он решил, что лучше всего написать прямо и просто. В конце концов, ему предстояло поместить информацию в форме рекламного объявления в сотнях газет по всему миру, и это могло влететь в копеечку, если он не будет лаконичен. У Тео имелись три клавиатуры: французская, английская и греческая. Он воспользовался английской:

Теодосиос Прокопидес, уроженец Афин, работающий в ЦЕРНе, будет убит в понедельник, 21 октября 2030 г. Если ваше видение было как-то связано с этим преступлением, пожалуйста, напишите по адресу: procopides@cern.ch.

Сначала он решил на этом остановиться, но потом добавил еще одну строчку:

Надеюсь предотвратить собственную смерть.

Тео мог сам перевести свое сообщение на греческий и французский. Теоретически перевод можно было сделать с помощью компьютера, но за время работы в ЦЕРНе он успел узнать, насколько неточными бывают компьютерные переводы. Он до сих пор помнил о жутком инциденте на рождественском банкете. Он решил, что обратится за помощью к коллегам из ЦЕРНа, а также узнает у них, какие газеты в каких странах самые популярные.

Но одно он должен был сделать немедленно: отправить свое сообщение на несколько новостных сайтов. И он это сделал. А потом отправился домой спать.

Наконец в час ночи Ллойд и Митико покинули ЦЕРН. «Тойоту» Митико они и на этот раз оставили на парковке.

Митико работала на компанию «Сумитомо электрик». Она была инженером, специалистом по сверхпроводимости. Ее отправили в длительную командировку в ЦЕРН. У компании «Сумитомо» ЦЕРН приобрел ряд компонентов для БАК. Работодатели сняли для Митико и Тамико прекрасную квартиру на правом берегу Женевского озера. Ллойд платили поменьше и жилье не оплачивали. Он снимал квартиру в городке Сен-Жени. Ему нравилось работать в Швейцарии, а жить во Франции. По территории ЦЕРНа пролегал участок границы, которую сотрудники могли беспрепятственно пересекать. Никто не просил их предъявить паспорт.

Ллойд снял уже меблированную квартиру в доме, построенном сорок лет назад. Он работал в ЦЕРНе уже два года, но не считал эту квартиру своим домом. Мысль о том, чтобы приобрести обстановку, а потом перевезти ее в Канаду, казалась ему нелепой. Мебель в его квартире была немного старомодной. На вкус Ллойда, слишком много резьбы и завитушек. Но по крайней мере, предметы обстановки неплохо сочетались между собой по цвету: темное дерево, ковер кирпичного цвета, темно-красные стены.

В квартире было уютно, так как комнаты казались меньше, чем были на самом деле, и тепло от электрических радиаторов. Но никакой душевной привязанности к этому жилью Ллойд не испытывал. Он ни разу не был женат, никогда ни с кем подолгу не жил под одной крышей. С тех пор как Ллойд покинул родительский дом, он сменил одиннадцать адресов. Однако сегодня сомнений, где лучше переночевать, не было: он и Митико поехали к нему. В женевской квартире все напоминало о Тамико.

Они вошли в дом и сели на диван. Ллойд обнял Митико за плечи и попытался утешить.

— Мне так жаль, — вздохнул он.

Лицо Митико распухло от слез, которые то и дело наворачивались на глаза. Она едва заметно кивнула.

— Никто не мог этого предвидеть, — сказал Ллойд. — Это невозможно было предотвратить.

Митико покачала головой.

— Что я за мать? — простонала она. — Увезла дочь на другой конец света, разлучила с бабушками и дедушками...

Ллойд промолчал. Что он мог сказать? Что на самом деле это было замечательно? Что для любого ребенка учеба в Европе — это просто мечта? Безусловно, Митико поступила правильно, взяв дочку с собой в Швейцарию.

— Пожалуй, лучше все-таки попробовать позвонить Хироси. — Митико имела в виду бывшего мужа. — Узнать, получил ли он письмо по электронной почте.

Ллойд хотел было сказать, что Хироси вряд ли проявит больше интереса к дочери теперь, когда она умерла, поскольку при жизни Тамико он не особенно ею интересовался. Ллойд никогда не встречался с Хироси, но заочно ненавидел его, потому что этот человек не раз огорчал Митико. У Ллойда болезненно сжималось сердце, когда он думал о том, что Митико несколько лет прожила без улыбки, без радости. Кроме того, если не кривить душой, он ненавидел Хироси и за то, что тот был первым мужчиной в жизни Митико. Но Ллойд ничего не сказал. Он нежно погладил густые черные волосы любимой.

— Он не хотел, чтобы я ее сюда увозила, — всхлипнула Митико. — Он хотел, чтобы она осталась в Токио, чтобы училась в японской школе. — Митико смахнула слезы. — В правильной школе. — И, немного помолчав, добавила: — Если бы я только его послушала...

— Это явление было глобальным, — тихо произнес Ллойд. — В Токио она была бы не в большей безопасности, чем в Женеве. Ты не должна себя винить.

— Я не виню себя, — покачала головой Митико. — Я...

Она умолкла. И Ллойд показалось, что она вот-вот скажет: «Я виню тебя».

Митико приехала работать в ЦЕРН не для того, чтобы быть рядом с Ллойдом, но, конечно, они оба понимали, что именно из-за него она решила остаться. Она обратилась в «Сумитомо» с просьбой позволить ей работать здесь и после установки приобретенного у компании оборудования. Первые два месяца Тамико жила в Японии, но, как только Митико решила задержаться в Швейцарии, она договорилась с родственниками, чтобы Тамико отправили в Швейцарию.

Ллойд полюбил Тамико. Он знал, что быть отчимом нелегко, но с Тамико они ладили. Не все дети радуются, когда после развода мать или отец находят новых партнеров. Родная сестра Ллойда бросила своего друга, так как он пришелся не по вкусу ее маленьким сыновьям. Но Тамико однажды сказала Ллойд, что он ей нравится, потому что благодаря ему мама улыбается.

Ллойд посмотрел на невесту. Она была такой печальной. «Сможет ли она когда-нибудь снова улыбаться?» — подумал он. Ему самому хотелось плакать, но мужское самолюбие не позволяло плакать, пока плакала Митико. Он старался держаться.

Ллойд гадал, как случившееся скажется на их отношениях. Ведь они собирались вот-вот пожениться. Он сделал Митико предложение, потому что любил ее всем сердцем. И у него не было сомнений в том, что она его тоже любит, но все же... Все же у нее могли быть и другие причины желать этого брака. Какой бы современной, какой бы эмансипированной женщиной она ни была (по японским меркам, Митико была сверхсовременной), все равно она должна была искать отца для своего ребенка — того, кто помог бы ей вырастить Тамико.

Но неужели Митико действительно выбирала нового мужа, как товар на рынке? Нет-нет, им было потрясающе хорошо вместе, но... Но многие пары замечательно жили вместе, не оформляя брак, не связывая себя обязательствами. Захочет ли она теперь выйти за него?

И кроме того, существовала другая женщина, которая предстала перед Ллойдом в видении. Доказательство — яркое и убедительное...

Брак родителей Ллойда закончился разводом. Неужели и он расстанется с Митико?

Число погибших после вчерашнего явления Флэшфорварда увеличивается. В столице Венесуэлы Каракасе тридцатилетний Гильермо Гармендия, потерявший свою тридцатилетнюю жену Марию, по всей видимости, от отчаяния застрелил двоих сыновей — семилетнего Рамона и пятилетнего Сальвадора, после чего застрелился сам.

* * *

Власти австралийского штата Квинсленд после Флэшфорварда ввели чрезвычайное положение.

* * *

В корпорации «Бондплас» (Сан-Рафаэль, Калифорния) создается очень тревожное положение. Генеральный директор, финансовый директор и все остальные члены совета директоров погибли при крушении самолета, принадлежавшего компании. Самолет потерпел аварию при взлете во время Флэшфорварда. Компания «Бондплас» находилась в процессе борьбы с рейдерским захватом корпорации конкурентами, фирмой «Жасмин Адхесивз». Коллективный иск на один миллиард канадских долларов подан против Транзитной комиссии Торонто от лица транзитных пассажиров, раненных во время Флэшфорварда. В иске утверждается, что Комиссия проявила халатность, не застелив пол у подножия лестниц матами и не оборудовав помещения эскалаторами, чтобы уберечь пассажиров от травм.

* * *

Очередной кризис в экономике Японии вызван массовым сбросом японских иен, поскольку во время Флэшфорварда выяснилось, что в 2030 году иена будет стоить вдвое дешевле доллара США по сравнению с теперешними показателями.

Работа шла в бешеном темпе. Тео сидел, опустив голову, и просматривал разложенные на столе распечатки. Должен же был хоть от кого-то прийти ответ — рациональное объяснение случившегося. Все физики, работавшие в ЦЕРНе, проводили исследования, осмотры, проверку аппаратуры, спорили о возможных объяснениях.

Дверь кабинета открылась. Вошла Митико Комура. В руках она держала несколько листов бумаги.

— Слышала, ты ищешь информацию о своем убийстве, — сказала она.

У Тео часто забило сердце.

— Ты что-то об этом знаешь?

— Я? — нахмурила брови Митико. — Нет. Я ничего не знаю. Мне очень жаль.

— Ох! — не выдержал Тео. — Тогда почему спрашиваешь?

— Ну... я просто думала об этом, вот и все. Ты не единственный, кому отчаянно хочется узнать о собственном будущем.

— Догадываюсь.

— И понимаешь... Я думаю, что это должно осуществляться централизованно. В общем, утром я увидела твоё сообщение. И таких немало.

— Правда?

— Очень многие люди ищут информацию о своем будущем. Конечно, не всех интересуют факты, так или иначе связанные с собственной смертью, но... Ну вот, если ты не против, я могла бы тебе кое-что прочесть.

Митико села и начала читать вслух распечатки:

— «Все, у кого есть сведения о будущем местонахождении Марка Уайта, пожалуйста, свяжитесь с...». «Студент университета ищет совета относительно карьеры: если ваше видение каким-то образом показало вам, какие профессии будут востребованы в две тысячи тридцатом году, пожалуйста, дайте мне знать». «Интересует информация о будущем Международного общества Красного Креста...»

— Очень интересно, — кивнул Тео.

Он понимал, что Митико просто пытается отвлечься, найти хоть какое-нибудь занятие, лишь бы не думать о гибели Тамико.

— Правда, интересно? — откликнулась Митико. — Кроме того, в Сети уже полным-полно других сообщений. Люди бросают работу в крупных корпорациях, ищут информацию, которая могла бы им помочь. Я не знала, сможешь ли ты поместить объявление так быстро, но думаю, все возможно, если готов вложить в это деньги. — Она замолчала и отвела глаза. Видимо, снова подумала о Тамико. Да, что-то невозможно купить ни за какие деньги. Чуть погодя она продолжила: — Честно говоря, мне кажется, не стоило распространять информацию о том, что тебя убьют. Утром я говорила с Ллойдом. Сказала ему, что страховые компании, наверное, уже собирают сведения обо всех, кто умрет за ближайшие двадцать лет, чтобы сэкономить на выплатах. Они могут просто расторгнуть контракты.

У Тео засосало под ложечкой. Об этом он не подумал.

— Значит, ты считаешь, что кто-то должен заняться координацией этой деятельности? — спросил он.

— Я не говорю о внутрикорпоративной информации. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы это услышали мои боссы в «Сумитомо», хотя мне все равно, какие компании разбогатеют. Но информация личного характера... Люди пытаются выяснить, что их ждет в будущем, пытаются осознать свои видения. Думаю, мы должны им помочь.

— Ты и я?

— Ну, не только мы с тобой. Все сотрудники ЦЕРНа.

— Беранже ни за что на это не пойдет, — покачал головой Тео. — Он не желает, чтобы мы обнаруживали свою причастность к Флэшфорварду.

— Нам не придется говорить о своей причастности. Мы можем просто вызваться управлять базой данных. Компьютерная система у нас мощная, и, в конце концов, в истории ЦЕРНа немало случаев компьютерного альтруизма. Если на то пошло, именно здесь разработана Всемирная паутина.

— И что ты предлагаешь? — спросил Тео.

Митико едва заметно пожала плечами.

— Центральный репозиторий.¹⁹ Веб-сайт со стандартной формой: опишите ваше видение — ну, не знаю — двумя сотнями слов. Мы можем индексировать все описания, чтобы потом можно было вести поиск по ключевым словам и с помощью Булевых операций. Ну, знаешь: все видения, в которых упоминается Абердин, но не спортивные события. В таком роде. Конечно, программа индексации автоматически будет делать перекрестные ссылки и сводить такие термины, как «хоккей», «бейсбол» и так далее, к более общим — таким, как «спортивные события». Это поможет не только тебе, но и тысячам других людей.

— Да, в этом есть рациональное зерно, — машинально кивнул Тео. — Но зачем ограничивать объем сообщений? Место для хранения информации стоит дешево. Я бы предлагал излагать свои видения сколь угодно пространно. В конце концов, то, что кажется несущественным тому, у кого было видение, для другого может быть жизненно необходимым.

— Хорошо подмечено, — отозвалась Митико. — Знаешь, пока действует мораторий

¹⁹ Репозиторий — место, где хранятся и поддерживаются какие-либо данные. Чаще всего данные в репозитории хранятся в виде файлов, доступных для дальнейшего распространения по Сети. (Прим. ред.)

Беранже относительно экспериментов на БАК, мне практически нечего делать, поэтому хотелось бы над этим поработать. Но мне понадобится кое-какая помощь. Когда дело доходит до программирования, от Ллойда проку мало. Вот я и подумала: может, ты мне поможешь?

Сотрудничество Ллойда с Тео началось в связи с тем, что Ллойду нужен был более опытный, чем он, программист, чтобы получить возможность кодировать его физические идеи для экспериментов на Большом ионном коллайдере.

Тео сразу задумался о подходе к решению задачи, предложенной Митико. Можно было дать объявление с прессрелизом. Например, та женщина из отдела по связям с общественностью, которая потеряла сознание и ударилась головой во время Флэшфорварда, могла бы отправить этот пресс-релиз туда, куда обычно посылаются подобные материалы. И в этом материале можно было бы привести в качестве примера историю Тео. Просто идеальный способ привлечь внимание мировой общественности к его проблеме.

— Конечно, — сказал Тео. — Обязательно.

После ухода Митико Тео решил проверить электронную почту. Письма оказались самые обычные, включая и спам от какой-то компании из Мавритании. Власти Мавритании ловко устроились. Мало того что они не наложили запрет на спам, рассылаемый их национальными компаниями, они еще и приглашали к себе кучу иностранных корпораций.

Тео просмотрел другие сообщения. Короткое письмо от друга из Сорренто. Просьба от какого-то ученого из МТИ²⁰ выслать копию статьи, соавтором которой был Тео. Приятно было узнать, что в мире науки кое-что шло своим чередом. И...

Да! Еще информация о его убийстве.

Письмо пришло от женщины из Монреаля. Она была француженкой и родилась во Франции, а не в Канаде, поэтому следила за новостями с родины. Информация из ЦЕРНа, естественно, свободно переходила через границу Франции со Швейцарией, и, хотя ближайшим городом к ЦЕРНу была Женева, убийство в этом научном учреждении было настолько же французской новостью, насколько и швейцарской.

В своем видении та женщина читала сообщение об убийстве Тео в газете «Монд». Все факты сходились с тем, что говорила Кэтлин Деврис. Для Тео это стало первым подтверждением того, что Кэтлин его не разыгрывала. Но сообщение было изложено совершенно другими словами. Не просто перевод той статьи, что попала на глаза Кэтлин Деврис, а абсолютно другая статья, и в ней содержался один важный факт, не упомянутый в йоханнесбургской газете. Судя по тому, что написала француженка, детектива, занимавшегося расследованием убийства Тео, звали Хельмут Дрешер и он работал в женеvской полиции.

Свое письмо женщина завершила словами: «Bonne chance!»

Bonne chance. «Желаю удачи». Да уж, удача ему не помешала бы.

Номер, по которому нужно было звонить в полицию Женевы, Тео знал наизусть: 1-1-7. На самом деле этот номер был на наклейке, прикрепленной ко всем телефонам в ЦЕРНе. Но это был номер, по которому звонили в экстренных случаях. Тео и понятия не имел, как звонить в отдел расследований. Он воспользовался телефонной книгой, нашел номер и набрал его.

— Алло? — произнес Тео. — Попросите, пожалуйста, детектива Хельмута Дрешера.

— У нас такой детектив не работает.

— Возможно, он занимает какую-то другую должность? Не такую ответственную.

— Сожалею, но у нас нет никого с такой фамилией.

Тео задумался.

— А у вас есть справочник по другим полицейским управлениям Швейцарии? Нельзя

²⁰ МТИ — Массачусетский технологический институт. (Прим. ред.)

ли уточнить?

— Здесь у меня ничего такого нет. Придется покопаться.

— Но вы могли бы это сделать?

— А о чем речь?

Тео решил, что честность — или хотя бы полуправда — лучшая политика.

— Он расследует убийство, а я располагаю кое-какой информацией.

— Хорошо. Поищу. Как с вами связаться?

Тео назвал свое имя и номер телефона, поблагодарил офицера и повесил трубку. Он решил попробовать более прямой подход и набрал фамилию «Дрешер» на клавиатуре телефона.

Ничего себе. В Женеве существовал только один Хельмут Дрешер, и жил он на рю Жан-Дассье.

Тео набрал номер.

8

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Бастующие работники больниц в Польше сегодня единогласно решили вернуться к работе. «Наша борьба справедлива, и мы возобновим забастовку, но сейчас наш долг перед людьми выше наших требований к правительству», — заявил лидер профсоюза Стефан Вышинский.

* * *

«Синелекс-Одеон», крупная сеть кинотеатров, предложила бесплатные билеты всем посетителям, побывавшим на сеансах во время Флэшфорварда. Показ фильмов во время этого явления, по всей видимости, не прекращался, но зрители потеряли сознание и пропустили около двух минут действия. Как ожидается, другие сети кинотеатров последуют примеру «Одеона».

* * *

После того как за последние двадцать четыре часа в Патентную службу США было подано рекордное число заявок, это учреждение закрылось без предупреждения. Сотрудники Патентной службы ожидают решения Конгресса относительно того, следует ли патентовать изобретения, идеи которых почерпнуты из видений.

* * *

Комиссия по научному исследованию паранормальных явлений опубликовала пресс-релиз, в котором подчеркивается: «Несмотря на то что пока у нас нет объяснения Флэшфорварда, нет причин приписывать это явление действию потусторонних сил».

* * *

«Юропиан мьючал», крупнейшая страховая компания Европейского союза,

объявила о своем банкротстве.

Все началось раньше, чем они предполагали. Из-за пережитого вчера стресса у Мари-Клэр Беранже начались схватки. Гастон повез жену в больницу в Туари. Беранже жили в Женеве, но для них обоих очень важно было, чтобы их сын родился именно на французской земле.

Как генеральный директор ЦЕРНа, Гастон получал неплохое жалование. Прилично зарабатывала и Мари-Клэр, которая работала юристом. Поэтому за ходом беременности Мари-Клэр следили лучшие врачи. Гастон слышал, что в Соединенных Штатах многие беременные женщины иногда впервые попадают к врачу в день родов. Неудивительно, что в США смертность среди новорожденных была во много раз выше, чем в Швейцарии или Франции. Нет, у их сына все должно быть по высшему разряду. Гастон знал, что будет мальчик, но видение здесь было ни при чем. Сорокадвухлетней Мари-Клэр, как старородящей, была проведена ультразвуковая диагностика, так что они ясно увидели мужские принадлежности будущего младенца.

Конечно, Гастон не мог не рассказать Мари-Клэр о своем видении. Он был не из тех, кто имеет секреты от жены, но в данном случае утаить что-либо было просто невозможно. У нее было точно такое же видение — ссора с Марком, только на другом эмоциональном фоне. Гастон был рад, что Ллойду Симкоу после разговора со своим аспирантом и женщиной из Канады удалось доказать наличие синхронизации видений. Что до Мари-Клэр и Гастона, то они дали друг другу слово никому не рассказывать о своих видениях.

Однако, хотя оба видели одно и то же, все же возникали вопросы. Мари-Клэр попросила Гастона рассказать о том, как она выглядела двадцать лет спустя. Некоторые подробности Гастон опустил: в частности то, что она располнела. Уже несколько месяцев Мари-Клэр переживала из-за набранных во время беременности лишних килограммов и заявила о своем твердом намерении вернуть себе прежнюю фигуру после родов.

Из рассказа жены Гастон, к собственному изумлению, узнал, что в 2030 году будет носить бороду. Он и в юности-то не отращивал бороду, а теперь, когда у него начали сесть виски, решил, что никогда не станет бородачом. А еще Мари-Клэр сказала ему, что он не облысеет. Но было ли это правдой или она просто решила не огорчать его? Или, может быть, к концу третьего десятилетия двадцать первого века будут разработаны сверхэффективные способы борьбы с облысением? Этого Гастон не знал.

Больница была переполнена пациентами. Многие лежали на каталках в коридорах; видимо, их доставили сюда после вчерашних событий. Однако большинство травм не требовали госпитализации: в основном переломы и ожоги. К счастью, в родильном отделении пациентов оказалось не больше, чем обычно. Медсестра усадила Мари-Клэр в кресло-каталку и повезла в палату. Гастон шел рядом, держа жену за руку.

Гастон, конечно, был физиком, то есть когда-то был физиком, но настоящей наукой не занимался уже больше десяти лет, с тех пор как перешел на административную работу. Он понятия не имел о том, что могло вызвать у людей видения, но не сомневался: это как-то связано с экспериментом на БАК. Слишком точное совпадение по времени, чтобы его можно было игнорировать. Но что бы ни стало причиной Флэшфорварда, каким бы неприятным ни было его собственное видение, Гастон о нем не сожалел. Оно явилось для него предупреждением, знамением. Он твердо решил ничего никому не рассказывать и не допустить, чтобы все стало так, как в его видении. Он будет хорошим отцом. Он будет уделять сыну много времени.

Гастон сжал руку жены.

Перед ними открылись двери родильной палаты.

Дом был большой, красивый и, учитывая то, как близко он стоял к озеру, без сомнения, дорогой. Снаружи он походил на шале, но, конечно, это было чисто внешнее сходство. Дома в космополитичной Женеве так же мало походили на швейцарские шале, как дома на

Манхэттене — на фермерские жилища. Тео нажал кнопку звонка и, засунув руки в карманы, стал ждать, когда ему откроют.

— Вы, видимо, господин из ЦЕРНа, — сказала женщина.

Несмотря на то что Женева находилась во франкоговорящей части Швейцарии, акцент у женщины был немецкий. Женева, где расположены штаб-квартиры множества международных организаций, влекла к себе людей со всего света.

— Да, верно, — ответил Тео и на всякий случай добавил: — Фрау Дрешер. Меня зовут Тео Прокопидес. Спасибо, что позволили мне приехать.

Фрау Дрешер было, наверное, лет сорок пять. Стройная, очень хороша собой. Натуральная блондинка.

— По правде говоря, это не в моих привычках приглашать незнакомого человека, позвонившего по телефону, — пожала плечами фрау Дрешер. — Но последние два дня все так странно.

— Это верно, — кивнул Тео. — А герр Дрешер дома?

— Еще нет. Иногда дела вынуждают его задерживаться.

— Могу представить, — понимающе улыбнулся Тео. — Работа в полиции наверняка отнимает много сил и времени.

— В полиции? — нахмурилась женщина. — Чем, по-вашему, занимается мой муж?

— Он офицер полиции. Ведь правда?

— Хельмут? Он торгует обувью. У него магазин на рю де ла Рон.

За двадцать лет человек, конечно, вполне мог изменить род занятий, но... из торговца обувью превратиться в сыщика? Конечно, не совсем рассказ Горацио Алгера,²¹ но случай — крайне маловероятный. К тому же магазины на рю де ла Рон были чертовски дорогие, Тео явно не по карману. Оставалось только глазеть на витрины. Так что человеку нужно было очень сильно потерять в деньгах, чтобы работу в престижной части города сменить на нелегкий труд обыкновенного копа.

— Извините. Просто я подумал... Ваш муж — единственный Хельмут Дрешер в телефонном справочнике Женевы. Вы знаете еще кого-нибудь, кого так зовут?

— Нет, если только вы не имеете в виду моего сына.

— Вашего сына?

— Мы зовем его Мут, но на самом деле он Хельмут-младший.

Ну конечно! Отец владел обувным магазином, а сын был копом. И естественно, номер телефона полицейского не попал в городской телефонный справочник.

— А-а-а! Значит, я ошибся. Не подскажете, как мне связаться с вашим сыном?

— Он в своей комнате.

— То есть он по-прежнему здесь живет?

— Конечно. Ведь ему всего семь лет.

Тео готов был себя убить за тупость. Он сражался с реальностью будущего, представшего людям на пару минут. Возможно, именно то, что у него самого видения не было, мешало ему в полной мере оценить временные рамки Флэшфорварда. Как бы то ни было, он чувствовал себя полным идиотом.

Если Муту сейчас семь лет, то на момент гибели Тео ему исполнится двадцать восемь, то есть он будет на год старше теперешнего Тео. Было бессмысленно спрашивать у него, хочет ли он стать полицейским, когда вырастет. Все семилетние мальчишки этого хотят.

— Мне ужасно неловко, — пробормотал Тео, — но если вы не возражаете, я хотел бы с ним познакомиться.

— Даже не знаю. Может быть, лучше дождаться моего мужа.

— Не возражаю, — ответил Тео.

²¹ Горацио Алгер (1834–1899) — американский писатель, почти все герои произведений которого пробивали себе путь из нищеты к достатку. (Прим. перев.)

Женщина смотрела на него с удивлением. Наверное, ожидала, что он будет настаивать, но его готовность подождать, похоже, развеяла ее опасения.

— Хорошо, — согласилась она, — входите. Но должна вас предупредить: Мут очень неразговорчив после того... после всего, что случилось вчера. Что бы это ни было. И ночью он плохо спал, поэтому немного сонный.

— Понимаю, — кивнул Тео.

Фрау Дрешер распахнула дверь. Дом оказался просторным, светлым, с великолепным видом на Женевское озеро. Дела у Хельмута-старшего явно шли неплохо.

Наверх вела лестница без перил.

— Мут! Мут! Тут к тебе пришли, — крикнула фрау Дрешер и, обернувшись к Тео, предложила: — Может быть, присядете?

Хозяйка провела его к низкому деревянному креслу с белыми подушками. Рядом стоял такой же диван. Фрау Дрешер вернулась к лестнице.

— Мут! Иди сюда! К тебе пришли.

Не дождавшись ответа, она пожала плечами: дескать, что тут сделаешь с этими детьми.

Наконец наверху послышались легкие шаги и по лестнице сбежал маленький мальчик. Может, он и не хотел являться на зов матери, но, как большинство мальчишек, по лестнице привык спускаться бегом.

— Ну наконец, Мут. Это герр Проко... — начала фрау Дрешер.

Тео обернулся и посмотрел на мальчика, а тот, увидев его лицо, вскрикнул, развернулся и стремглав помчался наверх. Ступеньки лестницы задребезжали.

— Что случилось? — крикнула сыну вдогонку фрау Дрешер.

Добежав до второго этажа, Мут захлопнул за собой дверь.

— Извините, пожалуйста, — повернулась фрау Дрешер к Тео. — Ума не приложу, что на него нашло.

Тео закрыл глаза.

— А я, пожалуй, понимаю, — произнес он. — Я вам не все рассказал, фрау Дрешер. Я... Видите ли, через двадцать один год я должен умереть. Меня убьют. А вашему сыну Хельмуту Дрешеру, детективу полиции Женевы, будет поручено расследование моего убийства.

Лицо Фрау Дрешер стало белым, как снег на вершине Монблана.

— Mein Gott! — воскликнула она. — Mein Gott!

— Вы должны позволить мне поговорить с Мутот, — заявил Тео. — Он узнал меня, то есть его видение было каким-то образом связано со мной.

— Но он всего лишь маленький мальчик.

— Понимаю... Но у него есть информация о моем убийстве. Мне необходимо знать то, что знает он.

— Ребенок не может хоть что-то в этом понимать.

— Прошу вас, фрау Дрешер. Пожалуйста. Речь идет о моей *жизни*.

— Он не станет говорить о своем... видении, — покачала головой женщина. — Оно его явно напугало, однако говорить о нем мальчик не желает.

— Пожалуйста. Я должен узнать, что он видел.

— Идите за мной, — неохотно бросила фрау Дрешер и начала подниматься по лестнице.

Тео, отстав на несколько ступенек, последовал за ней. Наверху было четыре комнаты; двери трех из них (двух спален и ванной) были открыты. К закрытой двери четвертой комнаты был приколот плакат из старого фильма «Роки». Фрау Дрешер знаком велела Тео отойти назад, что он и сделал.

— Мут! Мут, это мама. Можно войти? — постучала в дверь фрау Дрешер.

Ответа не последовало.

Фрау Дрешер осторожно повернула латунную дверную ручку и робко приоткрыла дверь.

— Мут?

Послышался приглушенный голос. Похоже, мальчик лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— А тот дядя уже ушел?

— Он не войдет. Обещаю. — Пауза. — А ты его знаешь? Откуда?

— Я видел его лицо. Подбородок...

— Где ты его видел?

— В комнате. Он на кровати лежал. — Пауза. — Только это была не кровать. Она была железная. И в ней была такая штука... вроде той, на которой ты подаешь жаркое.

— Противень? Поднос? — спросила фрау Дрешер.

— У него глаза были закрыты, но это был он, и...

— И что? — Молчание. — Ты можешь мне сказать, Мут. Не бойся.

— На нем не было ни рубашки, ни брюк. А еще там стоял один дядя в белом халате. Мы такие надеваем, когда у нас урок рисования. А у этого дяди был нож, и он...

Тео, стоявший в коридоре, затаил дыхание.

— У него был нож, и он... и он...

«Вскрывал мое тело», — подумал Тео. Вскрытие. Детектив наблюдал за тем, как патологоанатом проводит вскрытие.

— *Так* страшно было, — прошептал Мут.

Тео тихонько шагнул вперед и встал чуть позади фрау Дрешер.

Мальчик действительно лежал на кровати, уткнувшись в подушку.

— Мут, — очень тихо произнес Тео. — Мут, мне страшно жаль, что ты это видел, но... но мне очень нужно знать. Я должен узнать, что говорил тебе тот человек.

— Не хочу про это говорить, — ответил мальчик.

— Понимаю... Понимаю. Но для меня это очень важно. Пожалуйста, Мут. Пожалуйста. Тот человек в белом халате — это был врач. Прошу тебя, скажи, что он говорил.

— Сказать? — спросил мальчик, повернув голову к матери. — Мне обязательно про это говорить?

По ее лицу Тео видел, какая борьба идет сейчас у нее в душе. С одной стороны, ей хотелось оградить сына от неприятного разговора, а с другой — она понимала, что на карту поставлено нечто гораздо более важное. Наконец она решилась:

— Нет, не обязательно, Мут. Но это может помочь. — Она прошла по комнате, села на краешек кровати и погладила сына по коротко стриженным светлым волосам. — Понимаешь, герр Прокопидес... У него большие неприятности. Кто-то хочет его убить. Но возможно, ты мог бы помочь. И помешать этому. Ведь ты не хочешь, чтобы его убили, Мут?

Теперь пришла очередь мальчика разобраться со своими мыслями и чувствами.

— Наверное, да, — наконец выдавил он, приподнял голову и, взглянув на Тео, быстро отвернулся. — Он волосы красит. А на самом деле они седые.

Тео кивнул. Маленький Хельмут не в состоянии был все понять. Да и как он мог?! Семилетний мальчик неожиданно оторвался от привычной обстановки, привычного окружения: своего класса, детской площадки... А может быть, Флэшфорвард настиг его здесь, в этой комнате. И прямо отсюда он перенесся в морг и увидел, как вскрывают человеческое тело, увидел, как на поддон стекает густая темная кровь.

— Пожалуйста, — попросил Тео. — Обещаю: больше не буду красить волосы.

Мальчик еще немного помолчал, а потом начал говорить. Нерешительно и прерывисто.

— Они произносили много умных слов. Я почти ничего не понял.

— Они разговаривали по-французски?

— Нет. По-немецки. У другого дяди не было акцента, как и у меня.

Тео едва заметно улыбнулся. На самом деле акцент у юного Мута был, и еще какой. Как бы то ни было, две трети жителей Швейцарии обычно говорили по-немецки и только восемнадцать процентов — по-французски. Женева находилась во франкоговорящей части страны, но люди, для которых немецкий язык был родным, дома пользовались именно им.

— Они что-нибудь говорили о входном отверстии? — спросил Тео.

— О чем?

— О входном отверстии. — Тео говорил с Мутот по-французски и надеялся, что правильно употребил слова. — Ну, знаешь, дырочка от пули.

— От пуль, — сказал мальчик.

— Не понял?

— От пуль. Их было три штуки. — Мут посмотрел на мать: — Так сказал дядя в белом халате.

«Три пули, — подумал Тео. — Кто-то просто жаждал меня прикончить».

— А они говорили о том, куда попали эти пули?

— В грудь.

«Значит, я должен был видеть убийцу», — подумал Тео.

— Ты еще что-нибудь помнишь?

— Я там... что-то сказал, — пробормотал Мут.

— Что?

— Ну, то есть... Так казалось, будто я говорю. Только голос был не мой. Низкий такой. Взрослый голос. Естественно, низкий.

— И что ты сказал?

— Что вас застрелили с близкого расстояния.

— Как ты об этом узнал?

— Да не знал я ничего. И почему так сказал, тоже не знаю. Просто слова у меня изо рта вылетали.

— А патологоанатом — этот дядя в белом халате — он что-нибудь тебе ответил?

Мальчик сел на кровати, повернувшись лицом к матери и Тео.

— Нет. Он только кивнул. Будто согласился со мной.

— Ну хорошо. Он сказал что-нибудь такое, из-за чего ты ответил, что стреляли с близкого расстояния.

— Не могу понять, — признался Мут. — Мам, а мне обязательно про это говорить?

— Пожалуйста, — ласково улыбнулась фрау Дрешер. — На десерт будет мороженое. Пожалуйста, помоги этому хорошему дяде. Поговори с ним еще несколько минут.

Мальчик нахмурился. Наверное, прикидывал, достаточно ли будет мороженого в качестве награды за его мучения. Наконец он пробормотал:

— Он сказал, что вас убили на матче по боксу. На ринге.

Тео был очень удивлен. Да, он был дерзок, заносчив, но в жизни не ударил ни одного человека. На самом деле он считал себя пацифистом и после окончания университета отказался от нескольких весьма заманчивых предложений, сделанных оборонными компаниями. Он в жизни не бывал на боксерских поединках и вообще считал бокс не спортом, а скорее просто мордобоем.

— Ты уверен, что он так сказал? — спросил Тео.

Он бросил взгляд на плакат «Роки» на двери, потом посмотрел на стену над кроватью Мута. Там висел постер с изображением чемпиона мира в тяжелом весе Эвандера Холифилда. Может быть, мальчик путал свои мечты с видением?

— Ага, — кивнул Мут.

— Но почему меня могли застрелить на матче по боксу? — продолжил допрос Тео и, когда мальчик пожал плечами, добавил: — Больше ничего не помнишь?

— Он сказал, что-то было очень маленькое.

— Что-то было маленькое?

— Ну да. Всего девять миллиметров.

— Это калибр оружия. Кажется, диаметр ствола, — объяснил Тео, бросив взгляд на фрау Дрешер.

— Терпеть не могу оружие, — призналась фрау Дрешер.

— Я тоже, — заметил Тео и посмотрел на мальчика: — Что еще они говорили?

— «Глок». Тот, в белом халате, все время говорил: «глок».
— Это марка пистолета. А еще?
— Еще что-то про даллистику.
— Дал... Может быть, про баллистику?
— Наверное. Они хотели послать пули даллистику. Или в Даллистику. Это что, город такой?

Тео покачал головой.
— Больше они ничего про пули не говорили?
— Они были американские. Дядя в белом халате сказал, что на пулях написано «ремингтон», а я сказал «американские». Так сказал, будто в этом хорошо разбираюсь. А дядя в халате кивнул.

— Может быть, они о чем-нибудь еще говорили? Когда осматривали мою грудь?

Малыш сильно побледнел и с трудом выдавил:

— Там... там столько было крови и всяких кишок... Я...

Фрау Дрешер обняла сына и прижала к себе.

— Простите, герр Прокопидес. Думаю, достаточно.

— Но...

— Нет. Теперь вы должны уйти.

Тео огорченно вздохнул, сунул руку в карман, достал визитную карточку и протянул мальчику:

— Мут, тут написано, как со мной связаться. Пожалуйста, сбереги эту карточку. В любое время — в любое время, даже через несколько лет... если ты что-то выяснишь и решишь, что мне стоит это узнать, умоляю, позвони. Для меня это очень важно.

Мальчик уставился на маленький бумажный прямоугольник. Наверное, ему еще ни разу в жизни никто не давал своих визитных карточек.

— Возьми. Возьми карточку. Она твоя.

Мут робко взял визитку.

Вторую карточку Тео отдал фрау Дрешер и, поблагодарив ее и Мута, ушел.

9

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Даррен Санди, звезда телесериала Эн-би-си «Дейл Райе», скончался сегодня от травм, полученных во время Флэшфорварда. Съемки сериала приостановлены.

* * *

Транспортная комиссия штата Нью-Йорк сообщает о том, что затор из семидесяти двух столкнувшихся между собой автомобилей вблизи от шоссе 44 (Канандайгуа) до сих пор не ликвидирован и западный сквозной проезд в этом месте до сих пор блокирован. Водителям советуют выбирать маршруты объезда.

* * *

Десять тысяч лондонских мусульман, чьи молитвы были прерваны Флэшфорвардом, собрались сегодня на площади Пикадилли и, обратившись лицом к Мекке, сотворили намаз.

* * *

Папа Бенедикт XVI объявил о своих планах насыщенных визитов в различные страны мира. Он приглашает католиков и представителей других конфессий посетить проводимые им мессы, призванные утешить тех, кто потерял близких во время Флэшфорварда. Понтифик воздержался от ответа на вопрос о том, является ли Флэшфорвард чудом.

* * *

Детский фонд ООН готов оказать помощь перегруженным работой национальным агентствам по усыновлению в деле поиска приемных родителей для детей, осиротевших во время Флэшфорварда.

Несмотря на то что ЦЕРН бурлил, причем у каждого ученого была своя гипотеза происшедшего, Ллойд и Митико уехали домой рано. Никто не посмел бы обвинить их в нарушении трудовой дисциплины с учетом того, что случилось с дочерью Митико. Они и на этот раз не спорили между собой о том, что значит «домой». Поехали к Ллойд, в Сен-Жени.

Митико по-прежнему каждые несколько часов заливалась слезами, да и Ллойд в какой-то момент просто запер дверь своего кабинета и вдоволь наплакался. Иногда слезы приносят облегчение, но не в данном случае.

Дома Ллойд решил приготовить отбивные на ужин, а Митико, которой было необходимо чем-то себя занять, чтобы отвлечься от тоскливых мыслей, взялась за уборку квартиры.

После ужина Митико наконец задала Ллойд, тот вопрос, которого он больше всего боялся.

— Что ты видел? — спросила она.

Ллойд с трудом разлепил губы, но не смог выдать ни слова.

— Ну ладно, — сказала Митико, словно что-то поняла по его лицу. — Вряд ли все было так ужасно.

— Было, — отозвался Ллойд.

— Так что же ты видел?

— Я... — Ллойд зажмурился. — Я был с другой женщиной.

Митико ошеломленно заморгала. Наконец она спросила ледяным тоном:

— Ты мне изменял?

— Нет! Нет!

— Но что же это тогда было?

— Я был... Господи, милая... Прости меня... Я был женат на другой женщине.

— Но как ты понял, что вы женаты?

— Мы лежали в одной кровати, у нас были одинаковые обручальные кольца. И мы находились в загородном домике в Новой Англии.

— Может быть, это был дом этой женщины.

— Нет. Я узнал кое-что из мебели.

— Ты был женат на другой, — произнесла Митико, словно пытаясь свыкнуться с этой мыслью. После перенесенного шока ей, вероятно, трудно было осознать еще и это.

— Мы... ты и я... Видимо, мы развелись. Либо... — кивнув, начал Ллойд.

— Либо?

— А может, мы вообще так и не поженились, — пожал плечами Ллойд.

— Разве ты меня не любишь? — спросила Митико.

— Конечно люблю. Очень люблю. Но... Послушай, я ведь не хотел, чтобы у меня было это видение. Мне оно совсем не понравилось. Помнишь, мы с тобой как-то говорили насчет брачных клятв? Помнишь, обсуждали, оставить ли фразу «пока смерть не разлучит нас»? Ты

сказала, что это жутко старомодная клятва, что теперь уже никто так не говорит. А я сказал, что эти слова нужно обязательно произнести. Я этого и хотел. Мне хотелось брака, который длился бы вечно. Не так, как у моих родителей, и не так, как твое первое замужество.

— Ты был в Новой Англии, — пробормотала Митико, все еще пытаюсь осмыслить сказанное Ллойдом. — А я... Я была в Киото.

— С маленькой девочкой, — добавил Ллойд и помедлил, не вполне уверенный в том, стоит ли задавать мучивший его вопрос. Но все же, так и не решившись поднять глаза, он спросил: — Как выглядела эта девочка?

— У нее были длинные черные волосы, — ответила Митико.

— И?..

Митико отвела взгляд.

— Азиатские черты лица. Она была похожа на японку, — потупилась Митико и, немного помолчав, добавила: — Но это ничего не значит. Многие дети от смешанных браков больше похожи на одного родителя, чем на другого.

У Ллойда больно кольнуло сердце.

— Я думал, что мы созданы друг для друга, — тихо произнес он. — Я думал... — У него сорвался голос. — Думал, мы родственные души.

У Ллойда саднили глаза. Митико, похоже, тоже была на грани слез.

— Я люблю тебя, Ллойд, — выдохнула она.

— Я тоже тебя люблю, но...

— Да, — прошептала она. — Но...

Ллойд потянулся к Митико и накрыл ладонью ее руку, лежащую на столе. Митико судорожно сжала его пальцы. Они долго-долго сидели молча.

Тео уехал не сразу. Несколько минут он сидел за рулем своей машины около дома Дрешеров. Его мысли скакали как бешеные. Его застрелили из пистолета «глок» калибра девять миллиметров. Тео видел немало боевиков и знал, что «глок» — полуавтоматический пистолет, которым пользуются полицейские всего мира. Но пистолет был заряжен пулями американского производства — так что, может быть, в него стрелял — вернее, выстрелит — американец. Конечно, пока Тео вряд ли был знаком с тем, кому в один прекрасный день вздумается его прикончить. Почти наверняка его будущий убийца не входил в нынешний круг его друзей, знакомых и коллег.

И все же Тео был знаком со многими американцами.

Правда, не слишком близко, за исключением Ллойда Симкоу.

Конечно, строго говоря, Ллойд не был американцем. Он родился в Канаде. А канадцы не были большими любителями оружия. У них не было Второй поправки — или как там она еще называлась, эта треклятая статья закона, из-за которой американцы считали, что могут разезжать с оружием по всему свету.

Но, прежде чем приехать в Швейцарию, Ллойд прожил семнадцать лет в США. Сначала он учился в Гарварде, потом занимался экспериментальной физикой в Лаборатории имени Ферми неподалеку от Чикаго. И, судя по собственному признанию Ллойда, к тому времени, к которому относились видения, он снова переберется в Штаты.

Но нет. У Ллойда имелось алиби. Он находился в Новой Англии, когда Тео — как там принято говорить в Америке? — *пустили в расход*.

Вот только...

...вот только Тео был/будет убит двадцать первого октября, а видение Ллойда, как и видения всех остальных людей, относилось к 23 октября.

Ллойд пересказал Тео свое видение. Он упомянул о том, что пока ничего не рассказал Митико, но Тео настаивал, и Ллойд неохотно сдался, взяв с него слово, что тот не проболтается. По словам Ллойда, в своем видении он предавался любовным утехам со старухой, которая, по всей видимости, на тот момент была его женой.

«Старики редко занимаются любовью, — подумал Тео. — Наверное, только по особым

случаям. Ну, например, когда один из супругов вернулся после долгого отсутствия». Перелет от Швейцарии до Новой Англии — всего шесть часов. Сегодня. А через двадцать лет, возможно, будет и того меньше.

Нет, Ллойд легко мог быть в ЦЕРНе в понедельник и к среде вернуться в Нью-Гемпшир или где там находился его дом. И все же на ум Тео не приходило ни единой причины, с чего бы Ллойд его убивать.

Правда, к 2030 году Тео, а не Ллойд станет директором жутко продвинутого ускорителя элементарных частиц в ЦЕРНе — тахион-тардионного коллайдера. История знала много случаев, когда профессиональная ревность приводила к убийству.

И конечно, нельзя было исключать тот факт, что через двадцать лет Ллойд и Митико уже не будут вместе. Положа руку на сердце, Тео тоже нравилась Митико. А какому мужчине она не понравилась бы? Красивая, умная, теплая, забавная. Да и по возрасту она была ближе к нему, чем к Ллойд. Не мог ли он сыграть какую-то роль в их разрыве?

Тео уговорил рассказать о своем видении и Митико. Он отчаянно желал этого взгляда в будущее и страдал, что не пережил того, что было даровано остальным. В своем видении Митико находилась, по всей видимости, в Киото, куда, как она сказала, приехала с дочерью в гости к дяде. Не мог ли Ллойд дожидаться ее отъезда из Женевы, чтобы явиться туда и свести старые счеты с Тео?

Тео ненавистна была сама мысль о такой возможности. Ллойд был его наставником, его коллегой. Они часто говорили о возможности получить вместе Нобелевскую премию. Но...

...но ни в той ни в другой статье об убийстве Тео не было упоминаний о Нобелевской премии. Конечно, это вовсе не означало, что ее не получит Ллойд, но все же...

Мать Тео страдала диабетом. Когда ей поставили диагноз, Тео изучил историю этого заболевания и наткнулся на имена Бантинга и Беста — двух канадских ученых, открывших инсулин. Точно так же, как Крик и Уотсон, как, впрочем, и Ллойд с Тео, Бантинг и Бест относились к разным возрастным группам. При этом Бантинг явно был ведущим исследователем. Но хотя Крик и Уотсон получили Нобелевскую премию совместно, Бантинг разделил премию не со своим напарником в проведении исследований, молодым Бестом, а с Дж. Р. Р. Маклеодом, боссом Бантинга. Возможно, Ллойд и удостоится Нобелевской премии, но не за получение бозона Хиггса, который так и не материализовался, а скорее за объяснение эффекта смещения времени. И разделит премию, возможно, не со своим младшим товарищем, а с каким-нибудь начальником, например с Беранже или кем-то еще из верхушки ЦЕРНа. Как это скажется на их дружбе, на их партнерстве? Какая ревность, какая ненависть смогут расцвести в период между нынешним годом и 2030-м?

Безумие. Паранойя. Но все же...

...но все же, если Тео убьют на территории ЦЕРНа (слова мальчика, что его застрелят на спортивной арене, все еще казались Тео маловероятными), то его убийцей мог стать тот, кому удалось проникнуть в комплекс. ЦЕРН не был сверхсекретным и особо охраняемым объектом, но кого ни попадая за ворота не пропускали.

Итак, убить Тео мог только тот, кто имел возможность проникнуть в ЦЕРН. Кто-то, с кем Тео мог столкнуться лицом к лицу. И этот человек не просто хотел его убить. Движимый гневом и ненавистью, он всаживал в тело Тео одну пулю за другой.

Ллойд с Митико сели на диван в гостиной. Посуду можно было помыть и потом.

«Черт! — сокрушался Ллойд. — Ну почему это случилось? Все шло так хорошо, а теперь...»

А теперь, судя по всему, все могло развалиться на части.

Ллойд был немолод. Он не собирался так долго медлить с женитьбой, но...

...но мешала работа, и...

Нет. Не работа. Надо быть честным с самим собой. Он считал себя хорошим человеком, добрым и мягким, но...

...но, по правде говоря, он не был утонченным, никогда не слыл модником. Митико

было не сложно сменить его гардероб, потому что все перемены были к лучшему.

О, конечно, женщины — и мужчины, если на то пошло, — говорили, что он хорошо умеет слушать. Но Ллойд знал: это не из-за того, что он мудр. Иногда он просто не знал, что сказать. Вот он и сидел помалкивал, становился свидетелем чужих взлетов и падений, свидетелем страданий и радостей людей, жизнь которых была более разнообразной, волнующей и чувственной, чем его собственная.

Ллойд Симкоу не был дамским угодником, не был бабником, не умел поддержать светскую беседу. Он был просто ученым, специалистом по кварк-глюонной плазме, типичным «ботаником», который в детстве не умел толком бросить бейсбольный мяч, в подростковом возрасте сидел, уткнувшись носом в книжки, в то время как его сверстники оттачивали навыки межличностного общения в ходе освоения тысячи и одной разной ситуации.

А годы пролетали — ему исполнилось двадцать, потом тридцать. Теперь уже за сорок. О да, ему сопутствовал успех в работе, время от времени он встречался с женщинами. Много лет назад у него была Пэм... Но ничего такого, что имело бы перспективу, могло бы стать постоянным, выдержать испытания временем.

До тех пор, пока он не встретил Митико.

Все было так хорошо. Ее смешили его шутки, а его — ее. Они сходились во взглядах на мораль и политику, у них практически по всем вопросам мнение совпадало, хотя воспитывались в абсолютно разной среде: он — в консервативной промышленной Новой Шотландии, а она — в космополитичном мегаполисе Токио. И снова Ллойду на ум пришли эти слова — «родственные души». Они как будто были предназначены друг другу судьбой. Да, Митико была замужем и развелась. Да, у нее есть... была дочь, но все же они с Ллойдом идеально подходили друг другу.

А теперь...

...а теперь и это стало казаться иллюзией. Люди во всем мире пытались решить, отражали ли видения какую-то реальность, но Ллойд принял эти картинки будущего как факт, как истинное отображение грядущего, неизменный пространственно-временной континуум, в котором он существовал, существует и будет существовать.

Но все же он должен был объяснить Митико, что чувствует он, Ллойд Симкоу, не большой мастер вести беседы, человек, умеющий слушать других. Он должен был объяснить Митико, какие сомнения его терзают, почему знание того, что через двадцать один год — через двадцать один! — они не будут в браке, так угнетает его уже сейчас, так отравляет их отношения.

Ллойд посмотрел на Митико, опустил глаза, попытался еще раз поймать ее взгляд и наконец уставился в одну точку на стене цвета темно-красного вина.

Он никогда ни с кем не обсуждал свои переживания, даже со своей сестрой Долли — разве только в детстве. Он сделал глубокий вдох и заговорил, продолжая глядеть прямо перед собой:

— Когда мне было восемь лет, родители попросили меня и сестру спуститься в гостиную. — Судорожно сглотнув, он продолжил: — Это было в субботу вечером. Обстановка в доме уже несколько недель была напряженной. Так говорили взрослые: «напряженная обстановка». А в детстве я видел только, что мать с отцом не разговаривают. Нет, они говорили по необходимости, но всегда на повышенных тонах. И их разговоры всегда заканчивались фразами типа: «Ну, если так!..» или «Ни за что!» или «Не смей!..» В таком вот духе. В присутствии детей, то есть нас, они старались соблюдать приличия, но мы слышали гораздо больше, чем они думали. — Ллойд бросил взгляд на Митико и снова уставился в одну точку. — В общем, они позвали нас в гостиную. Отец позвал: «Ллойд, Долли, идите сюда!» А когда он нас так звал, мы знали: быть беде. То мы игрушки не убрали, то кто-то из соседей пожаловался. Ну, я вышел из своей комнаты, Долли — из своей. Мы с ней переглянулись. Поделались, так сказать, страхом. — Ллойд посмотрел на Митико точно так же, как на сестру много лет назад, и продолжил: — Мы спустились по лестнице.

Мать и отец стояли. Мы тоже не стали садиться. Стояли вчетвером, будто ждали долбанный автобус. Мать с отцом немного помолчали, словно не знали, что сказать. Потом мама заговорила. Она сказала: «Ваш папа переезжает». Никакого предисловия, никакой попытки смягчить удар. Просто — «Ваш папа переезжает». Потом отец сказал: «Найду жилье поблизости. Сможете видаться со мной по выходным». А мама добавила, словно все и так не было ясно: «Мы с вашим папой плохо ладили». — Ллойд умолк.

— А часто ты с ним виделся с тех пор, как он переехал? — сочувственно произнесла Митико.

— Он не переехал.

— Но ведь твои родители развелись.

— Да. Шесть лет спустя. Но после этого великого объявления отец никуда не делся. Не уехал.

— Значит, твои родители помирились?

— Нет, — пожал плечами Ллойд. — Нет, скандалы продолжались. Но больше разговоров о том, что отец будет жить в другом месте, не было. Мы с Долли все ждали, когда же это случится. Все шесть лет, пока они не развелись, мы думали, что это может случиться в любой момент. Ведь родители не сказали нам, когда именно отец покинет наш дом. И когда они наконец расстались, мы даже почувствовали что-то вроде облегчения. Я люблю отца и маму люблю, но ужасно трудно было столько лет жить под дамокловым мечом. — Он немного помолчал. — А такой брак... обреченный на разрыв... Прости, Митико. Не думаю, что я сумею еще раз пережить такое.

10

День третий. Четверг, 23 апреля 2009 года

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Окружная адвокатская контора Лос-Анджелеса отложила все дела по административным правонарушениям, чтобы высвободить сотрудников для работы с потоком новых исков, связанных с грабежами в первые часы после Флэшфорварда.

* * *

Философский факультет Витватерсрандского университета (Южно-Африканская Республика) сообщает о рекордном количестве запросов на факультетский ежегодник.

* * *

Железнодорожные компании «Амтрак» (США), «Виа рейд» (Канада) и «Бритиш рейл» (Великобритания) сообщают о значительном увеличении потока пассажиров. Ни один из поездов этих компаний не потерпел крушения во время Флэшфорварда.

* * *

Церковь Святых Видений, начавшая действовать вчера в Стокгольме (Швеция), уже насчитывает двенадцать тысяч прихожан по всему миру. Таким

образом, эта религия стала самой быстро развивающейся в мире.

* * *

Американская ассоциация юристов сообщает о значительном росте числа просьб о составлении новых завещаний или пересмотре нынешних.

На следующий день Тео и Митико занялись разработкой веб-сайта, на котором люди могли бы помещать сообщения о своих видениях. Они решили назвать этот сайт «Проект „Мозаика“» в честь первого популярного (но уже давно заброшенного) веб-браузера, а также потому, что видение каждого человека на планете могло стать камешком в гигантском мозаичном портрете 2030 года.

Перед Тео стояла кружка с кофе. Он сделал глоток и сказал:

— Можно тебя кое о чем спросить? Это насчет твоего видения.

Митико перевела взгляд на горы за окном.

— Конечно.

— Эта маленькая девочка, с которой ты была. Думаешь, это твоя дочь? — Он чуть было не сказал «твоя новая дочь», но вовремя одернул себя.

— Видимо, да, — едва заметно пожала узкими плечами Митико.

— И... и дочь Ллойда?

Вопрос Тео удивил Митико.

— Конечно, — ответила она, но как-то неуверенно.

— Потому что Ллойд...

— Он рассказал тебе о своем видении, да? — напряглась Митико.

Тео понял, что проговорился.

— Нет. Он мне не все рассказал. Сказал только, что находился в Новой Англии.

— С другой женщиной. Не со мной. Да, я знаю.

— Уверен, это ничего не значит. Не сомневаюсь, что все эти видения не сбудутся.

Митико снова отвела глаза и уставилась в окно. Тео сам не раз засматривался на здешние горы. В них было что-то постоянное, неизменное, надежное. Глядя на горы, он успокаивался. Приятно было сознавать, что на свете есть нечто, способное оставаться на своем месте даже не десятки, а тысячи лет.

— Послушай, — начала Митико. — Я уже один раз разводилась. Я не настолько наивна, чтобы считать, что все браки могут длиться вечно. Может быть, мы с Ллойдом в какой-то момент и расстанемся. Кто знает?

Тео отвернулся, не решаясь посмотреть ей в глаза. Он не знал, как она отреагирует на его следующие слова.

— Он будет дураком, если упустит тебя.

Рука Тео лежала на столе. Неожиданно он почувствовал прикосновение нежной ладони Митико.

— Спасибо, — сказала она.

Тео отважился взглянуть на Митико. Она улыбалась.

— Ничего более приятного мне никто в жизни не говорил.

Еще несколько восхитительных секунд Митико не отодвигала руку.

Ллойд Симкоу шел из центра управления БАК к главному административному зданию. Обычно дорога занимала пятнадцать минут, но сегодня у Ллойда ушло полчаса, так как его трижды останавливали идущие навстречу физики. Одним хотелось расспросить его об эксперименте на БАК, который мог вызвать смещение времени, другим — рассказать о своих теориях Флэшфорварда. Был красивый весенний день. Довольно прохладно, но при этом на ярко-синем небе громоздились кучевые облака, своим величием соперничавшие с пиками Альп к востоку от комплекса.

Наконец Ллойд вошел в административный корпус и направился к кабинету Беранже. Естественно, он договорился о встрече заранее (и уже опаздывал на пятнадцать минут). ЦЕРН был крупным учреждением, и заглянуть к генеральному директору просто так, по дружески, было невозможно.

Секретарша Беранже сказала, что Ллойд может войти, и он не стал медлить. Окно кабинета, расположенного на третьем этаже, выходило на территорию ЦЕРНа. Беранже встал из-за письменного стола и пересел за длинный стол для совещаний, большая часть поверхности которого была завалена распечатками с результатами экспериментов, так или иначе связанных с Флэшфорвардом. Ллойд сел напротив генерального директора.

— Oui? — спросил Беранже, что означало «В чем дело?».

— Я хочу обнародовать информацию, — ответил Ллойд. — Хочу рассказать всему миру о нашей роли в том, что произошло.

— Absolument pas, — ответил Беранже. «Ни за что».

— Черт побери, Гастон, рано или поздно нам придется открыть карты.

— Вы сами не знаете, виноваты мы или нет, Ллойд. Вы не можете этого доказать — и никто не может. Телефоны надрываются, что и говорить. Наверное, каждому известному ученому сейчас называют журналисты и спрашивают, что он думает о случившемся. Но пока никто не связал Флэшфорвард с нами и, надеюсь, не свяжет.

— О, перестаньте! По словам Тео, вы примчались в центр управления БАК сразу после Флэшфорварда. Вы с самого начала знали, что все вышло из-за нас!

— Я так думал, пока считал, что явление носит локальный характер. Но, узнав о его глобальном характере, сменил точку зрения. Думаете, мы были единственным учреждением, которое в этот самый момент занималось чем-то интересным? Я проверил. Японцы в своей лаборатории КЕК²² проводили эксперимент, который начался всего за пять минут до Флэшфорварда; американцы в SLAC²³ тоже проводили серию столкновений частиц. Нейтринная обсерватория в Садбери зарегистрировала вспышку за несколько минут до семнадцати ноль-ноль. Примерно в это же время в Италии произошло землетрясение силой три целых и четыре десятых балла по шкале Рихтера. А компания «Боинг» проводила серию испытаний ракетных двигателей.

— В отличие от БАК ни КЕК, ни SLAC не способны выработать такое количество энергии, — возразил Ллойд. — А в остальных событиях нет ничего необычного. Вы хватаетесь за соломинку.

— Нет, — покачал головой Беранже. — Я провожу соответствующее исследование. Вы не можете быть уверены настолько, чтобы, положив руку на сердце, смело заявить, что во всем виноваты мы. И пока у вас не будет такой уверенности, вы не скажете ни слова.

— Я знаю, вы целыми днями перекладываете бумажки с места на место, но думал, что в глубине души вы все-таки остались ученым, — покачал головой Ллойд.

— Я и есть ученый, — отрезал Беранже. — И речь идет о науке, о серьезной науке, и о тех методах, которые в ней должны применяться. Вы готовы сделать заявление до того, как будут собраны все факты. А я нет. — Он умолк и сделал глубокий вдох. — Послушайте, — продолжил он, — вера людей в науку за последние годы здорово пошатнулась. Слишком много научных историй оказались фикцией. Слишком часто желаемое выдавалось за действительное.

Ллойд в упор посмотрел на Беранже, но ничего не сказал.

— Персиваль Лоуэлл,²⁴ которому на самом деле просто нужны были линзы посильнее

²² КЕК — Национальная лаборатория физики высоких энергий, Цукуба, Япония. (Прим. ред.)

²³ SLAC — Стэнфордский центр линейных ускорителей, Калифорния, США. (Прим. ред.)

²⁴ Персиваль Лоуэлл (1855–1916) — американский астроном и математик, исследователь Марса. (Прим. перев.)

или воображение поумереннее, утверждал, что видел на Марсе каналы. Но никаких каналов там не было. Мы до сих пор разбираемся с последствиями заявлений одного балбеса из Розуэлла, который решил, что увидел остатки космического корабля инопланетян, а на самом деле это был всего-навсего метеорологический зонд.²⁵ А Тасадей помните? Племя, обнаруженное в Новой Гвинее в тысяча девятьсот семидесятых? Дикарей, которые жили на уровне каменного века и в языке которых не было слова «война». Антропологи из кожи вон лезли, стремясь понаблюдать за ними. Но вот ведь незадача — это племя оказалось подделкой. А ученые хотели немедленно затащить дикарей на ток-шоу и даже не удосужились собрать побольше доказательств.

— Я вовсе не стремлюсь на ток-шоу, — буркнул Ллойд.

— А потом мы возвестили миру о холодном ядерном синтезе, — продолжал Гастон, не обращая на него внимания. — Помните? Конец энергетического кризиса, конец нищеты! Энергии больше, чем может понадобиться человечеству. Вот только до реальности было далеко. Просто Флейшманн и Понс²⁶ поторопили события. Потом мы начали болтать о жизни на Марсе.

Об антарктическом метеорите, в котором якобы обнаружены микроскопические окаменелости, а это будто бы доказывало, что эволюция начиналась не только на Земле, но и на других планетах. Но выяснилось, что и тут ученые бежали, так сказать, впереди паровоза. Окаменелости оказались вовсе не окаменелостями, а простыми камешками. — Гастон снова сделал вдох. — Сейчас нам надо вести себя осторожно, Ллойд. Вы когда-нибудь слушали ребят из Института исследований Сотворения Мира? Они несут полную чушь относительно происхождения жизни, но смотришь на аудиторию — и видишь: сидят люди, кивают, соглашаются с докладчиками. А креационисты²⁷ утверждают, что ученые понятия не имеют, о чем говорят. И они правы. В половине случаев мы действительно понятия не имеем, о чем говорим. Мы слишком рано раскрываем рот — лишь бы оказаться первыми. Но всякий раз, когда мы ошибаемся, всякий раз, когда объявляем, что добились прорыва в борьбе за излечение рака или решили фундаментальную загадку Вселенной, потом проходит неделя, год, десять лет, и нам приходится разводиться руками: «Ой, простите! Мы не проверили факты, мы сами не знали, о чем говорили!» Так вот: всякий раз, когда случается такое, мы провоцируем астрологов, креационистов, нью-эйджеров,²⁸ всяких шарлатанов и просто чокнутых. Мы *ученые*, Ллойд. Мы призваны быть последним оплотом рационального мышления, надежных, воспроизводимых, неопровержимых доказательств, но при этом мы сами себе злейшие враги. Вы желаете выступить с открытым заявлением, хотите сказать, что во всем виноват ЦЕРН, что это мы переместили во времени сознание всего человечества, что мы способны предсказывать будущее, что мы наделены даром пророчества. Но я не убежден в этом, Ллойд. Вы считаете меня просто администратором, который хочет прикрыть свою задницу — и не только свою, а коллективную задницу сотрудников ЦЕРНа и наших спонсоров. Но это не так, то есть если уж до конца откровенно — это не совсем так. Проклятье, Ллойд! Мне ужасно жаль, вы даже не представляете, как жаль, что такое

²⁵ Так называемый розуэллский инцидент в среде уфологов считается первым документированным случаем крушения НЛО. (*Прим. перев.*)

²⁶ В 1989 году, после пяти лет работы и инвестирования ста тысяч долларов из собственных средств, профессора Мартин Флейшманн и Стэнли Понс сообщили о получении ядерной энергии из электрохимической ячейки, использующей палладий в качестве катода. (*Прим. перев.*)

²⁷ Креационизм (creatio (лат.) — сотворение) — учение о сотворении мира Богом из ничего. (*Прим. ред.*)

²⁸ Нью-эйдж (New Age (англ.) — буквально «новая эра») — общее название совокупности мистических течений и движений, сформировавшихся в XX веке. (*Прим. ред.*)

случилось с дочкой Митико. Мари-Клэр вчера родила. По идее, я не должен был сегодня сидеть на работе. Слава богу, к нам приехала ее сестра... Но здесь столько дел! У меня теперь есть сын, и, хотя ему всего несколько часов от роду, мне нестерпима мысль о том, чтобы потерять его. Что перенесла Митико... и вы... Нет, просто представить себе невозможно. Но мне хочется, чтобы мой сын вырос в лучшем мире. Я мечтаю о таком мире, где к науке относятся с уважением, где ученые основываются на подтвержденных данных, а не на диких рассуждениях, о мире, в котором если уж ученый выступает с докладом, то люди в аудитории слушают его серьезно, потому что он открывает им нечто важное, фундаментальное о принципах существования Вселенной, а не закатывают глаза и не говорят: «Ну-ну, интересно, какой такой у них на этой неделе великий прорыв?» Вы не знаете достоверно, со стопроцентной уверенностью, что ЦЕРН хоть как-то причастен к случившемуся... И пока вы... И пока я не буду иметь такой уверенности, никто не будет устраивать никаких пресс-конференций. Это ясно?

Ллойд открыл было рот, чтобы возразить, и тут же закрыл. Немного подумав, он спросил:

— А если я сумею доказать, что ЦЕРН каким-то образом причастен к случившемуся?

— Вам запрещено реактивировать БАК на уровнях, близких к тысяче ста пятидесяти тераэлектронвольтов. Я пересматриваю программу экспериментов. Каждый, кто хочет использовать БАК для экспериментов с протон-протонными соударениями, может этим заниматься, как только мы завершим диагностику, но пользоваться этим ускорителем для столкновения ядер нельзя, пока я не дам разрешения.

— Но...

— Никаких «но», Ллойд, — решительно заявил Беранже. — А теперь... Послушайте, у меня просто гора работы. Если у вас больше нет вопросов...

Ллойд покачал головой, вышел из кабинета, покинул административный корпус и отправился обратно.

На обратном пути Ллойда тоже часто останавливали. Похоже, каждые несколько минут рождалась новая гипотеза и с такой же скоростью отмирали прежние. Наконец Ллойд вернулся в свой кабинет. На столе его ждал предварительный отчет бригады инженеров, обследовавших все двадцать семь километров туннеля БАК в поисках возможных неисправностей оборудования, которые могли вызвать смещение времени. Пока ничего необычного обнаружено не было. Показатели датчиков ЭИАК и СМС тоже были в норме. Все диагностические тесты ничего экстраординарного не выявили.

Кроме отчета на столе лежала ксерокопия первой страницы «Трибюн де Женев». Кто-то принес Ллоиду эту ксерокопию и обвел маркером одну статью:

ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО БЫЛО ВИДЕНИЕ, УМЕР

«Будущее неопределенно», — говорит профессор Мобил, штат Алабама. Джеймс Пантер, 47 лет, сегодня погиб в автокатастрофе на трассе 1-65. Ранее Пантер описал свое видение брату, сорокачетырехлетнему Деннису Пантеру.

«Джим рассказал мне все о своем видении, — сообщил Деннис. — Он находился дома — в том же самом доме, где жил в последнее время, — но в будущем. Он брился и жутко напугался, увидев себя в зеркале морщинистым стариком».

«Смерть Пантера позволяет сделать целый ряд заключений, — считает Джасмин Роуз, профессор философии Университета штата Нью-Йорк в Брокпорте. — С того момента, как у людей были видения, мы спорили о том, отражают ли они реальное будущее или только вероятное будущее, или это просто галлюцинации, — сказала она. — Смерть Пантера ясно указывает на то, что будущее неопределенно. У него было видение, но его уже нет среди нас, и он не увидит, сбудется ли его видение».

Ллойд еще не отошел после своего визита к Беранже. Он свирепо скомкал лист бумаги

с газетной статьей и швырнул через весь кабинет.

Надо же, профессор философии!

Безусловно, смерть Пантера ничего не доказывала. Случай был просто анекдотичный. Никаких подтверждений происшествия — ни газеты, ни кадров из выпуска новостей, которые можно было бы сравнить с сообщениями о похожих событиях. По всей видимости, ни один человек не видел этого Пантера в своих видениях. Человек, которому сейчас было сорок семь лет, через двадцать один год вполне мог умереть. Он мог сочинить свое видение. Причем большого воображения здесь не требовалось, и как раз это наводило на мысль, что никакого видения не было и в помине. Митико сказала, что Тео, по всей видимости, свел к нулю свои шансы на заключение договора страхования жизни, признавшись, что у него не было видения. А Пантер, возможно, решил, что лучше соврать, что видение у него было, чем признаться, что его не будет в живых через двадцать один год.

Ллойд вздохнул. Нельзя ли направить на исследование этого случая какого-нибудь ученого? Кого-то, кто понимает, что такое настоящий сбор доказательств?

Профессор философии, твою мать! Как вы мне все на доели!

Большую часть работы по подготовке веб-сайта делала Митико. Тео сидел в том же кабинете за отдельным столом и занимался компьютерным моделированием эксперимента на БАК. Время от времени он отрывался от работы и помогал Митико. Конечно, к услугам сотрудников ЦЕРНа имелись все новейшие программы, но многое приходилось делать вручную, включая объемные запросы, которые нужно было отправлять в сотни различных поисковых систем по всему миру. По расчетам Митико, все должно было быть готово на следующий день.

На экране монитора Тео появилось сообщение о том, что ему пришло новое электронное письмо. Обычно он такие сообщения игнорировал — откладывал на потом, но тема письма сразу привлекла его внимание. «*Betreff: Ihre Ermordung*». В переводе с немецкого это означало: «Тема: Ваше убийство».

Тео открыл письмо. Весь текст был набран по-немецки, но для Тео этот язык не представлял трудности. Митико подошла и встала рядом с ним. Он перевел текст для нее.

— Пишет женщина из Берлина, — сказал он. — Написано примерно следующее: «Я увидела Ваше послание в своей новостной подписке. Вы ищете людей, которые могут располагать сведениями о Вашем убийстве. В общем, один человек, мой сосед по дому, кое-что знает об этом. Мы все... — Так, это слово означает „собрались“... — Мы все собрались в холле после того, как это — не знаю, как лучше назвать, — как это случилось, и рассказали друг другу о своих видениях. Этот мужчина — я с ним не слишком хорошо знакома, но он живет этажом выше — в своем видении смотрел выпуск новостей по телевизору, и там говорили об убийстве физика. Мне послышалось, он говорил про Люцерн, но, прочитав Ваше послание, я поняла, что речь идет о ЦЕРНе — правда, признаться, раньше я ни про какой ЦЕРН не слышала. Как бы то ни было, я отправила копию Вашего послания этому человеку, но не знаю, свяжется он с вами или нет. Его зовут Вольфганг Руш, найти его можно так...» Вот все, что тут сказано.

— Что ты собираешься делать? — спросила Митико.

— Что же еще? Свяжусь с этим парнем.

Тео поднял трубку телефона, набрал код для личных международных звонков и номер, указанный в письме из Берлина.

президента Мориса Маунга и всех остальных филиппинцев, погибших во время Флэшфорварда.

* * *

Группа, называющая себя «Коалиция 21 апреля», сформировала лобби в Конгрессе для одобрения законопроекта о создании в Вашингтоне мемориала в честь американцев, погибших во время Флэшфорварда. Участники этой группы предлагают создать гигантское мозаичное панно, изображающее Таймс-сквер в Нью-Йорке такой, какой она будет выглядеть в 2030 году, на основании описаний людей, которые видели эту площадь в своих видениях. В панно будет столько камешков, сколько человек погибло во время Флэшфорварда, и на каждом камешке лучом лазера будет высечено имя.

* * *

Кинокомпания «Касл рок эртертейнмент» объявила об отсрочке выхода на экраны блокбастера «Катастрофа» до более подходящего времени.

* * *

По данным опроса общественного мнения, проведенного еженедельником «Маклин» в Квебеке, сепаратистские настроения в этой канадской провинции как никогда умеренны. «По всей видимости, совершенно определенная уверенность в том, что к 2030 году Квебек по-прежнему будет входить в состав Канады, заставила многих закоренелых сепаратистов признать свое поражение», — говорится в передовице «Маклин».

* * *

В качестве срочной меры поддержки врачей, занятых оказанием помощи пациентам, получившим физические травмы во время Флэшфорварда, Управление США по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов дало разрешение на безрецептурный отпуск в течение года одиннадцати антидепрессантов, которые раньше продавались только по рецепту.

В тот вечер Ллойд и Митико снова сидели на диване в квартире Ллойда. На журнальном столике перед ними лежала толстая стопка бумаг. Митико вела себя спокойно, но Ллойд знал: перед сном она будет плакать и, как и предыдущие две ночи, уснет в слезах. Он старался вести себя правильно: не избегал разговоров о Тамико, так как понимал, насколько глупо пытаться забыть о том, что девочка вообще существовала, но первым эту тему не затрагивал.

И конечно, ему совсем не хотелось говорить о будущей свадьбе, о видениях, обо всех терзающих его сомнениях. Словом, они сидели на диване, и Ллойд обнимал Митико, и они говорили о другом.

— Гастон Беранже сегодня разглагольствовал о роли науки в современном мире, — сказал Ллойд. — И, черт побери, он заставил меня задуматься. Может быть, он прав. Мы, ученые, часто произносим возмутительные вещи. Порой мы говорим громкие слова, чтобы показать людям, что добились чего-то такого, чего на самом деле вовсе не добились.

— Согласна, — кивнула Митико, — иногда мы не слишком удачно демонстрируем

общественности научные истины. Но... но если ЦЕРН в ответе за случившееся... Если ты...

«Если ты за это в ответе...»

Можно было не сомневаться: она хотела сказать именно это, но вовремя одернула себя.

Да, если он был в ответе, если его эксперимент — его и Тео — был причиной всех этих смертей, разрушений, гибели Тамико...

Он дал себе клятву никогда не огорчать Митико, никогда не поступать с ней так, как поступал Хироси. Но если Флэшфорвард действительно произошел в результате его эксперимента, если он, Ллойд, хотя бы косвенно повинен в смерти Тамико, то он уже принес Митико больше горя, чем Хироси своим равнодушием.

Вольфганг Руш по телефону разговаривал односложно и неохотно, и Тео в конце концов решил, что поедет в Германию, чтобы с ним повидаться. Берлин находился всего в восьмистах семидесяти километрах от Женевы. В принципе, на машине Тео мог бы доехать до столицы Германии всего за день, но для начала решил позвонить в агентство и узнать, нет ли дешевых авиабилетов.

Оказалось, что дешевых билетов полным-полно.

Правда, число самолетов во всем мире немного уменьшилось, поскольку некоторые лайнеры потерпели крушение во время Флэшфорварда, но большая часть из трех тысяч пятисот самолетов, находившихся в воздухе в это время, благополучно продолжили и завершили полет без вмешательства пилотов. И было даже отмечено некоторое увеличение числа желающих купить билет на самолет, чтобы как можно скорее добраться до родных и близких.

Но, как сообщил Тео агент авиакомпании, большого наплыва пассажиров не было. Сотни тысяч людей во всем мире боялись лететь самолетом. И кто посмел бы их винить за это? Если бы всеобщее «затемнение» случилось снова, кто знает, сколько еще лайнеров могло упасть на взлетно-посадочную полосу? Компания «Свиссэр» отказалась от обычных ограничений: сейчас уже можно было не покупать билеты заранее, а к тому же предоставлялись всевозможные бонусы и скидки. Такую же стратегию выбрали и другие авиакомпании. Тео купил билет и меньше чем через полтора часа уже был в Берлине. Время в пути он провел с пользой: поработал на своем ноутбуке с компьютерной моделью столкновения ядер свинца.

Когда Тео добрался до квартиры Руша, было около восьми часов вечера.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться — сказал Тео.

Рушу было лет тридцать пять. Худощавый, светловолосый, с темно-серыми глазами. Он посторонился и впустил Тео внутрь. Впечатление было такое, что ему не до гостей.

— Должен сказать, — произнес Руш по-английски — лучше бы вы не приезжали. У меня сейчас очень тяжелое время.

— О?

— Я потерял жену во время... не знаю, как вы там говорите. В наших газетах это было названо просто «Der Zwischenfall», то есть «инцидент». — Он покачал головой. — Мне кажется, совершенно неадекватное название.

— Мне очень жаль.

— Когда это случилось, я был дома. По вторникам я не преподаю.

— Вы преподаватель?

— Я доцент, преподаю химию, а моя жена погибла по дороге с работы домой.

— Мне очень жаль, — искренне посочувствовал Рушу Тео.

— Ее не вернешь, — пожал плечами Руш.

Тео кивнул и задумался. Он был рад, что Беранже запретил Ллойдку заявлять о возможной причастности ЦЕРНа к Флэшфорварду. Руш вообще вряд ли стал бы с ним говорить, если бы знал, что между ним, Тео, и гибелью его жены существует какая-то связь.

— Как вы меня разыскали?

— По подсказке. Мне приходит много сообщений. Люди, похоже, заинтригованы

моей... моей историей. Кто-то прислал мне электронное письмо, и там было написано, что вы рассказывали о своем видении. Вы видели выпуск новостей, в котором сообщалось о моей смерти.

— Кто вам написал?

— Кто-то из ваших соседей. Неважно, кто именно. — На самом деле Тео не давал слова соседке Руша сохранить их переписку в тайне, но решил на всякий случай не называть ее имени. — Пожалуйста, — произнес он. — Я приехал издалека, потратил немало денег на дорогу, чтобы поговорить с вами. Может быть, вы скажете мне больше, чем по телефону.

Руш, похоже, чуть-чуть смягчился.

— Может быть. Вы уж простите меня. Вы даже не представляете, как я любил жену.

Тео обвел взглядом комнату. На стеллаже стояла фотография: Руш — лет на десять моложе, чем сейчас, а рядом с ним — красивая темноволосая женщина.

— Это она? — спросил Тео.

Руш посмотрел на него так, словно он указывал на его жену — живую и невредимую, чудом воскресшую. Но тут его взгляд упал на фотографию.

— Да, — ответил он.

— Она очень красивая.

— Благодарю вас, — пробормотал Руш.

Немного помолчав, Тео перешел к делу:

— Я говорил с несколькими людьми, читавшими газеты или статьи в Интернете о моей... о моем убийстве, но вы первый, кто видел что-то об этом по телевизору. Пожалуйста, не могли бы вы рассказать мне об этом?

Руш наконец предложил Тео сесть. Тео сел рядом со стеллажом с фотографией покойной фрау Руш. На журнальном столике стояла ваза с виноградом. Наверное, один из новых продуктов генной инженерии. Ягоды оставались сочными даже при комнатной температуре.

— Да и рассказывать-то особо нечего, — нахмурился Руш. — Правда, кое-что было странно. Выпуск новостей шел не по-немецки, а по-французски. В Германии это редкость.

— На экране был логотип телекомпании?

— Может, и был, но я не обратил внимания.

— А ведущий? Вы его узнали?

— Ее. Нет. Но она вела выпуск очень профессионально. И ничего удивительного в том, что я ее не узнал: ей явно было меньше тридцати, а значит, сейчас ей еще и десяти нет.

— А на экране в титрах, случайно, не было ее имени? Понимаете, если я ее разыщу... Наверняка в своем видении она вела выпуск новостей, и, может быть, она вспомнит что-то, о чем вы забыли.

— Дело в том, что в своем видении я смотрел выпуск новостей не «вживую», а в записи. И был потрясен способом перемотки записи. Я не пользовался пультом. Плеер реагировал на мой голос. Запись была не на видеокассете, не на диске. Картинка на экране была абсолютно чистая — ни «снега», ни подергиваний. — Руш немного помолчал. — Но как только статичный кадр за спиной ведущей сменился — в общем, это, наверное, была ваша фотография, только вы, естественно, выглядели старше, — я прекратил перемотку и стал смотреть. В титрах было написано: «Un Savant tue» — «Смерть ученого». Наверное, это меня заинтриговало. Ну, понимаете, я же и сам ученый.

— И вы просмотрели это сообщение до конца?

— Да.

Тео вдруг осенило. Если Руш просмотрел все сообщение, значит, оно длилось меньше двух минут. Конечно, две минуты для телевидения — это целая вечность, но...

...но вся его жизнь, изложенная за минуту и сорок пять секунд...

— Что сказала ведущая? — спросил Тео. — Постарайтесь припомнить. Это может мне помочь.

— Честно говоря, я мало что помню. Вероятно, я, тот, из будущего, был заинтригован,

но понимаете, похоже, и очень испуган. Какого черта? Что происходит? Я сидел за кухонным столом — вон там, пил кофе, читал работы студентов, и вдруг все изменилось. Меньше всего меня интересовали детали истории про кого-то, кого я совсем не знал.

— Я понимаю вашу растерянность, — отозвался Тео, но так как у него самого видения не было, на самом деле он не слишком хорошо понимал Руша. — Но все-таки постарайтесь припомнить хоть что-нибудь. Это очень важно.

— Ну... Женщина сказала, что вы ученый. Физик, кажется. Это так?

— Да.

— И она сказала, что вам было... то есть будет... о, не знаю! Сорок восемь лет.

Тео молча кивнул.

— И она сказала, что вас застрелили.

— А она сказала где?

— В каком смысле? Куда стреляли? В грудь вроде бы.

— Нет-нет. Где это произошло? В каком месте?

— Боюсь, этого она не говорила.

— Это случилось в ЦЕРНе?

— Она сообщила, что вы работали в ЦЕРНе, но... но я что-то не припомню, чтобы она упоминала, что вас убили именно там. Извините.

— Она ничего не говорила о какой-нибудь спортивной арене? О турнире по боксу?

Руша явно удивил вопрос Тео.

— Нет.

— Больше вы ничего не помните?

— Нет, простите.

— А какой сюжет последовал сразу после сообщения о моем убийстве?

Тео сам не знал, почему задал этот вопрос. Может быть, просто хотел понять, какое место в рейтинге новостей занимало сообщение о его смерти.

— Простите, не знаю. Я не стал досматривать выпуск новостей. Как только сообщение о вас закончилось, пустили рекламу... какой-то компании, наладившей выпуск — представьте себе! — дизайнерских младенцев. Это поразило меня — меня, живущего в две тысячи девятом году. А вот меня, живущего в две тысячи тридцатом, совершенно не заинтересовало. Я просто выключил телевизор — только это был не телевизор, а плоский экран, висевший на стене. В общем, я произнес слово «отключись», и экран сразу стал черным. А потом он, то есть я, обернулся, и... знаете, наверное, это был номер в гостинице: там стояли две большие кровати. Я пошел и, не раздеваясь, лег на кровать. Потом лежал и смотрел в потолок, а потом видение закончилось и я оказался у себя дома, за кухонным столом. — Руш немного помолчал. — Конечно, я себе набил здоровую шишку. Ударился лбом о стол. И вдобавок кофе на руку пролил. Наверное, чашку задел. Хорошо еще, что не сильно обжегся. Я не сразу пришел в себя, но потом узнал, что у всех в нашем доме были такие галлюцинации. Затем я попытался дозвониться до жены и узнал... узнал, что она... — Он судорожно сглотнул. — Ее нашли не сразу. Она выходила из метро, поднималась по эскалатору. Судя по рассказам очевидцев, ей оставалось подняться всего на несколько ступеней, но тут она потеряла сознание и упала на спину. Пролетела шестьдесят или семьдесят ступенек. Сломала шею при падении.

— Господи! — вырвалось у Тео. — Мне очень жаль!

Руш кивнул. На сей раз он принял его соболезнования.

Больше говорить было не о чем. К тому же Тео пора было в аэропорт: не хотелось тратить деньги на гостиницу в Берлине.

— Огромное спасибо вам за то, что уделили мне время. — Тео сунул руку в карман и вытащил визитницу. — Если вдруг вспомните что-нибудь еще и решите, что это может мне как-то помочь, буду рад вашему звонку или письму по электронке. — И протянул Рушу визитку.

Тот взял карточку, даже не взглянув на нее. Тео ушел.

На следующий день Ллойд снова пришел к Гастону Беранже. На этот раз у него ушло еще больше времени на дорогу до административного корпуса. Его задержали сотрудники из объединенной группы теории поля, направлявшиеся в компьютерный центр. Войдя наконец в кабинет Беранже, Ллойд произнес:

— Прошу прощения, Гастон. Можете уволить меня, если хотите, но я все же намерен обнародовать свою точку зрения.

— Я, кажется, ясно выразился...

— Мы просто *обязаны* предать все это гласности. Послушайте, я только что говорил с Тео. Вы знаете о том, что он вчера летал в Германию?

— У меня три тысячи подчиненных, я не могу за всеми следить.

— Так вот. Он летал в Германию, билет взял сразу же. К тому же с огромной скидкой. Почему? *Потому что люди боятся летать самолетами*. Весь мир до сих пор парализован, Гастон. Все боятся того, что сдвиг во времени произойдет снова. Не верите — загляните в газеты, посмотрите телевизор. Я только что смотрел последние новости. Люди избегают занятий спортом, за руль садятся только в случае крайней необходимости и отказываются летать самолетами. Все словно ждет повторения. — Ллойд снова вспомнил, как его отец объявил, что переезжает. — Но ведь никакого повторения не будет. Так ведь? До тех пор пока мы не станем воспроизводить наш последний эксперимент, никакого сдвига во времени не произойдет. Мы не можем держать весь мир в подвешенном состоянии. Мы и так натворили достаточно бед. Нельзя, чтобы люди боялись жить. Необходимо все вернуть, насколько это возможно, назад. К тому, что было раньше.

Беранже, похоже, задумался.

— Ну будет вам, Гастон. Все равно скоро кто-нибудь обязательно проболтается.

— А вы думаете, я этого не понимаю? Мне вовсе не по душе роль обструкциониста. Но мы обязаны думать о последствиях, о юридической ответственности, — шумно выдохнул Беранже.

— Наверняка будет лучше, если мы добровольно во всем сознаемся, а не будем ждать, когда нас остановят полицейским свистком.

Беранже запрокинул голову и несколько секунд смотрел в потолок.

— Я знаю, что вам не нравлюсь, — начал он, не глядя на Ллойда. Тот был готов возразить, но Беранже предупреждающе поднял руку. — И не трудитесь отрицать. Мы с вами никогда не ладили, никогда не были друзьями. Отчасти это, конечно, естественно. Такое можно наблюдать в любой лаборатории по всему свету. Ученые, считающие, что администраторы существуют лишь для того, чтобы тормозить их работу. Администраторы, ведущие себя так, словно ученые — не душа и сердце лаборатории, а некое неудобство. Но тут дело не только в этом. Какой бы работой мы оба ни занимались, я бы вам все равно не нравился. Раньше у меня просто не было времени остановиться и подумать об этом. Я всегда знал, что есть люди, которым я не нравлюсь и никогда не понравлюсь, но я никогда не задумывался, что в этом может быть и моя вина. — Он умолк и пожал плечами. — Но возможно, это так. Я вам не говорил, какое у меня было видение... и сейчас не расскажу. Но оно заставило меня задуматься. Быть может, я слишком сильно вам сопротивлялся. Вы считаете, что мы должны все предать гласности? Господи, сам не знаю, правильно это или нет. И не знаю, правильно ли поступать иначе. — Беранже немного помедлил. — И между прочим, наша ситуация не такая уж исключительная. Нужно бросить кость прессе на случай утечки информации и показать, что мы не виноваты.

Ллойд непонимающе поднял брови.

— Обрушение моста Такома-Нэрроуз,²⁹ — пояснил Беранже.

²⁹ Такомский мост, или мост Такома-Нэрроуз, — висячий мост через Такома-Нэрроуз, узкую часть пролива Пьюджет-Саунд. (Прим. перев.)

Ллойд кивнул.

Рано утром 7 ноября 1940 года асфальт на подвесном мосту Такома-Нэрроуз вдруг стал трескаться. Вскоре весь мост начал со страшным скрежетом раскачиваться вверх-вниз и в результате рухнул. Любой ученик старших классов видел этот эпизод, заснятый на киноплёнку. На протяжении десятков лет выдвигались самые разные объяснения этого явления, причем каждое из них было самым лучшим. Ну, например, ветер вызвал естественный резонанс.

«Конечно, строители моста должны были предусмотреть такое», — говорили люди. В конце концов, резонанс — хорошо известное явление. Вспомнить хотя бы камертон. Но гипотеза резонанса оказалась неверной. Резонанс требует невероятно высокой точности совпадения по фазе и частоте, иначе любой певец мог бы разбить голосом винные бокалы. И уж конечно, беспорядочные порывы ветра не могли вызвать резонанс. В 1990 году было доказано, что мост Такома-Нэрроуз рухнул из-за фундаментальной нелинейности подвесных мостов. Это частный случай теории хаоса — отрасли науки, которой попросту не существовало в то время, когда строился этот мост. И здесь не было вины проектировщиков: при том уровне знаний попросту невозможно было предугадать и предотвратить обрушение моста.

— Если бы все дело было только в видениях, — грустно улыбнулся Беранже, — нам не пришлось бы спасать свою шкуру. Наверное, многие даже поблагодарили бы вас. Но сколько машин разбито, сколько людей упало с лестниц и так далее. Вы готовы принять эти обвинения? Потому что удар придется принять не мне и не ЦЕРНу. Потому что когда дойдет до дела — сколько бы мы тут с вами ни проводили параллелей с историей моста Такома-Нэрроуз и ни рассуждали о непредвиденных последствиях, — люди все равно захотят получить конкретного козла отпущения, и вы должны понимать, что этим козлом отпущения будете вы, Ллойд. Это был ваш эксперимент.

Генеральный директор умолк. Ллойд немного подумал и сказал:

— Я справлюсь.

Беранже коротко кивнул.

— Bien. Мы устроим пресс-конференцию. — Он посмотрел за окно. — Думаю, пора поставить точки над «i».

КНИГА II ВЕСНА 2009

*Свобода воли — иллюзия. Она синоним неполноты восприятия.
Уолтер Кубилиус*

12

День пятый. Суббота, 25 апреля 2009 года

В административном корпусе ЦЕРНа было много аудиторий для семинаров и собраний. Но для пресс-конференции выбрали лекционный зал на двести мест, и сейчас все места были заняты. Сотрудникам отдела по связям с общественностью достаточно было сообщить средствам массовой информации, что ЦЕРН собирается сделать важное заявление о причине временного сдвига, как тут же собрались репортеры из всех европейских стран, а также один спецкор из Японии, один из Канады и шесть из США.

Беранже сдержал слово: главную роль он отвел Ллойд. Если кому и предстояло стать козлом отпущения, так это ему. Ллойд подошел к кафедре и откашлялся.

— Здравствуйте, — начал он. — Меня зовут Ллойд Симкоу. — Кто-то из отдела по связям с общественностью объяснил ему, что имя и фамилию нужно произнести по буквам, что он и сделал: — Моя фамилия пишется «эс-и-эм-ка-о-у», а имя — Ллойд — с двумя

буквами «эль».

После окончания пресс-конференции все репортеры должны были получить DVD-диск с записью выступления Ллойда и его краткой биографией, но многие, не имея возможности навести справки в Интернете, уже сейчас собирали основную информацию.

— Моя специальность — исследование кварк-глюонной плазмы, — продолжил Ллойд. — Я гражданин Канады, но много лет проработал в США, в Национальной ускорительной лаборатории имени Ферми. Последние два года работаю в ЦЕРНе и занимаюсь разработкой основного эксперимента на Большом адронном коллайдере. — Решив потянуть время и немного успокоиться, Ллойд сделал паузу. Нет, он не боялся публичных выступлений, ведь за его плечами были годы преподавания в университете. Но он не знал, какая реакция будет на его заявление. — Это мой помощник, доктор Теодосиос Прокопидес, — сказал Ллойд.

Тео, сидевший рядом с кафедрой, привстал.

— Тео, — сдержанно улыбнулся он журналистам. — Можете называть меня Тео.

«Ну просто одна большая счастливая семья», — подумал Ллойд. Он произнес имя и фамилию Тео медленно, по буквам, сделал глубокий вдох и продолжил:

— Двадцать первого апреля ровно в шестнадцать часов по Гринвичскому времени мы проводили здесь эксперимент.

Ллойд снова сделал паузу и пробежался взглядом по лицам журналистов.

Похоже, те сразу все поняли и тут же принялись выкрикивать вопросы, Ллойда ослепили фотовспышки. Он поднял руки, показывая, что сдается, и стал ждать, когда аудитория успокоится.

— Да, — наконец произнес он. — Да, по всей видимости, вы правы. У нас есть причина предполагать, что временной сдвиг как-то связан с нашим экспериментом на Большом адронном коллайдере.

— Как такое может быть? — поинтересовался Кли, спецкор Си-эн-эн.

— Вы уверены? — выкрикнул Джонас, корреспондент Би-би-си.

— Почему вы до сих пор молчали?! — возмутился репортер из агентства «Рейтер».

— Начну с последнего вопроса, — сказал Ллойд. — Точнее, попрошу ответить доктора Прокопидеса.

— Благодарю, — отозвался Тео и подошел к микрофону. — Гм... Причина, по которой мы раньше не выступили с заявлением, состоит в том, что мы не располагали теоретической моделью объяснения случившегося. — И, немного помедлив, заявил: — Честно говоря, у нас до сих пор нет такой модели. В конце концов, со времени Флэшфорварда прошло всего четыре дня. Но факт в том, что мы произвели столкновение элементарных частиц с самыми высокими энергиями в истории нашей планеты, и это столкновение произошло как раз в тот момент — с точностью до секунды, — когда произошел Флэшфорвард. Мы не можем игнорировать возможность причинно-следственной связи.

— Насколько вы уверены в том, что эти два события связаны между собой? — поинтересовалась женщина из «Трибюн де Женев».

— По идее, — пожал плечами Тео, — наш эксперимент не должен был вызвать Флэшфорвард. Но и никакой другой причины этого явления, кроме нашего эксперимента, мы пока не видим. Судя по всему, наша работа — самый вероятный кандидат на звание причины Флэшфорварда.

Ллойд украдкой посмотрел на Беранже. Выразительное лицо генерального директора на сей раз было абсолютно бесстрастным. Когда они репетировали пресс-конференцию, Тео сначала предложил другой вариант этой фразы: «Самый вероятный кандидат на звание главного обвиняемого». Беранже обещал стереть его в порошок, если он употребит слово «обвиняемый». Но оказалось, что разницы никакой.

— Значит, вы берете на себя ответственность за все потерянные человеческие жизни? — спросил Кли.

У Ллойда противно засосало под ложечкой. Он заметил, что Беранже нахмурился. Вид

у генерального директора был такой, словно он готов вмешаться и занять место ведущего пресс-конференции.

— Мы признаем, что наш эксперимент представляется нам наиболее вероятной причиной, — ответил Ллойд, встав рядом с Тео. — Но мы ответственно заявляем, что спрогнозировать даже отдаленные последствия нашего эксперимента не представлялось возможным. Явление оказалось совершенно непредсказуемым. Это было то, что страховщики называют волей Божьей.

— Но столько людей погибло... — выкрикнул кто-то из репортеров.

— Какой материальный ущерб причинен... — подхватил другой.

Ллойд снова поднял руки, прося тишины:

— Да, мы все знаем. Поверьте, мы всем сердцем сочувствуем каждому человеку, получившему травму и потерявшему близких. Так, под колесами потерявшего управление автомобиля погибла маленькая девочка, которая была мне очень дорога. Я все на свете отдал бы, чтобы ее вернуть. Но это невозможно было предотвратить...

— Ну уж нет! — оборвал его Джонас. — Очень даже возможно! Если бы вы не проводили свой эксперимент, ничего этого не случилось бы!

— Со всем уважением, сэр, но это иррационально, — отозвался Ллойд. — Ученые постоянно проводят эксперименты. А мы предпринимаем все разумные меры предосторожности. ЦЕРН, как вы знаете, имеет завидную историю безопасных экспериментов. И люди просто не могут взять и все бросить. Наука не может прекратить движение вперед. Мы не знали, что такое может случиться, мы и *не могли* этого знать. Но мы говорим миру правду. Я понимаю: люди боятся, что это может повториться, что в любой момент наше сознание может снова перенестись в будущее. Но этого не произойдет. Мы запустили это явление и мы же ответственно заверяем: никакой опасности повторения Флэшфорварда не существует.

Пресса, естественно, разразилась возмущенными воплями. В передовицах клеймили ученых, которые лезут в такие вещи, о которых людям вообще знать не положено. Но как бы ни старались журналисты, даже самым вьедливым таблоидам не удалось заручиться мнением авторитетного физика, который мог бы опровергнуть заявление экспериментаторов из ЦЕРНа о невозможности предвидеть перемещение сознания во времени. Естественно, это породило различные инсинуации на тему, что физики сговорились и покрывают друг друга. Но довольно скоро, устав от обвинений в адрес ученых из ЦЕРНа, газетчики переключились на развитие идеи о том, что произошло нечто действительно непредсказуемое и принципиально новое.

У Ллойда с Митико выдался трудный период. Митико улетела в Токио похоронить Тамику. Ллойд, конечно, предлагал лететь вместе, но он ведь не говорил по-японски. Обычно японцы, знавшие английский, из любезности говорили с ним на этом языке, но при таких прискорбных обстоятельствах было не до проявлений учтивости. И вообще ситуация возникла неловкая. Ллойд не был отчимом Тамики, не был мужем Митико. Какие бы разногласия ни существовали в прошлом между Митико и Хироси, в это тяжелое время они должны были быть вместе, чтобы оплакать и похоронить дочь. И как бы сильно ни горевал Ллойд, он вынужден был признать, что мало чем мог помочь Митико в Японии.

Она улетела на восток, на свою родину, а Ллойд остался в ЦЕРНе. Он изо всех сил старался объяснить обескураженному миру все случившееся с точки зрения физики.

— Доктор Симкоу, — начал Бернард Шоу, — может быть, вы сумеете объяснить нам, что случилось?

— Конечно, — произнес Ллойд, усевшись поудобнее.

Он находился в студии ЦЕРНа, предназначенной для телеконференций, перед телекамерой размером не больше наперстка. Шоу, естественно, находился в центре Си-эн-эн в Атланте. В этот день Ллойд предстояло еще пять подобных интервью, включая одно на

французском языке.

— Большинство из нас, — продолжил Ллойд, — конечно, слышали о таких терминах, как «пространство-время» и «пространственно-временной континуум». Они относятся к комбинации трех пространственных измерений: длины, ширины и высоты — и четвертого измерения — времени.

Симкоу кивнул женщине-технику, стоявшей в стороне от камеры, и на мониторе за его спиной появилась фотография темноволосого мужчины.

— Это Герман Минковский,³⁰ — сказал Ллойд. — Именно он впервые выдвинул концепцию пространственно-временного континуума. — Пауза. — Непосредственно проиллюстрировать понятие четырех измерений не так просто, но задача облегчается, если мы уберем одно из пространственных измерений.

Он снова кивнул, и изображение на мониторе изменилось.

— Это карта Европы. Конечно, Европа трехмерна, но мы все привыкли к двумерным картам. Герман Минковский родился вот здесь, в Каунасе, на территории нынешней Литвы, в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году.

На месте, указанном Ллойдом, загорелся огонек.

— Вот здесь. Но чтобы легче было понять, давайте представим, что огонек обозначает не город Каунас, а самого Минковского, родившегося в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году.

В правом нижнем углу карты появилась надпись: «1864 г. от Р.Х.».

— Если мы вернемся на несколько лет назад, то увидим, что до этой точки Минковского не существует.

Дата на карте изменилась: 1863, 1862, 1861. Естественно, в эти годы Минковский еще не родился.

— А теперь вернемся в тысяча восемьсот шестьдесят четвертый.

На карте послушно появились соответствующие цифры. Огонек Минковского ярко вспыхнул на долготе и широте Каунаса.

— В тысяча восемьсот семьдесят восьмом, — сказал Ллойд, — Минковский переехал в Берлин, чтобы поступить в университет.

Карта 1864 года отпала, словно листок отрывного календаря. Карта под ней была помечена 1865 годом. Затем, быстро сменяя друг друга, замелькали карты с 1866 по 1877 год. Все это время огонек Минковского горел в том месте, где находился Каунас, но как только на мониторе возникла карта с датой 1878 год, огонек сместился на 400 километров к западу — в Берлин.

— Минковский не остался в Берлине, — продолжил Ллойд, — и в тысяча восемьсот восемьдесят первом году переехал в Кёнигсберг — город, расположенный недалеко от современной границы Польши.

Упали еще три карты, и, как только появилась карта с пометкой «1881», огонек Минковского снова переместился.

— В последующие годы Герман Минковский скакал из университета в университет. В тысяча восемьсот девяносто четвертом он вернулся в Кёнигсберг, потом, в тысяча восемьсот девяносто шестом, перебрался в Швейцарию, в Цюрих. И наконец — в Геттингенский университет, в Центральной Германии. Там он оказался в тысяча девятьсот втором году.

Появляющиеся и исчезающие на мониторе карты отражали передвижения Минковского.

— И в Геттингене он прожил до своей смерти, а это случилось двенадцатого января тысяча девятьсот девятого года. — Упало еще несколько карт, но огонек остался на месте. — И естественно, после тысяча девятьсот девятого года Минковского больше не было.

³⁰ Герман Минковский (1864–1909) — выдающийся немецкий математик, разработавший геометрическую теорию чисел и геометрическую четырехмерную модель теории относительности. (Прим. перев.)

Упали карты с пометками «1910», «1911» и «1912», но ни на одной из них не было огоньков.

— А теперь посмотрим, — сказал Ллойд, — что будет, если мы возьмем все наши карты и сложим в хронологическом порядке, но сделаем их прозрачными.

Графическая программа компьютера выполнила эту задачу.

— Как видите, огонек, обозначающий передвижения Минковского, оставляет след во времени. Эта линия начинается здесь, на юге Литвы, движется по Германии и Швейцарии и в конце концов обрывается в Геттингене.

Карты наложились друг на друга, образовав куб. Жизненный путь Минковского извивался сквозь этот куб и был похож на ход в кротовой норе.

— Такой куб, показывающий чей-либо жизненный путь в пространстве-времени, называется кубом Минковского. Старина Герман первым нарисовал такую штуку. Естественно, эту же схему можно набросать для любого человека. Вот, например, мой куб Минковского.

Карта на экране снова изменилась. На этот раз был изображен весь земной шар.

— Я родился в Новой Шотландии, в Канаде, в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, потом переехал в Торонто, а оттуда — в Гарвард, поступив в университет, несколько лет проработал в Иллинойсе, в Лаборатории имени Ферми, а затем приехал сюда, на границу Франции и Швейцарии. В ЦЕРН.

Карты сложились, образовав куб с извилистой светящейся линией внутри.

— В этот куб можно поместить и линии жизни других людей.

Пять линий разных цветов появились внутри куба. Некоторые из них начинались раньше линии жизни Ллойда и потому выходили из куба, некоторые обрывались, не достигнув верха.

— Верхняя плоскость куба, — продолжал Ллойд, — обозначает сегодняшний день, двадцать пятое апреля две тысячи девятого года. И конечно, мы не станем спорить с тем, что сегодня — это сегодня, то есть мы все помним вчерашний день, но признаем, что он прошел, но ничего не знаем о дне завтрашнем. Мы все вместе смотрим на этот срез через куб.

Верхняя плоскость куба осветилась.

— Вы можете представить себе око коллективного сознания человечества, глядящее на этот срез. — Над кубом возникло изображение человеческого глаза, весьма натуральное, с ресницами. — А во время Флэшфорварда произошло вот что: око сознания посмотрело выше куба, в будущее, и, вместо того чтобы рассматривать срез времени, представляющий две тысячи девятый год, заглянуло в две тысячи тридцатый.

Куб вытянулся, превратился в параллелепипед, и большая часть разноцветных линий жизни тоже устремилась вверх. Парящий в пространстве глаз подпрыгнул, и освещенная плоскость почти вплотную приблизилась к вершине параллелепипеда.

— В течение двух минут мы смотрели на другую точку наших линий жизни.

— Значит, — поерзал на стуле Бернард Шоу, — вы хотите сказать, что пространство-время подобно кинокадрам, наложенным друг на друга, а «сейчас» — это подсвеченный кадр?

— Очень неплохая аналогия, — заметил Ллойд. — На самом деле она поможет мне перейти к следующему пункту объяснений. Допустим, вы смотрите кинофильм «Касабланка». Кстати, это мой любимый фильм. И допустим, в данный момент на экране разыгрывается следующая сцена.

Позади Ллойда на мониторе пошли кадры из «Касабланки». Хамфри Богарт, играющий Рика Блейна, произнес: «Для нее играл, играй и для меня». Дули Уилсон, исполняющий роль Сэма, не глядя в глаза Богарта, пробормотал: «Я ее уже забыл». Богарт, стиснув зубы, бросил: «Она вынесла, и я смогу. Играй!» Уилсон закатил глаза к потолку. Его пальцы забегали по клавишам рояля, и он заиграл «Когда проходит время».

— А теперь, — продолжил сидящий перед экраном Ллойд, — постарайтесь уяснить вот что: в настоящий момент вы видите перед собой данный кадр. — При слове «данный»

изображение на экране замерло. — Но это вовсе не значит, что остальные части фильма менее реальны.

Неожиданно картинка изменилась. Самолет исчезал в тумане. Щеголеватый Клод Рэн посмотрел на Богарта. «А что, если тебе исчезнуть из Касабланки ненадолго? — спросил он. — За Бразавилем свободный французский гарнизон. Я мог бы организовать пропуск». «Транзитное письмо? Я могу и как турист. Но наше пари остается в силе. За тобой десять тысяч франков», — едва заметно улыбнулся Боги. «Они бы как раз покрыли наши расходы», — поднял брови Рэн. «Наши?» — удивленно переспросил Богарт. «Угу», — кивнул Рэн. Они удалились в темноту ночи. Ллойд проводил их взглядом. «Луи, — послышался голос Богарта, записанный, как знал Ллойд, уже после окончания съемок. — Помоему, это начало нашей прекрасной дружбы».

— Вот видите, — произнес Ллойд, повернувшись к камере, — вы смотрели отрывок из фильма, где Сэм играет «Когда проходит время» для Рика, но конец фильма *уже существует, он фиксирован*. Когда вы смотрите «Касабланку» в первый раз, то, сидя на краешке стула, гадаете, уедет Ильза с Виктором Ласло или останется с Риком Блейном. Но ответ всегда был и останется одним и тем же: проблемы двух маленьких людей — песчинки в море человеческих страданий.

— Вы хотите сказать, что будущее так же неизменно, как прошлое? — спросил Шоу, явно утративший свойственную ему самоуверенность.

— Именно так.

— Но, доктор Симкоу, со всем уважением, это как-то... бессмысленно. А как же свобода воли?

— Нет никакой свободы воли, — ответил Ллойд, сложив руки на груди.

— Нет, есть, — не сдавался Шоу.

— Я так и знал, — улыбнулся Ллойд, — что вы это скажете. Вернее, любой, кто смотрит на наши кубы Минковского со стороны, знал, что вы так скажете, поскольку эти ваши слова уже высечены на камне.

— Но как такое возможно? За день мы принимаем миллионы решений, и каждое из них определяет наше будущее.

— Вы приняли миллионы решений вчера, но они неизменны — их невозможно изменить, как бы сильно вы ни сожалели о некоторых из них. И завтра вы тоже примете миллионы решений. Разницы нет. Вы *думаете*, что наделены свободой воли, но в действительности это вовсе не так.

— Итак, позвольте уточнить, правильно ли я вас понял, доктор Симкоу. Вы утверждаете, что видения отражают не какое-то одно возможное будущее. Скорее они отражают определенное будущее — единственно существующее.

— Вы абсолютно правы. Мы действительно живем во Вселенной, представляющей собой куб Минковского, и понятие «сейчас» — на самом деле иллюзия. Будущее, настоящее и прошлое одинаково реальны и одинаково неизменны.

13

— Доктор Симкоу?

Дело было к вечеру. Ллойд наконец завершил последнее интервью и, хотя ему еще нужно было к завтрашнему дню прочесть толстую стопку отчетов, сейчас шел по одной из узких улочек Сен-Жени, направляясь к булочной, а оттуда собирался зайти в магазин сыров, чтобы купить к завтраку немного аппензеллера.

Ему навстречу шел коренастый мужчина лет тридцати пяти. Коротко, стильно подстриженный, в темно-синей футболке и очках, что было довольно необычно, если учесть высокий уровень развития коррекции зрения.

Ллойд стало слегка не по себе. Наверное, с его стороны было опрометчивым ходить в одиночку по улицам, когда полмира видело его лицо на экранах телевизоров. Он огляделся

по сторонам в поисках путей к отступлению... и понял, что бежать некуда.

— Да? — осторожно произнес он.

— Доктор Ллойд Симкоу? — уточнил мужчина.

Он говорил по-английски, но с французским акцентом.

— Да, это я, — с трудом выдавил Ллойд.

Незнакомец вдруг схватил его за руку и принялся ее энергично трясти.

— Доктор Симкоу, хочу вас поблагодарить! Да, да, знаю, вы не хотели, чтобы такое произошло, и понимаю, многим случившееся принесло горе. Но должен вам сказать, что лучше этого видения у меня ничего в жизни не было. Оно перевернуло всю мою жизнь.

— Вот как, — произнес Ллойд, высвободив руку. — Приятно слышать.

— Да, сэр! До этого видения я был другим человеком. Никогда не верил в Бога — никогда, даже в детстве. Но мое видение... Я увидел себя в церкви, где молился вместе со всей общиной.

— Вы молились в церкви в среду вечером?

— А я что говорю, доктор Симкоу? То есть тогда, когда у меня было видение, я этого не понимал, а уже потом понял, когда в новостях сказали, к какому времени относятся эти видения. Молился в среду вечером! Я! Не кто-нибудь, а я! Ну куда тут было деваться?! Я понял, что рано или поздно встану на истинный путь. И пошел в книжный магазин и купил Библию. А я и не знал, что так много разных Библий! Так много разных переводов! Словом, купил ту, в которой истинные слова Иисуса напечатаны красными буквами, и стал читать. Я так решил: рано или поздно я к этому приду, так лучше сразу понять, что тут к чему. Я читал и читал. Знаете, даже все эти длиннющие родословные прочел. А какие замечательные имена — ну просто как музыка: Обадия, Джебедея — что за имена! И ведь ясное дело, доктор Симкоу, не будь у меня видения, когда-нибудь, за двадцать один год, это все равно ко мне пришло бы, но вы меня к этому уже сейчас подтолкнули, в две тысячи девятом. Никогда в жизни у меня не было так спокойно на душе. Бог любит меня. Вы мне так помогли!

— Спасибо, — смущенно выдавил Ллойд, не зная, что еще тут можно сказать.

— Нет, сэр, это вам спасибо!

Незнакомец еще раз пожал руку Ллойда и поспешил своей дорогой.

Ллойд вернулся домой около девяти вечера. Он очень скучал по Митико, и у него даже промелькнула мысль позвонить ей, но в Токио сейчас было только пять часов утра. Он отнес хлеб и сыр на кухню, сел на диван и включил телевизор. Решил немного отвлечься, прежде чем взяться за просмотр последних отчетов.

Он машинально переключал каналы, пока его внимание не привлекла программа швейцарских новостей, в которой шла дискуссия по поводу Флэшфорварда. Женщина-тележурналист через спутниковую систему связи разговаривала с каким-то человеком из США. Ллойд узнал его по косматой гриве рыжевато-каштановых волос. Это был Удивительный Александр, известный иллюзионист и экстрасенс. В последние годы он часто мелькал на телеэкране. Его полное имя было Реймонд Александр, и к тому же он преподавал в Университете Дьюка.³¹

Над интервью явно успели поработать: журналистка говорила по-французски, Александр отвечал ей по-английски, а на его голос был наложен голос переводчика.

— Вы наверняка слышали, — говорила журналистка, — утверждения сотрудника ЦЕРНа о том, что видения продемонстрировали единственно реальное будущее.

Ллойд насторожился.

— Oui, — прозвучал голос переводчика. — Но это полный абсурд. Не составит большого труда продемонстрировать, что будущее можно изменить. — Александр поерзал

³¹ Университет Дьюка — частный исследовательский университет, расположенный в городе Дарем, штат Северная Каролина, США. Основан методистами и квакерами в 1838 году. (Прим. перев.)

на стуле. — В моем видении я находился у себя дома. И у меня на столе, как и сейчас, стояло вот это. — Он взял со стоявшего перед ним в телестудии столика пресс-папье. Камера показала пресс-папье крупным планом. Оно было сделано из цельного куска малахита, а сверху красовалась маленькая золотая фигурка трицератопса. — Знаете, это может показаться смешным, — сказал Александр, — но я действительно очень люблю эту безделушку. Я приобрел ее во время поездки к Национальному памятнику «Динозавры». Но гораздо больше я люблю рациональное мышление.

Александр наклонился и достал из-под стола кусок мешковины. Он расстелил мешковину на столике и поставил на нее пресс-папье. Затем взял из-под столика молоток и начал разбивать сувенирное пресс-папье на куски. Малахит дал трещины, начал крошиться, а маленький динозавр (вряд ли отлитый из цельного металла) сплюснулся, превратившись в бесформенный комочек.

Александр победно улыбнулся, глядя в камеру:

— Это пресс-папье я видел в своем видении. Этого пресс-папье больше не существует. Следовательно, то будущее, которое показали видения, никак нельзя считать неизменным.

— Ну конечно, — отозвалась журналистка. — Насчет пресс-папье в вашем видении мы вам верим на слово.

Александра ее слова явно задели. Ему не понравилось, что кто-то усомнился в его честности. Он все же кивнул:

— Вы правы, проявляя скептицизм. Наш мир стал бы намного лучше, если бы все мы были не так доверчивы. Но дело в том, что каждый может сам провести такой эксперимент. Если в своем видении вы видели какой-нибудь стол, стул или диван, которые у вас есть сейчас, сломайте или продайте их. Если в вашем видении вам на глаза попала собственная рука, сделайте на ней татуировку. Если в своих видениях вас видели другие люди и у вас, как они говорят, выросла борода, сделайте себе электропилящую кожи лица, чтобы борода у вас не выросла никогда.

— Электропилящую кожи лица! — воскликнула журналистка. — Это уж как-то слишком!

— Если ваше видение вас встревожило и вы хотите обрести уверенность в том, что оно никогда не сбудется, для этого есть единственный метод. Безусловно, самым эффективным способом развенчать видения в более крупном масштабе был бы вот какой: выбрать какую-нибудь достопримечательность, которую видели тысячи людей, например статую Свободы, и разрушить ее. Но вряд ли это допустит Служба национальных парков.

Ллойд откинулся на спинку дивана. Чушь собачья! Ничего из того, о чем говорил Александр, не могло служить реальным доказательством субъективности отношения к видениям. Все зависело от того, как люди вспоминали. Ну и конечно, какой превосходный шанс засветиться на ТВ, причем не только для Александра, но и для любого, кто пожелал бы дать интервью! Достаточно было объявить о том, что будущее можно изменить.

Ллойд посмотрел на часы, стоявшие на одной из книжных полок. Было половина десятого, а значит, сейчас на границе штатов Колорадо и Юта, где находился национальный памятник «Динозавры», только половина второго пополудни. Ллойд и сам однажды там побывал.

Немного подумав, он снял трубку телефона. Для начала он позвонил в справочную службу, и наконец его соединили с женщиной, работавшей в том самом магазине сувениров.

— Алло, — сказал Ллойд. — Я ищу определенный сувенир. Малахитовое пресс-папье.

— Малахитовое?

— Да-да. Это такой зеленый минерал. Знаете, поделочный камень.

— Ах да, конечно. Это такие... с маленькими динозавриками сверху. Да, они у нас есть в продаже. Есть с тираннозаврами, со стегозаврами и с трицератопсами.

— Сколько стоит пресс-папье с трицератопсом?

— Четырнадцать долларов девяносто пять центов.

— А заказ на отправку по почте можете принять?

— Конечно.

— Я хотел бы купить такое пресс-папье и послать... — Он не договорил и задумался. Черт побери, а где же находится этот Университет Дьюка? — В Северную Каролину.

— Хорошо. А полный адрес?

— Точно не скажу. Просто напишите: «Профессору Реймонду Александру, Университет Дьюка, Дарем, Северная Каролина». Уверен, посылка дойдет до адресата.

— Через службу доставки UPS?

— Да, это было бы отлично.

Щелканье клавиш.

— За доставку — восемь пятьдесят. Как желаете расплатиться?

— Картой «Виза».

— Будьте добры номер карты.

Ллойд достал бумажник и продиктовал продавщице цифры с карты, срок действия карты и свое имя. Повесив трубку, он сел на диван и сложил руки на груди, крайне довольный собой.

Уважаемый доктор Симкоу!

Простите, что беспокою Вас этим письмом. Надеюсь, оно проскочит через ваш спам-фильтр. Понимаю, что после Вашего выступления по телевидению Вы, видимо, завалены подобными письмами, но мне просто необходимо было вам написать и рассказать, какое впечатление на меня произвело мое видение.

Мне восемнадцать лет, и я беременна. Срок небольшой — около двух месяцев. Я пока не говорила об этом ни своему парню, ни родителям. Думала, что нет ничего хуже, чем забеременеть: я еще школу не закончила, а мой парень только-только поступил в университет. Мы оба живем с родителями, и у нас нет денег. И я думала, что нам ни в коем случае нельзя сейчас заводить ребенка... В общем, я собиралась сделать аборт. Уже записалась к доктору.

А потом у меня было видение — и это было просто невероятно! Я увидела себя, Брэда (это мой парень) и нашу дочь, и мы были все вместе, в хорошем доме, через двадцать один год.

Моя дочка была уже взрослая, даже старше, чем я теперь. Такая красавица! И она рассказывала нам о том, что встречается с парнем из школы и хотела бы привести его к нам на ужин. Еще она говорила, что он нам обязательно понравится. Ну и мы, конечно, сказали ей, чтобы она его приводила. Ведь она наша дочь, и если для нее это так важно...

Извините, заболталась. Суть в том, что мое видение показало мне: все будет хорошо. Я отказалась от аборта, и мы с Брэдом уже подыскиваем жилье, чтобы жить вместе. А еще, к моему изумлению, мои родители не упали в обморок от этой новости и собираются помочь нам деньгами.

Я понимаю: многие люди будут говорить Вам, что видения разрушили их жизнь. Вот я и решила сказать Вам, что мою жизнь видение сделало намного лучше. На самом деле оно спасло жизнь той крошки, той маленькой девочки, которую я ношу в себе.

Спасибо Вам... за все.

Джин Элкотт

Доктор Симкоу,

наверное, Вам пишут многие, у кого были увлекательные видения. У меня — нет. В моем видении я увидел себя в том же самом доме, где живу сегодня. Я был совсем один, и в этом нет ничего необычного: дети у меня взрослые, а жена часто задерживается на работе. Нет, кое-что все-таки выглядело по-другому: мебель была немного переставлена, на стене появилась новая картина, но особо ничего не говорило о том, что это будущее.

И знаете что? Мне это нравится. Я счастливый человек, у меня хорошая

жизнь. И мысль о том, что еще пару десятков лет моя жизнь не слишком изменится, меня радует. Наверное, у многих из-за этих видений жизнь перевернулась вверх тормашками, но только не у меня. Я просто хотел, чтобы Вы это знали. С наилучшими пожеланиями,

Тони Ди Чиккио

СООБЩЕНИЯ НА САЙТ «ПРОЕКТ „МОЗАИКА“»

Бруклин, Нью-Йорк. Ну ладно, мне приснился американский флаг, ясно? И кажется, на нем было 52 звездочки: в одном ряду семь, в другом — шесть, потом опять семь, и опять шесть, и так далее. Всего 52. Ну вот я и думаю: 51-я звездочка — это, небось, Пуэрто-Рико? А вот насчет 52-й просто с ума схожу. Ломаю голову, ничего придумать не могу. Если кто-то знает, что это может быть за штат, черкните на e-mail...

* * *

Эдмонтон, Альберта. Я не очень умный. У меня синдром Дауна, но я добрый человек. В моем видении я с кем-то говорил и пользовался длинными словами — значит, я стал умным. Так хочется снова стать умным.

* * *

Индианаполис, Индиана. Пожалуйста, хватит посылать мне сообщения про то, что я стану президентом Соединенных Штатов в 2030 году. У меня скоро почтовый ящик треснет. Я и так знаю, что буду президентом. И когда приду к власти, издам указ и напущу налоговую на тех, кто мне еще раз скажет...

* * *

Исламабад, Пакистан (автоматический перевод с местного наречия). В моем видении у меня две руки, а сейчас только одна (я ветеран индо-пакистанской войны). В видении я не чувствовал, что у меня протез. Интересно бы услышать, не знает ли кто-то чего-нибудь насчет искусственных конечностей, как будет обстоять дело с этим через 21 год. Может, даже регенерацию придумают?

* * *

Чанжоу, Китай (автоматический перевод с китайского). Наверное, через 21 год меня не будет в живых, и это меня не удивляет, потому что я уже очень стар. Но меня интересуют любые сведения об успехах моих детей, внуков и правнуков. Их зовут...

* * *

Буэнос-Айрес, Аргентина. Почти у всех, с кем я говорила, во время Флэшфорварда оказался отпуск или выходной день. Но третья среда октября ни в одной стране Южной Америки не является выходным или праздничным днем. Вот я и думаю: может быть, к тому времени мы перейдем на четырехдневную рабочую

неделю и среды будут выходными? Лично я предпочла бы три выходных подряд. Кто-нибудь знает что-то насчет этого?

* * *

Окленд, Новая Зеландия. Я знаю четыре выигрышных числа в новозеландском суперлото за 19 октября 2030 года. В своем видении я купил билет и выиграл 200 долларов, зачеркнув эти четыре числа. Если кто знает другие выигрышные числа в этой лотерее, неплохо бы обменяться информацией.

* * *

Женева, Швейцария (напечатано на четырнадцати языках). Все, у кого есть любая информация об убийстве Теодосиоса (Тео) Прокопидеса, пожалуйста, сообщите по адресу...

14

День шестой. Воскресенье, 26 апреля 2009 года

Ллойд с Тео встретились за ланчем в большой столовой в центре управления БАК. За соседними столиками их коллеги физики с жаром обсуждали гипотезы Флэшфорварда и возможные объяснения причин возникновения этого явления. Так, была выдвинута многообещающая теория относительно возможного выхода из строя одного из квадрупольных магнитов, включенных за час до начала эксперимента. Однако было установлено, что магниты работали исправно. Забарахлила тестирующая аппаратура.

Ллойд расправлялся с салатом, а Тео — с кебабом, который он вчера собственноручно приготовил, а сегодня просто разогрел в микроволновке.

— Похоже, люди справляются с потрясением лучше, чем я думал, — заметил Ллойд.

Окна столовой выходили на внутренний двор, именуемый «ядром», на клумбах цвели весенние цветы.

— Столько смертей, такие ужасные разрушения. А люди уже отряхиваются от пыли, возвращаются к работе, живут дальше.

— Я сегодня утром слушал одного парня по радио, — сказал Тео. — Он говорил, что обращений к психотерапевтам оказалось значительно меньше, чем ожидалось. На самом деле после Флэшфорварда многие даже отменили визиты к докторам.

— Почему? — удивленно поднял брови Ллойд.

— Тот парень объяснил, что это из-за катарсиса, — улыбнулся Тео. — Старина Аристотель, скажу я тебе, точно знал, о чем говорил: дай людям шанс излить свои чувства — и после этого они станут более здоровыми. Ведь так много людей потеряли кого-то из близких во время Флэшфорварда, что излить тоску, с психологической точки зрения, было очень полезно. Этот человек, выступавший по радио, заявил, что нечто подобное произошло лет десять назад, когда погибла принцесса Диана. На протяжении нескольких месяцев после этого во всем мире снизилась частота обращений к психотерапевтам. Естественно, самый масштабный катарсис произошел в Англии, но после гибели Ди даже в Америке двадцать семь процентов населения испытали такое чувство, будто потеряли кого-то, с кем были лично знакомы. — И, немного помолчав, Тео продолжил: — Конечно, потерю супруга или ребенка так легко не переживешь... Но если умрет дядя? Троюродный брат? Любимый актер? Кто-то из коллег? Это все-таки легче.

— И если такое случилось почти у всех...

— Вот именно к этому он и клонил, — подхватил Тео. — Понимаешь, обычно, если

кто-то из твоих близких погибает от несчастного случая, твое сердце просто разрывается от горя, и, чтобы оправиться от шока, тебе нужно несколько месяцев или лет... И все вокруг тебя утешают, а от этого на душе становится еще тоскливее. «Время все лечит», — говорят они. Но если кто-то другой тоже переживает потерю, он не станет вгонять тебя в тоску, потому что некому будет тебя утешать. И у тебя не остается другого выбора, как взять себя в руки и вернуться к работе. Знаешь, это как с теми, кто пережил войну: любая война приносит людям горя больше, чем отдельная, личная трагедия, но после того как война заканчивается, люди просто продолжают жить. Все страдали одинаково, и нужно просто отгородиться от пережитого, забыть о нем и жить дальше. Вероятно, сейчас что-то подобное и происходит.

— Не думаю, что Митико когда-нибудь переживет потерю Тамико.

Вечером Митико должна была возвратиться из Японии.

— Нет-нет, конечно нет. Боль никогда не утихнет насовсем. Но Митико *будет* жить дальше. Что ей еще остается?! Выбора нет.

Тут к их столику с подносом подошел Франко делла Роббиа, пожилой бородатый физик.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Привет, Франко. Никаких возражений, — ответил Ллойд.

Тео подвинул свой стул вправо. Франко сел.

— Знаешь, а насчет Минковского ты ошибаешься, — сказал делла Роббиа Ллойд. — Видения не могут относиться к реальному будущему.

— А почему нет? — поинтересовался Ллойд, подцепив вилкой салат.

— Вот посмотри. Давай отталкиваться от твоего предположения. Через двадцать один год у меня будет связь между мной, будущим, и мной, прошлым, то есть я, прошлый, буду точно видеть, чем занимаюсь я, будущий. Однако я, будущий, могу не сразу по внешним признакам понять, что связь с прошлым образовалась. Правда, это не имеет значения, так как я буду с точностью до секунды представлять, когда эта связь начнется и когда закончится. Не знаю, что было в вашем видении, а в своем я оказался, наверное, в Сорренто. Сидел на балконе и любовался Неаполитанским заливом. Очень красиво, очень приятно, но это вовсе не то, чем я стал бы заниматься двадцать третьего октября две тысячи тридцатого года, если бы знал, что пребываю в контакте с собой, прошлым. Уж я скорее оказался бы где-нибудь в таком месте, где ничто не отвлекало бы внимания у меня, прошлого. Ну, скажем, в пустой комнате или хотя бы там, где можно было бы смотреть на пустую стену. И в тот день, ровно в девятнадцать часов двадцать одну минуту по Гринвичскому времени, я начал бы громко произносить сведения о тех фактах, которые, по моему мнению, крайне важно знать мне, прошлому. Ну, например: «Одиннадцатого марта две тысячи двенадцатого года осторожнее переходи виа Коломбо. Можешь оступиться и сломать ногу». Или: «В твоём времени акции концерна „Бертельсманн“ продаются по цене сорок два евро за штуку, а к две тысячи тридцатому году одна акция будет стоить шестьсот девяносто евро, поэтому купи сейчас побольше этих акций — обеспечишь себе безбедную старость». Или, допустим: «Вот победители Кубка мира за каждый год между твоим и моим временем». В общем, в таком духе. Я все это записал бы на бумаге и читал бы с листа, стараясь наговорить как можно больше информации в окошко, которое будет открыто только одну минуту и сорок три секунды. — Немного помолчав, итальянский физик добавил: — А поскольку никто не сообщил, что занимался в своем видении чем-то подобным, это означает одно: то, что мы видели, не может быть реальным будущим для той временной оси, на которой мы сейчас находимся.

— Возможно, некоторые люди этим и занимались, — нахмурился Ллойд. — На самом деле широкой общественности пока известно о содержании только крошечного процента миллиардов видений. Если я собирался бы дать себе подсказку насчет акций и при этом не знал бы, что будущее изменить невозможно, первое, что я сказал бы себе, прошлому, было бы: «Ни с кем не делись этой информацией». Вероятно, те, кто поступил именно так, как предполагаете вы, просто помалкивают об этом.

— Если бы видения были только у нескольких десятков людей, — возразил Франко, — это было бы вполне возможно. Но когда речь идет о миллиардах? Кто-нибудь непременно проболтался бы. На самом деле я твердо верю, что почти все попытались бы пообщаться с собой, прошлыми.

Ллойд посмотрел на Тео и перевел взгляд на итальянца.

— Они не стали бы этого делать, если бы понимали всю бесполезность этого. Если бы знали: ничто из сказанного ими никак не изменит того, что уже высечено на камне.

— Или, может быть, все просто забыли? — предположил Тео. — Может быть, между нашим временем и две тысячи тридцатым годом память о видениях сотрется. Ведь мы забываем наши сны. Сон еще помнится в первые мгновения после пробуждения, но через пару часов полностью забывается. Может быть, за двадцать один год забудутся и видения.

— Даже если бы все обстояло именно так — а нет никаких причин в это верить, — то все средства массовой информации, сообщающие о видениях, просуществовали бы до две тысячи тридцатого года, — решительно покачал головой делла Роббиа. — Все выпуски новостей, все статьи в газетах, все, что люди написали о себе в дневниках, в письмах друзьям. Психология — не моя область, и я не стану спорить о ненадежности памяти. Но люди будут знать, что произойдет двадцать третьего октября две тысячи тридцатого года, и многие предприняли бы попытки пообщаться с прошлым.

— Минутку! — вмешался Тео, взволнованно подняв брови. — Минуточку!

Ллойд и Франко удивленно на него посмотрели.

— Разве вы не видите? Это же закон Нивена!

— Кто такой Нивен? — поинтересовался делла Роббиа.

— Американский писатель-фантаст. Он говорил о том, что в любой Вселенной, где возможны путешествия во времени, машина времени никогда не будет изобретена. Он даже написал небольшой рассказ, чтобы проиллюстрировать эту мысль. Ученый строит машину времени и, закончив ее создание, смотрит на небо и видит, что Солнце превращается в сверхновую звезду: Вселенная собирается с ним покончить, ей вовсе не нужны те парадоксы, которые кроются в путешествиях во времени.

— Ну и? — спросил Ллойд.

— Ну и это значит, что общение с собой, прошлым, — это форма путешествий во времени. Отправка информации по временной оси назад. И Вселенная могла заблокировать действия людей, попытавшихся это сделать. Заблокировать не чем-то настолько грандиозным, как взрыв нашего Солнца, а просто помешать этому самому общению с прошлым. — Тео перевел взгляд с Ллойда на Франко. — Не понимаете? Вот, видимо, чем я пытался заниматься в две тысячи тридцатом году: пытался пообщаться с собой, прошлым, и это привело к тому, что у меня попросту не было никакого видения.

Ллойд постарался говорить как можно более мягко:

— Тео, но, судя по видениям других людей, тебя действительно не будет в живых в две тысячи тридцатом году.

Тео собрался было возразить, но передумал.

— Ты прав, — произнес он немного погодя. — Ты прав. Прошу прощения.

Ллойд кивнул. До этого момента он и не представлял, насколько тяжело на сердце у Тео. Ллойд перевел взгляд на итальянского физика:

— Ну хорошо, Франко. Если видения не относились к нашему будущему, к какому же будущему они тогда, по-твоему, относились?

— Они относились к альтернативной временной оси, конечно. Это абсолютно логично, учитывая ТММ — теорию множественности миров, если пользоваться понятиями квантовой физики. Так вот, эта теория утверждает, что любое событие может совершиться не только так и не только иначе, а обоими путями, и каждое из этих событий случится в разных Вселенных. А если точнее, видения рисуют Вселенную, отделившуюся от нашей Вселенной в момент эксперимента на БАК. Они показывают будущее в той Вселенной, где смещения во времени не произошло.

— Не может быть, чтобы ты до сих верил в ТММ, — покачал головой Ллойд. — Ее развенчала другая теория. Транзакционной интерпретации.³²

Стандартным аргументом в пользу теории множественности миров является мысленный эксперимент с кошкой Шрёдингера. Поместите кошку в герметичный ящик, где находится ампула с ядом, которая может вскрыться с вероятностью пятьдесят на пятьдесят в течение часа. Через час откройте ящик и посмотрите, жива ли кошка. Согласно копенгагенской интерпретации³³ — стандартной версии, применяющей принципы квантовой механики — до тех пор, пока никто не заглянет в ящик, кошка не будет ни жива ни мертва. Скорее, она будет находиться в обоих состояниях одновременно. Но как только в дело вступает наблюдатель и заглядывает в ящик, происходит коллапс волновой функции, и кошка вынуждена стать либо живой, либо мертвой. Кроме того, утверждают сторонники ТММ, в момент наблюдения Вселенная расщепляется. В одной Вселенной кошка мертва, а в другой — жива.

Джону Г. Крамеру — физику, часто работавшему в ЦЕРНе, но в основном в Университете штата Вашингтон в Сиэтле, — не нравился акцент на наблюдателе в копенгагенской интерпретации. В 1980 году он предложил альтернативное толкование: ТИ, то есть транзакционную интерпретацию. Начиная с девяностых годов ТИ стала приобретать все большую популярность среди физиков.

Представьте себе сидящую в запечатанном ящике несчастную кошку Шрёдингера. Затем представьте себе глаз наблюдателя, который час спустя смотрит на кошку. Согласно ТИ, кошка испускает реальную, физическую волну «предложения», и эта волна путешествует вперед, в будущее, и назад, в прошлое. Когда эта волна «предложения» достигает глаза наблюдателя, глаз испускает волну «согласия», и эта волна путешествует назад, в прошлое, и вперед, в будущее. Волны «предложения» и «согласия» перекрывают путь друг другу повсюду во Вселенной, за исключением прямой линии между кошкой и глазом наблюдателя. На этой линии они усиливают одна другую и продуцируют транзакцию. Поскольку кошка и глаз общались во времени, неопределенность отсутствует и нет необходимости в коллапсе волновых фронтов: кошка существует внутри ящика именно в том виде, в котором ее впоследствии увидит наблюдатель. Нет и расщепления Вселенной надвое. Поскольку транзакция покрывает весь соответствующий период, нет никакой необходимости в разветвлении миров: глаз видит кошку такой, какой она была всегда, — либо живой, либо мертвой.

— Тебе, конечно, милее ТИ, — заметил делла Роббиа. — Эта теория развенчивает понятие свободы воли. Любой испущенный фотон знает, что именно его впоследствии поглотит.

— Безусловно, — кивнул Ллойд, — я признаю, что в теории ТИ слишком большой упор делается на блокирование волн Вселенной. Но на самом деле именно ваша теория множественности миров полностью исключает свободу воли.

— Как вы можете такое говорить?! — всплеснул руками итальянец.

— Между множественными мирами не существует иерархии, — произнес Ллойд. — Допустим, я иду, иду — и подхожу к развилке. Могу пойти направо, могу — налево. Какую дорогу мне выбрать?

³² Транзакционная интерпретация (ТИ) описывает квантовое событие как обмен опережающей и запаздывающей волн. ТИ релятивистски инвариантна и причинна. Первая работа о ТИ опубликована Джоном Крамером в 1986 году в журнале «Reviews of Modern Physics». (Прим. ред.)

³³ Копенгагенская интерпретация — толкование квантовой механики, сформулированное Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом во время совместной работы в Копенгагене около 1927 года. Бор и Гейзенберг усовершенствовали вероятностную интерпретацию волновой функции и попытались ответить на вопросы, возникающие из-за свойственного квантовой механике корпускулярно-волнового дуализма, в частности на вопрос об измерении. (Прим. ред.)

— Какую хочешь! — воскликнул делла Роббиа. — Свобода воли!

— Чепуха, — отрезал Ллойд. — Согласно ТММ, я выберу ту дорогу, которую не выберет другая версия меня. Если он пойдет направо, я буду вынужден пойти налево; если направо пойду я, налево придется пойти ему. И только глупость и наглость могут заставить кого-то решить, что в этой Вселенной во все времена учитывается только мой выбор и что иной выбор — это всегда всего лишь альтернатива, обязанная отразиться в другой Вселенной. Интерпретация множественности миров создает иллюзию выбора, но на самом деле полностью детерминистична.

Делла Роббиа бросил взгляд в сторону Тео и протянул к нему руки, как бы взывая к здравому смыслу.

— Но ТИ зависит от волн, которые передвигаются во времени назад!

— Франко, полагаю, сейчас мы самым наглядным образом показали реальность информации, передвигающейся во времени назад, — тихо возразил Тео. — Кроме того, на самом деле Крамер говорил о том, что транзакции происходят вне времени.

— И к тому же, Франко, — добавил Ллойд, радуясь, что у него появился союзник, — твоя версия Флэшфорварда как раз-таки требует путешествия во времени.

— Что? Как? Видения просто рисуют параллельную Вселенную, — возмутился делла Роббиа.

— Согласно ТММ, любые параллельные Вселенные, какие только могут существовать, наверняка идут нога в ногу с нашей в плане времени: если бы ты мог заглянуть в параллельную Вселенную, то увидел бы там сегодняшний день — двадцать шестое апреля две тысячи девятого года. На самом деле все расчеты в квантовой физике основаны именно на том, что параллельные Вселенные одновременны с нашей. Ну да, конечно, если бы у тебя была возможность заглянуть в параллельную Вселенную, ты мог бы там увидеть мир, в котором ты сидишь за столиком не со мной и с Тео, а с Майклом Берром — вон там, но все равно это происходило бы сейчас. А ты предполагаешь не просто взгляд в будущее, а контакт с параллельными Вселенными. Довольно сложно принять одну из этих идей, не приняв другую, и...

Тут к столику подошел Джейк Горовиц.

— Извините, что помешал, — сказал он, — но вам звонят, Тео. Говорят, это по поводу вашего сообщения на сайте «Мозаика».

Тео вскочил, не доев кебаб.

— Третья линия, — бросил Джейк и пошел следом за Тео.

Рядом со столовой находился пустой офис. Тео вбежал туда. На дисплее телефона значилось: «Вне зоны». Тео снял трубку.

— Алло? Тео Прокопидес слушает.

— Господи, — произнес по-английски мужской голос. — Дикость какая... Говорить с человеком, зная, что его убьют.

Тео даже слегка растерялся.

— У вас есть какая-то информация о моем убийстве?

— Да, пожалуй, что так. В своем видении я кое-что читал об этом.

— И что там было написано?

Мужчина вкратце пересказал то, что прочел. Новых фактов не оказалось.

— Там упоминались мои близкие? — спросил Тео.

— То есть? Это же была не авиакатастрофа.

— Нет-нет. Было ли там сказано что-нибудь о тех, кто меня оплакивает? О жене, о детях?

— О, да, да... Сейчас попытаюсь вспомнить...

«Сейчас попытаюсь вспомнить». Будущее Тео представляло собой случайность. На самом деле всем было плевать. Это было неважно и нереально. Просто какой-то парень, о котором они прочитали в газете.

— Да, — отозвался мужчина. — У вас останутся жена и сын.

— В газете были названы их имена?
 Мужчина выдохнул в трубку. Задумался.
 — Сына звали... кажется, Константин.
 Константин. Так звали отца Тео. Правильно: он всегда хотел назвать будущего сына в честь отца.
 — А мать мальчика? Моя жена?
 — Простите. Не помню.
 — Прошу вас, постарайтесь.
 — Нет, простите. Никак не вспомнить.
 — Вы могли бы подвергнуться гипнозу...
 — С ума сошли?! С какой стати? И не подумаю. Слушайте, я позвонил, чтобы вам помочь. Хотел доброе дело сделать. Но я не соглашусь ни на какой гипноз. Еще, не дай бог, наркотиками меня накачают. Нет уж, увольте.
 — Но моя жена... моя вдова... Мне нужно узнать, кто она.
 — Зачем? Я вот, к примеру, понятия не имею, на ком женюсь через двадцать один год. Зачем вам это знать?
 — Она могла бы дать ключ к разгадке, почему меня убьют.
 — Ну, это возможно. Наверное. Но больше я вам помочь ничем не в силах.
 — Но вы же видели ее имя в газете! Вы знаете ее имя!
 — Я уже сказал: не помню. Извините. Мне очень жаль.
 — Пожалуйста! Я заплачу.
 — Я вам серьезно говорю: не помню. Но знаете что: если вдруг вспомню, то обязательно вам позвоню. А сейчас — извините, это все, что я могу сказать.
 Тео заставил себя сдержаться. Он стиснул зубы и печально покачал головой.
 — Хорошо. Спасибо вам. Простите, не подскажете, как вас зовут? Я хочу записать.
 — Извините. Я уже сказал: если что-то еще вспомню, обязательно позвоню.
 Голос в трубке умолк.

15

В тот вечер Митико вернулась из Токио. Она не то чтобы успокоилась, но, по крайней мере, не разрывалась от горя.

Ллойд, до конца рабочего дня занимавшийся новой серией компьютерных моделей эксперимента, встретил Митико в женевском аэропорту. Они проехали десяток километров до его квартиры в Сен-Жени, а потом...

... а потом они бросились друг другу в объятия. Секса у них не было пять дней, со времени Флэшфорварда. Вечерело. Лампы в комнате были выключены, но сквозь щели в ставнях проникало достаточно света с улицы. Ллойд всегда был более страстным, но Митико умела подстроиться под него. Возможно, в постели он вел себя чуть грубовато, слишком «по-западному», но со временем Митико привыкла, а он всегда старался быть нежным любовником. Но сегодня все получилось как-то «дежурно». Банальная поза, ничего интересного. Обычно к концу любовного акта простыни были мокрыми от пота, а сегодня остались почти сухими, даже не соскользнули с кровати.

Ллойд лег на спину, вперившись в потолок. Митико лежала рядом, положив бледную руку на его обнаженную волосатую грудь. Они долго молчали. Каждый был занят своими мыслями.

Наконец Митико нарушила молчание:

— Я видела тебя по Си-эн-эн, когда была в Токио. Ты и вправду веришь, что у нас нет свободы воли?

Ллойда удивил ее вопрос.

— Ну, — подумав, начал он, — мы считаем, что свобода воли у нас есть, что, полагаю, ничего не меняет. Но неизбежность является константой во всех религиях. Вспомни Тайную

вечерю. Иисус сказал Петру — Петру, о котором Он говорил, что Петр — камень, на котором Он воздвигнет Свою Церковь... Так вот: Иисус сказал Петру, что тот трижды отречется от него. Петр стал горячо возражать. Он говорил, что этого никогда не случится, но в итоге, естественно, трижды отрекся. А Иуда Искарот — я, кстати, всегда считал его трагической фигурой — был обречен на то, чтобы сдать Христа властям, хотел он того или нет. Понятия вынужденной роли, неизбежности судьбы намного древнее, чем понятие свободы воли. — Пауза. — Да, я действительно верю в то, что будущее настолько же фиксировано, настолько же определено, как и прошлое. И Флэшфорвард это наглядно доказывает. Если бы будущее не было фиксировано, как могли у всех на Земле возникнуть осмысленные видения будущего? Разве тогда видения не были бы в корне различными — или разве не было бы такой возможности, чтобы ни у кого вообще не возникало никаких видений?

— Не знаю. Не уверена. То есть... Какой смысл жить дальше, если все уже предопределено? — нахмурилась Митико.

— А Какой смысл читать роман, финал которого уже написан?

Митико стала покусывать нижнюю губу.

— Понятие блоковой Вселенной³⁴ — единственное, имеющее смысл в релятивистской Вселенной, — сказал Ллойд. — На самом деле это просто более широкая трактовка относительности. Релятивистская теория утверждает, что ни одна точка в пространстве не важнее любой другой; не существует фиксированной шкалы, по которой можно соразмерять другие позиции. Ну а согласно теории блоковой Вселенной, ни одно время не может быть важнее любого другого. Понятие «сейчас» — полная иллюзия, и если нет такой вещи, как универсальное «сейчас», если будущее уже написано, то и свобода воли — тоже явно чистая иллюзия.

— Я не так в этом уверена, как ты, — отозвалась Митико. — Мне кажется, что у меня есть свобода воли.

— Даже после всего? — спросил Ллойд, чуть более резко, чем следовало. — Даже после Флэшфорварда?

— Есть другие объяснения осмысленной версии будущего, — сказала Митико.

— Да? Какие, например?

— Например, такое: это есть единственно возможное будущее. Вот так легли карты. Если бы Флэшфорвард пришлось воспроизвести, мы могли бы увидеть совершенно иное будущее.

Ллойд покачал головой, даже волосы зашуршали о подушку.

— Нет, — отрезал он. — Нет. Есть только одно будущее, как есть только одно прошлое. Все остальные интерпретации лишены смысла.

— Но жить без свободы воли...

— Ведь все именно так, верно? — хмыкнул Ллойд. — Нет свободы воли. Нет выбора.

— Но...

— И «но» тоже нет.

Митико притихла. Ллойд тяжело дышал. Наверняка она чувствовала, как взволнованно бьется его сердце. Они долго молчали, а потом Митико попыталась продолжить спор.

— А... — начала она.

Ллойд поднял брови. Митико не видела его лица, но, похоже, почувствовала движение мышц.

— Я поняла, — заявила она.

— Что поняла? — не скрывая раздражения, спросил Ллойд.

— Я поняла, почему ты так заиклен на неизменном будущем. Почему веришь, что

³⁴ Американские физики считают, что наша Вселенная не непрерывна, а состоит из отдельных блово-кирпичиков. (Прим. ред.)

такой вещи, как свобода воли, не существует.

— И почему же?

— Из-за того, что произошло. Из-за того, что столько народу погибло и так много людей теперь страдает. — Она сделала паузу, ожидая, что он ответится. Но он молчал, и она продолжала: — Если свобода воли существует, то тебе пришлось бы винить в случившемся себя. Тебе пришлось бы взять на себя ответственность. Вся эта кровь была бы на твоих руках. Но если свободы воли нет, то это не твоя вина. Что бы ни было в будущем — оно уже есть. Ты нажал на кнопку, эксперимент начался, потому что ты всегда нажимал на эту кнопку и всегда будешь на нее нажимать. Этот момент так же заморожен во времени, как и любой другой.

Ллойд ничего не ответил. Говорить было нечего. Конечно, она была права. Он вдруг почувствовал, что краснеет.

Неужели он был настолько мелок? Неужели он отстаивал свою точку зрения только от отчаяния?

Никакая физическая теория не могла предсказать Флэшфорвард. И Ллойд не был врачом, не сумевшим предвидеть побочную реакцию на лекарство. Случившееся не стало «врачебной ошибкой» физиков. Никто — ни Ньютон, ни Эйнштейн, ни Хокинг — не смог бы спрогнозировать такой исход эксперимента на БАК.

Он не сделал ничего дурного.

Ничего.

И хотя...

... и хотя он отдал бы все на свете, чтобы изменить то, что случилось. Все на свете.

И он знал, что если хотя бы на секунду допустит мысль о том, что все можно было изменить, что все могло пойти по-другому, что он мог не допустить всех этих аварий и автокатастроф, всех прерванных хирургических операций, падений с лестниц, мог бы предотвратить гибель маленькой Тамико, тогда ему не пришлось бы до конца жизни нести груз вины за случившееся. Минковский избавлял его от этого.

И он нуждался в этом избавлении. Нуждался, если хотел, чтобы светящаяся линия его жизни продолжала свой путь внутри куба, не кидаясь из стороны в сторону.

Те, кто хотел верить, что видения не отражают реального будущего, надеялись на то, что сравнение всех видений может выявить их недостоверность. Так, в видении одного человека президентом Соединенных Штатов окажется демократ, а в видении другого — Овальный кабинет займет республиканец. В одном видении повсюду будут летающие машины, а в другом — весь личный автотранспорт будет запрещен в пользу общественного. В одном, возможно, на Землю с визитом придут инопланетяне, а в другом — мы сами обнаружим, что не одиноки во Вселенной.

Однако созданный Митико сайт «Проект „Мозаика“» имел колоссальный успех. Более ста тысяч человек ежедневно отправляли туда сообщения, и таким образом постепенно вырисовывался осмысленный, достоверный, осязаемый портрет 2030 года, и сообщение о каждом видении становилось частичкой единого целого.

В 2017 году Елизавета II, королева Англии, Шотландии, Северной Ирландии, Канады, Багамских островов и много еще чего скончалась на девяносто втором году жизни. Чарльз, ее сын, которому к этому времени исполнилось шестьдесят девять, лишился рассудка. Советники, на счастье, уговорили его отказаться от престола. Уильям, старший сын Чарльза и ближайший наследник, поверг весь мир в шок, отрекшись от трона. В итоге британский парламент объявил о ликвидации монархии.

Квебек остался неотъемлемой частью Канады: сепаратисты остались в крошечном, но по-прежнему горластом меньшинстве.

В 2019 году в ЮАР наконец завершились судебные процессы о преступлениях против человечества во времена апартеида, в ходе которых были осуждены более пяти тысяч человек. Восьмидесятивосьмилетний президент Десмонд Туту всех помиловал. Он заявил,

что это не просто акт христианского милосердия, а желание окончательно закрыть этот этап в жизни страны.

Нога человека пока так и не ступила на поверхность Марса. В первые дни кое-кто сообщал о видениях, в которых об этом говорилось, но затем выяснилось, что речь шла всего лишь о диснейлендовских имитациях, созданных с помощью виртуальной реальности.

Президентом Соединенных Штатов стал мужчина афроамериканец, но в период между 2009 и 2030 годом одним из президентов, по всей видимости, была женщина. А вот католическая церковь действительно начала возводить женщин в духовный сан.

Коммунистический режим на Кубе прекратил существование. Китай стал последним оплотом коммунизма, и к 2030 году народ там по-прежнему держали в ежовых рукавицах. Население Китая составило почти два миллиарда.

Озоновый слой стал значительно тоньше, а потому люди носили головные уборы и солнечные очки даже в пасмурные дни.

Автомобили не могли летать, но могли левитировать на высоте примерно два метра от земли. С одной стороны, в большинстве стран были полностью свернуты дорожные работы. Автомобили перестали нуждаться в гладком и прочном дорожном покрытии; кое-где вообще шоссе заменили газонами. С другой стороны, дорожное покрытие перестало так быстро изнашиваться, поэтому те автотрассы, которые не стали превращать в газоны, не требовали особого ухода.

Второго пришествия Христа пока не произошло.

Мечта об искусственном интеллекте все еще оставалась неосуществленной. Хотя говорящие компьютеры использовались уже повсеместно, ни один из них не был наделен хоть толикой сознания.

Число жизнеспособных сперматозоидов в мужской сперме продолжало резко сокращаться, а потому в развитых странах стало широко применяться искусственное оплодотворение. В Канаде, странах Евросоюза и даже в Соединенных Штатах для решения этой проблемы были разработаны социальные медицинские программы. В странах третьего мира рождаемость впервые начала падать.

6 августа 2030 года в Хиросиме состоялась церемония, посвященная 85-й годовщине падения на этот город атомной бомбы. На церемонии было объявлено о запрете на разработку атомного оружия во всем мире.

Несмотря на запрет на ловлю кашалотов, они вымерли к 2030 году. Так, в 2022 году более сотни китов совершили самоубийство, выбросившись на берег по всему миру. Причину этого явления так и не удалось установить.

В ознаменование победы здравого смысла во всем мире четырнадцать крупнейших газет Северной Америки одновременно согласились прекратить публикацию гороскопов, объявив, что помещение такой чепухи на страницах уважающих себя изданий противоречит их фундаментальной цели распространения правды.

Лекарство от СПИДа было создано в 2014 или 2015 году. По оценкам, от этой чумы двадцатого века погибло семьдесят пять миллионов человек. Для сравнения, ранее за семьсот лет Черная Смерть унесла такое же число жизней. Надежное лекарство от рака так и не было создано, но зато врачи научились диагностировать и корректировать многие формы диабета еще до рождения ребенка, прямо в утробе матери.

Нанотехнологии по-прежнему не работали.

Джордж Лукас все еще не закончил состоящую из девяти частей эпопею «Звездные войны».

В Соединенных Штатах и Канаде курение теперь было запрещено во всех общественных местах, в том числе и под открытым небом. Коалиция стран третьего мира подала в Международный суд в Гааге иск против США, обвинив эту страну в преднамеренном распространении табакокурения в развивающихся странах.

Билл Гейтс лишился своего состояния. Акции «Майкрософта» резко упали в цене, так как в 2027 году произошел кризис, подобный кризису 2000 года. Прежние,

тридцатидвухбитные версии программного обеспечения «Майкрософт» безнадежно устарели. Попытки руководства компании выбросить акции на рынок привели только к тому, что цена акций еще больше снизилась. В 2029 году компания объявила о банкротстве.

Средний доход в Соединенных Штатах составил около ста пятидесяти семи тысяч долларов в год. Хлеб стоил четыре доллара.

Самым популярным фильмом всех времен был признан ремейк «Войны миров» 2026 года.

Все студенты МВА Гарвардской бизнес-школы в обязательном порядке изучали японский язык.

Самыми модными цветами в 2030 году стали бледно-желтый и темно-оранжевый. Женщины начали снова носить длинные распущенные волосы.

Носорогов стали разводить на фермах специально ради их рогов, которые по-прежнему высоко ценились в странах Востока. Уничтожение этим животным больше не грозило.

В Заире убийство гориллы стало считаться уголовным преступлением.

Дональд Трамп занялся строительством пирамиды в невадской пустыне, дабы там были погребены его останки. Эта пирамида будет на десять метров выше Великой пирамиды в Гизе.

Мировой чемпионат по бейсболу в 2029 году выиграет компания «Гонолульские вулканы».

Острова Теркс и Кайкос в 2023 и 2024 годах соответственно войдут в состав Канады.

После того как с помощью результатов исследования ДНК было неопровержимо доказано, что сто человек, приговоренных к смертной казни, оказались невиновными, смертная казнь в США была отменена.

В войне кол победила «Пепси».

Произойдет еще один крупный биржевой кризис. Те, кому известно, в каком году это случится, по всей видимости, держат эту информацию при себе.

В Соединенных Штатах наконец будет принята метрическая система единиц.

Индия основала первую постоянную базу на Луне.

Идет война между Гватемалой и Эквадором.

Население Земли в 2030 году составит одиннадцать миллиардов; четыре миллиарда человек родились после 2009 года, а потому у них не могло быть видений.

Митико и Ллойд ужинали дома у Ллойда. Ллойд приготовил раклетт — вареный картофель, залитый расплавленным сыром, — традиционное швейцарское блюдо, которое он очень любил. К раклетту была куплена бутылка вина «Блаубургундер». Ллойд не был особым выпивохой, но в Европе вино лилось рекой, а в его возрасте бокал-другой вина в день полезен для сердца.

— Мы ведь никогда не узнаем наверняка. Правда? — спросила Митико, съев небольшой кусочек картофеля. — Никогда не узнаем, кто та женщина, с которой ты себя увидел, и кто отец моего ребенка.

— О нет, узнаем, — возразил Ллойд. — По всей вероятности, ты узнаешь, кто отец, лет через тринадцать-четырнадцать, прежде чем родится ребенок. А я узнаю, кто эта женщина, когда наконец встречу ее. Я ее обязательно узнаю, даже если она будет намного моложе, чем в моем видении.

Митико кивнула, словно это было и так ясно.

— Я хотела сказать, что мы не познакомимся с этими людьми до нашей свадьбы, — прошептала она.

— Нет, — ответил Ллойд. — Не познакомимся.

— И что ты намерен делать? — вздохнула Митико.

Ллойд оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на Митико. Ее губы были плотно сжаты. Возможно, она пыталась скрыть, что они дрожат. На ее пальце блестело кольцо, подаренное Ллойдом в день помолвки. Конечно, он хотел бы подарить ей кольцо подороже, но и это

стоило больше, чем он мог себе позволить.

— Это несправедливо, — нахмурился Ллойд. — То есть... Господи, даже Элизабет Тейлор, наверное, произносила слова «пока смерть не разлучит нас» всякий раз, когда выходила замуж. Никто не должен заключать брак, зная, что он обречен распасться.

Он догадывался, что Митико смотрит на него, ловит его взгляд.

— Значит, таково твое решение? — спросила Митико. — Ты хочешь расторгнуть помолвку.

— Я люблю тебя, — сказал Ллойд. — Ты это знаешь.

— Так в чем же дело?

В чем было дело? В разводе, который так пугал его, или в том, что развод окажется таким же мучительным, как у его родителей? Кто бы мог подумать, что раздел совместно нажитого имущества превратится в откровенную войну со злобными нападками с обеих сторон? Кто бы мог подумать, что два человека, экономивших и откладывавших деньги, чем-то жертвовавших год за годом, чтобы в знак любви купить друг другу дорогие подарки на Рождество, потом будут использовать юридические когти, чтобы выцарапать эти подарки друг у друга? Кто бы мог подумать, что эти супруги, так изысканно давшие имена своим детям (ведь «Ллойд» и «Долли» были анаграммой), потом станут пользоваться этими детьми как пешками, как оружием в своей войне?

— Прости, милая, — вздохнул Ллойд. — У меня сердце рвется на части, но я сам не знаю, чего хочу.

— Твои родители давным-давно заказали билеты, чтобы прилететь в Женеву, — сказала Митико. — И моя мать тоже. — Если свадьбы не будет, мы должны сообщить об этом людям. Ты должен принять решение.

«Она не понимает», — подумал Ллойд.

Она не понимала, что его решение уже принято; как бы он ни поступил, это уже на веки вечные высечено на камне в блоковой Вселенной. Дело было не в том, что ему *следовало* принять решение. Скорее то решение, которое всегда было принятым, ему следовало озвучить.

Поэтому...

16

Для Тео пришла пора отправляться домой. Не в женевскую квартиру, которую он называл домом последние два года, а домой, в Афины. К своим корням.

Кроме того, честно говоря, для него было бы разумнее какое-то время держаться подальше от Митико, так как ему то и дело лезли в голову безумные мысли о ней.

Тео не думал, что к его грядущей смерти может быть причастен кто-то из родственников. Хотя, как только он начал читать о таких вещах, то сразу понял, что это не такая уж редкость — с тех самых пор, как Каин убил Авеля. Ливия отравила Августа, О. Дж.³⁵ убил свою жену, а американскую астронавтку арестовали прямо на международной космической станции за убийство собственной сестры.³⁶

Но нет, никого из своих родственников Тео не подозревал. И все же если уж какие-то видения и могли пролить свет на обстоятельства его гибели, то наверняка это должны были быть видения его близких родственников. И наверняка через двадцать один год некоторые из них начали бы собственное расследование, пытаясь выяснить, кто убил их дорогого Тео.

Тео купил билет до Афин на рейс авиакомпании «Олимпик эрлайнз». Распроджи

³⁵ Имеется в виду О. Дж. Симпсон — звезда американского футбола и киноактер, которого в 1994 году обвинили в убийстве жены и ее любовника, но позже оправдали из-за недостатка улик. (Прим. перев.)

³⁶ Это вымышленная история. (Прим. перев.)

дешевых билетов закончились. Люди, как прежде, снова летали самолетами, поскольку их заверили в том, что перенос сознания во времени больше не повторится. Время в полете Тео посвятил поиску огрехов в модели Флэшфорварда, которую ему прислали по электронной почте сотрудники Германского электрон-синхротрона, еще одного крупного европейского ускорителя элементарных частиц.

Тео не был дома уже четыре года и очень жалел об этом. Господи, он может погибнуть через двадцать один год — и одну пятую этого срока он не обнимал мать, не пробовал ее стряпню, не виделся с братом, не наслаждался невероятными красотами родного края. Да, от видов Альп захватывало дух, но было в них что-то стерильное, холодное. А в Афинах только посмотри вверх — и ты увидишь возвышающийся над городом Акрополь и озаренный полуденным солнцем отреставрированный мраморный Парфенон. Тысячелетия цивилизации, столетия философии, культуры, искусства.

Конечно, в юности Тео посетил многие знаменитые местные достопримечательности. Он хорошо помнил, как, когда ему было семнадцать, их класс отправился на школьном автобусе на экскурсию в Дельфы, где находился древний оракул. Шел проливной дождь, и Тео не хотелось выходить из автобуса. Но его учительница, госпожа Мегас, уговорила его. Они поднимались по скользким темным камням, шли через густой лес и наконец добрались до того места, где когда-то находился оракул, предсказывавший загадочные картины будущего.

«Да, уж лучше такой оракул, — подумал Тео. — Он предсказывал бы будущее, о котором можно было бы спорить, по-разному толковать. А сейчас — только холодная и суровая реальность».

А еще они ездили к Эпидaurusу, огромной чаше посреди холмов, с концентрическими кругами рядов. Там они смотрели постановку пьесы «Oedipus Tyrannos».³⁷ Тео не понравилось, что туристы называют эту пьесу «Oedipus Rex».³⁸ «Rex» было латинским словом, не греческим, и в результате название пьесы упрощалось, теряло выразительность.

Пьеса шла на древнегреческом языке. Для Тео этот язык был не понятнее китайского, но саму историю они изучали в школе, поэтому он понимал, что происходит на сцене. Будущее Эдипа было предначертано: ему предстояло убить отца и жениться на собственной матери. А еще Эдип, как и сам Тео, думал, что сумеет перехитрить судьбу. Он полагал, что, вооруженный знанием своей судьбы, попросту избежит ее и проживет долгую, счастливую жизнь со своей царицей Иокастой.

Вот только...

...вот только, как выяснилось, именно Иокаста и была его матерью, а человек, которого Эдип убил несколько лет назад в драке по дороге в Фивы, на самом деле оказался его отцом.

Софокл написал свою версию предания об Эдипе две тысячи четыреста лет назад, но студенты до сих пор изучали его творение как величайший пример драмы на тему иронии судьбы в западной литературе. И что могло быть ироничнее того, что современный грек столкнулся с дилеммой древних: с предсказанным будущим, трагическим финалом, неизбежностью судьбы. Конечно, герои древнегреческих трагедий всегда совершали *hamartia* — фатальную ошибку, и эта ошибка делала их гибель неизбежной. У некоторых *hamartia* была очевидной: алчность, похоть, неспособность исполнить закон.

Но в чем состояла фатальная ошибка Эдипа? Какие черты его характера привели его к гибели?

На уроках в школе они долго это обсуждали. Форма повествования в древнегреческих трагедиях всегда была жесткой, нерушимой: непременно должна была присутствовать *hamartia*.

³⁷ «Тиран Эдип». (Прим. перев.)

³⁸ «Царь Эдип». (Прим. перев.)

И фатальной ошибкой Эдипа было... что?

Не алчность, не глупость, не трусость.

Нет, нет, уж если что и было, так это его дерзость, его вера в то, что он способен противостоять воле богов.

Но такой довод всегда казался Тео порочным. Он всегда предпочитал логическое мышление, а не гуманитарное. И он считал, что дерзость Эдипа выражалась только в том, что он пытался избежать своей судьбы. Не будь его судьба так сурова, он никогда не взбунтовался бы против нее и тогда никто не считал бы его дерзким.

Но учительница говорила: «Нет, Эдип то и дело проявлял дерзость по ходу пьесы. Взять хотя бы одно то, что он бросил старика отца умирать на дороге — пусть даже и не зная, что это его отец».

Но Тео упорно не желал видеть в таких мелочах дерзость и высокомерие. Для него Эдип, разгадавший хитрую загадку сфинкса, был мощным интеллектуалом, великим мыслителем — именно таким, каким хотел стать сам Тео.

Загадка сфинкса: кто ходит утром на четырех ногах, в полдень — на двух, а вечером — на трех? Ну конечно, это человек, который в начале жизни ползает, став взрослым, ходит прямо, а в старости опирается на трость при ходьбе. Как тонко размышлял Эдип!

Но Тео уже не понадобится третья нога, он не увидит заката собственной жизни. Он будет убит в расцвете лет... как настоящий отец Эдипа, царь Лай, брошенный умирать на обочине торной дороги.

Если, конечно, ему не удастся изменить будущее, перехитрить богов и избежать своей судьбы.

«Дерзость? — подумал Тео. — Дерзость? Просто смешно».

Самолет начал снижаться над ночными Афинами.

— Твои родители давным-давно заказали билеты, чтобы прилететь в Женеву, и моя мать поступила так же, — сказала Митико. — Если свадьбы не будет, мы должны сообщить об этом людям. Ты должен принять решение.

— А чего хочешь ты? — спросил Ллойд, решив потянуть время.

— Чего хочу я? — переспросила Митико, явно обескураженная его вопросом. — Я хочу выйти замуж. Я не верю в будущее, которое невозможно изменить. Видения могут сбыться, только если ты поможешь им сбыться, если превратишь их в самоисполняющиеся пророчества.

Мяч снова оказался на его стороне площадки. Ллойд пожал плечами.

— Прости, милая. Мне ужасно жаль, но...

— Послушай, — оборвала его Митико, отсекая слова, которые не желала слышать. — Я знаю, твои родители совершили ошибку. Но мы не совершаем никакой ошибки.

— Видения...

— *Не совершаем*, — решительно повторила Митико. — Мы подходим друг другу. Мы созданы друг для друга.

Ллойд какое-то время молчал, а потом тихо произнес:

— Ты сказала, что я, возможно, слишком рано ухватился за мысль о том, что будущее изменить невозможно. Но это не так. Я не ищу способа избавиться от чувства вины — и, уж конечно, не ищу способа не жениться на тебе, дорогая. Но реальность видений — единственно возможный вывод, основанный на той физике, которую я знаю. Математические выкладки невразумительны, тут я с тобой согласен, но тем не менее в поддержку интерпретации Минковского существует прекрасная теоретическая база.

— Через двадцать один год физика может измениться, — возразила Митико. — Скажем, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году верили в то, что сейчас полностью опровергнуто. Новая парадигма, новая модель точно так же смогут опровергнуть идеи Минковского и даже Эйнштейна.

Ллойд не нашелся что ответить.

— А ведь это может произойти, — закончила свою мысль Митико.

Ллойд постарался говорить как можно мягче:

— Мне нужно... Мне нужно нечто большее, чем твое страстное желание. Мне нужно рациональное объяснение, прочная теория, с помощью которой можно было бы понять, почему видения являются чем-то иным, а не единственно возможным зафиксированным будущим. — Немного помолчав, он добавил: — Не тем будущим, в котором нам не суждено быть вместе.

Митико дрогнувшим от отчаяния голосом выдохнула:

— Ну хорошо, ладно. Возможно, видения отражают реальное будущее — но не две тысячи тридцатый год.

Ллойд понимал, что не стоит упорствовать, что Митико больно об этом говорить. Черт побери! Но ему тоже было больно! Тем не менее она должна была смотреть правде в глаза.

— Судя по газетам, это именно две тысячи тридцатый.

— Нет-нет, вовсе нет! — горячо возразила Митико. — Видения могут относиться к гораздо более далекому времени в будущем.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаешь, кто такой Фрэнк Типлер?³⁹

Ллойд нахмурил брови.

— Пьяница?⁴⁰

— Что? А, поняла. Нет, фамилия этого Типлера пишется с одним «п». Он автор книги «Физика бессмертия, Бог и воскрешение из мертвых».

— Физика... чего? — удивленно поднял брови Ллойд.

— Бессмертия. Вечной жизни. Разве ты не об этом всегда мечтал? Все время на свете — твое, и ты успеешь сделать все, что пожелаешь. Так вот: Типлер говорил, что в Точке Омега — конце света — мы все воскреснем и будем жить вечно.

— Что за ерунда?

— Признаю, звучит глупо, — ответила Митико. — И все же у него получается весьма достоверно.

— Неужели? — произнес Ллойд с нескрываемым скептицизмом.

— Он утверждает, что биологическую жизнь со временем заменит компьютеризированная жизнь и что способности обработки информации год за годом будут расширяться — до тех пор, пока к какому-то моменту в далеком будущем не останется ни одной проблемы для компьютерных расчетов. Не останется ничего такого, чего бы будущая машинная жизнь не смогла бы рассчитать.

— Ну-ну.

— А теперь представь себе точное, специфическое описание каждого атома человеческого тела: какого он типа, где расположен, какие у него отношения с другими атомами в организме. Если бы ты это знал, то мог бы воскресить человека во всей его целостности, создать точную копию, вплоть до уникальных воспоминаний, хранящихся в головном мозге, до точной последовательности нуклеотидов,⁴¹ составляющих его ДНК. Типлер говорит о том, что в далеком будущем достаточно совершенный компьютер сможет без труда тебя сотворить, просто создав имитацию, носящую ту же самую информацию: те же самые атомы, расположенные в тех же самых местах.

³⁹ Фрэнк Типлер — современный американский физик, специалист в области космологии и астрофизики. (Прим. перев.)

⁴⁰ Здесь игра слов: tippler по-английски пьяница. (Прим. перев.)

⁴¹ Нуклеотиды — составная часть нуклеиновых кислот, ответственных за хранение и передачу генетической информации в живом организме. (Прим. ред.)

— Но записи меня не существует. Меня невозможно сотворить без... Ну, не знаю — без результатов какого-то *сканирования* ... Что-то в этом роде.

— Это не имеет значения. Тебя можно сотворить даже без какой-либо специфической информации о тебе.

— О *чем* ты говоришь?

— Типлер пишет, что существует около ста десяти тысяч активных генов, формирующих организм человека. Это значит, что все возможные пермутации этих генов — все возможные биологически различные человеческие существа, которые только могут существовать, — насчитывают десять в миллионной степени разных людей. Следовательно, если бы тебе пришлось имитировать все эти пермутации...

— Имитировать десять в миллионной степени людей? — ахнул Ллойд. — Это уж слишком!

— Все зависит только от того, есть у тебя аппаратура с практически безграничными способностями обработки информации или нет, — объяснила Митико. — Да, разных людей ужасно много, но все же это конечное число.

— Конечное? На грани с бесконечным.

— Кроме того, существует также конечное число возможных состояний памяти. Если располагать достаточным объемом для хранения информации, то можно будет воссоздать не только каждого человека, но и любой набор воспоминаний.

— Но тогда понадобится одна имитация человека на каждое отдельное состояние памяти, — возразил Ллойд. — Ну, например, у меня имеется воспоминание о том, что вчера вечером я ел пиццу. Вернее, мне помнится, что я ел пиццу. Но есть и другое воспоминание: что я ел гамбургер. И так далее, и так далее, и так далее — до тошноты.

— Вот именно. Но Типлер говорит, что будет возможность воссоздать каждого человека, который когда-либо существовал, и все возможные воспоминания каждого из этих людей, если иметь место для хранения информации емкостью от десяти в двадцать третьей степени бит.

— От десяти в двадцать...

— От десяти в двадцать третьей.

— Безумие, — покачал головой Ллойд.

— Это конечное число. И его можно воспроизвести на достаточно мощном компьютере.

— Но зачем кому-то понадобится этим заниматься?

— Ну... Типлер говорит, что Точка Омега любит нас, и...

— *Любит* нас?

— Тебе стоит прочесть эту книгу. Честное слово, у него все получается более разумно и достоверно, чем у меня.

— Да уж, похоже, ему пришлось постараться, — проворчал Ллойд.

— И еще. Не забывай, что течение времени замедлится по мере приближения Вселенной к концу. Если в итоге после Большого Взрыва наступит гравитационный коллапс Вселенной...

— Большинство исследований говорит о том, что этого не произойдет. Для коллапса Вселенной попросту недостаточно массы, даже если брать в расчет темное вещество.

— Но если гравитационный коллапс Вселенной все-таки произойдет, — не сдавалась Митико, — время растянется до такой степени, что будет казаться: до конца света — вечность. А это означает, что воскрешенные люди как бы будут жить вечно. Они станут бессмертными.

— Ой, перестань. Может быть, в один прекрасный день, если мне сильно повезет, я получу Нобелевскую премию. На мой взгляд, это единственная форма бессмертия, на которую можно надеяться.

— Если верить Типлеру, это не так, — возразила Митико.

— И ты действительно в это веришь?

— Ну-у-у-у... Нет, не до конца. Но если даже отбросить религиозные обертона Типлера, разве ты не способен представить далекое-предалекое будущее, в котором — ну, не знаю... в котором какой-нибудь заскучавший старшеклассник вдруг решит имитировать каждого человека и любое состояние памяти?

— Ну... пожалуй. Может быть.

— На самом деле этому старшекласснику вовсе не обязательно пытаться имитировать все возможные состояния памяти. Он мог бы имитировать только одно — на выбор.

— О, теперь я понимаю. И ты хочешь сказать: то, что мы увидели... наши видения отражают не реальное будущее, которое наступит двадцать один год спустя, а вот этот самый результат научного эксперимента из далекого грядущего. Имитацию, пробу пера. Всего лишь одно из бесконечного — прошу прощения, *почти* бесконечного — числа возможных будущих.

— Вот именно!

— Это не так-то просто переварить, — покачал головой Ллойд.

— Да? Неужели? Неужели это труднее переварить, чем такую мысль: мы видели будущее, которое невозможно изменить, и даже то, что мы знаем о нем заранее, не позволяет нам помешать этому будущему сбыться? Вот послушай: если у тебя было видение, из которого ты узнал, что через двадцать один год окажешься в Монголии, то для того, чтобы победить это видение, тебе нужно просто *не ездить* в Монголию. Не станешь же ты предполагать, что тебя вынудят туда поехать против собственной воли? Уж если не свобода, то сила воли у нас имеется.

Ллойд решил говорить как можно мягче. Он привык вести научные споры с другими людьми, но не с Митико. Даже в интеллектуальных дебатах всегда присутствовали личные отношения.

— Если в видении ты увидела себя в Монголии, в итоге ты там обязательно окажешься. О, ты можешь давать себе сколь угодно зарок никогда и ни за что на свете не ездить туда, но это случится, и к тому времени покажется тебе вполне естественным. Ты не хуже меня знаешь, что люди в своих желаниях крайне непоследовательны. Сегодня ты можешь дать себе обещание сесть на диету, твердое намереваясь сидеть на этой диете целый месяц, но почему-то получается, что к этому времени ты бросаешь диету — так, словно у тебя вовсе нет свободы воли.

Митико, похоже, задумалась.

— Ты считаешь, что мне нужно сесть на диету? — улыбнулась она. — Да ты меня разыгрываешь!

— Но ты ведь меня поняла. Мы не способны волевым усилием избежать каких-то поступков даже в самом ближайшем будущем. Так как же мы можем думать, что через пару десятков лет станем решительнее?

— Потому что нам придется стать решительнее, — ответила Митико, отбросив игривый тон. — Потому что иначе у нас не будет выхода. — Она встретила взглядом с Ллойдом. — Неужели ты не понимаешь? Типлер *должен быть* прав. Либо, если он не прав, должно существовать какое-то другое объяснение. Это не может быть будущим. — Она немного помолчала. — Это не может быть *нашим* будущим.

Ллойд вздохнул. Он любил ее, очень любил, но... Проклятье, проклятье! Он машинально покачал головой.

— Я не больше тебя хочу, чтобы будущее было таким, — тихо произнес он.

— Тогда не позволяй ему стать таким, — сказала Митико, взяв Ллойда за руку. — Не позволяй.

— Алло?

Приятный женский голос.

— А... Алло, это... это доктор Томпкинс?

— Я вас слушаю.

— А... здравствуйте. Вас беспокоит... Джейк Горовиц. Вы, наверное, помните, из ЦЕРНа?

Джейк сам не знал, что ожидал услышать в ответ. Слова любви? Радость оттого, что он позвонил первым? Удивление? Но ни одна из этих эмоций не прозвучала в голосе Карли.

— Да? — сказала она спокойно.

И все. Просто «да».

У Джейкоба екнуло сердце. Может быть, ему стоило повесить трубку и отойти от телефона. Никому от этого хуже не стало бы. Если Ллойд прав, рано или поздно они с Карли встретятся и будут вместе. Но он не мог заставить себя сделать это.

— Извините... за беспокойство, — запинаясь, произнес Джейк.

Он никогда не умел разговаривать по телефону с женщинами. На самом деле в последний раз он звонил девушке по такому поводу, когда заканчивал школу. Тогда он набрался храбрости, чтобы позвонить Джулии Коэн и назначить ей свидание. К звонку он готовился несколько дней и до сих пор помнил, как дрожала у него рука, когда набирал ее номер. Он звонил с аппарата, стоявшего в подвале, и слышал, как наверху ходит старший брат, как скрипят половицы у него под ногами — ну просто будто капитан Ахав⁴² расхаживал по палубе. Джейк ужасно боялся, что Дэвид спустится в подвал и услышит, как он говорит по телефону.

Трубку снял отец Джулии и сказал, чтобы она подошла к другому телефону. Он не прикрыл трубку рукой, и Джейк услышал, как грубо он говорит с дочерью. Он сам ни за что не стал бы так относиться к Джулии. Но вот она сняла трубку, а ее отец положил, и Джулия пропела своим чудесным голосом: «Алло?» — «А-а-а... Привет, Джулия. Это Джейк. Ну, знаешь, Джейк Горовиц». Молчание. «Мы вместе ходим на историю Америки», — «Да?» — произнесла Джулия таким тоном, словно он попросил ее назвать последнюю цифру числа пи. «Я вот тут подумал, — пробормотал Джейк, стараясь говорить как можно небрежнее, как будто от этого разговора не зависела вся его жизнь, будто его сердце не готово было выскочить из груди. — Я вот тут подумал, не захочешь ли ты... ну, куда-нибудь сходить со мной... может быть, в субботу... ну, то есть, конечно, если ты свободна». И снова молчание. Он вспомнил, что когда он был маленький, из телефонной трубки доносилось потрескивание статических разрядов. Жаль, что теперь не было слышно этого треска. «Может, в кино», — произнес он, чтобы нарушить эту гробовую тишину. Еще несколько ударов сердца, а потом: «С чего это ты взял, что я захочу с тобой куда-то пойти?»

У него все поплыло перед глазами, засосало под ложечкой, ему вдруг стало тяжело дышать. Он не помнил, что сказал после этого, но как-то оторвался от телефона, сдержал слезы, а потом просто сидел в подвале и слушал, как наверху ходит старший брат.

Это было последний раз, когда он звонил девушке, чтобы назначить свидание. О нет, он не был девственником. Всего за пятьдесят долларов он излечился от этой болезни как-то ночью в Нью-Йорке. Потом он чувствовал себя ужасно. Он казался себе дешевым и грязным. Но он знал, что в один прекрасный день встретит женщину, с которой ему захочется быть рядом. И пусть не хватает опыта в сексе, то хотя бы не опростоволосится.

И вот теперь, теперь все шло к тому, что ему все же предстоит встретиться с женщиной — с Карли Томпкинс. Если он правильно помнит, то она была красивой, с темно-русыми волосами и зелеными... или серыми глазами. Ему нравилось смотреть на нее, нравилось слушать ее выступления на конференции Американского физического общества. Но отчетливо вспомнить ее он не мог. Да, у нее были веснушки на носу и щеках, но не так много, как у него. Вряд ли эти веснушки ему померещились...

Холодное «да?» Карли все еще звенело у Джейка в ушах. Наверняка она догадалась,

⁴² Капитан Ахав — герой знаменитого романа Германа Мелвилла «Моби Дик». (Прим. перев.)

зачем он звонит. Наверняка она...

— Мы будем вместе, — выдавил Джейк, понимая, насколько глупо это звучит. — Через двадцать лет мы будем вместе.

— Наверное, — немного помолчав, ответила Карли.

Джейк вдруг почувствовал невероятное облегчение. Он боялся, что она откажется от своего видения.

— И я подумал, — сказал он. — Я подумал... Может быть, нам стоит познакомиться поближе. Ну, например, сходить куда-нибудь выпить кофе.

Его сердце часто билось, у него сосало под ложечкой. Ему снова было семнадцать.

— Джейкоб, — начала Карли.

«Джейкоб». Она назвала его полным именем. Когда тебя так называют, ничего хорошего ждать не приходится. Сейчас она поставит его на место: «Джейкоб, с чего это вы взяли, что я захочу...»

— Джейкоб, — продолжила Карли. — Вообще-то я кое с кем встречаюсь.

«Ну естественно, — подумал Джейк. — Конечно, она с кем-то встречается. Темноволосая красавица с такими очаровательными веснушками. Ясное дело».

— Простите, — пробормотал он. — Очень жаль.

Он хотел извиниться за то, что побеспокоил ее, но на самом деле ему было ужасно жаль, что она с кем-то встречается.

— Кроме того, — заметила Карли, — я в Ванкувере, а вы в Швейцарии.

— На этой неделе я буду в Сизтле. Здесь у меня аспирантура, я занимаюсь компьютерным моделированием неоднородных мультипроцессорных реакций, и ЦЕРН посылает меня в «Майкрософт» на семинар. И я мог бы... В общем, понимаете, я подумал, что мог бы прилететь в Америку на день-другой раньше... через Ванкувер. У меня куча бонусов за частые полеты, мне это ничего не будет стоить.

— Когда? — спросила Карли.

— Я... Я могу быть в Ванкувере уже послезавтра. — Ему стало немного легче. — Семинар начинается в четверг. В мире, конечно, кризис, но у «Майкрософта» все по плану.

«По крайней мере, пока», — подумал Джейк.

— Хорошо, — сказала Карли.

— Хорошо?

— Хорошо. Приезжайте ко мне на работу, если хотите. Буду рада встретиться с вами.

— А как же ваш парень?

— Кто сказал, что это парень?

— О... — Пауза. — О!

Но тут он услышал смех Карли.

— Я просто пошутила. Да, парень. Его зовут Боб. Но это не так уж серьезно и...

— Да.

— И мне тоже кажется, что мы просто должны познакомиться поближе.

Джейк был страшно рад тому, что улыбку от уха до уха по телефону увидеть невозможно. Они с Карли договорились о времени встречи, попрощались, и он повесил трубку.

Сердце у него, казалось, вот-вот выскочит из груди. Он всегда знал, что когда-нибудь встретит ту самую женщину, он никогда не переставал надеяться. Он не подарит ей цветов — ему ни за что не удастся пронести цветы через таможню. Нет, он привезет ей что-нибудь ужасно бесполезное из «Шоколада Мишель». В конце концов, Швейцария была страной шоколада.

Хотя при его везении Карли могла страдать диабетом.

Младший брат Тео Димитриос снимал квартиру с тремя другими студентами в пригороде Афин, но когда Тео пришел к нему поздно вечером, Димитриос был дома один.

Дим изучал европейскую литературу в Национальном Каподистрийском университете

Афин. Он с детства мечтал стать писателем. Читать и писать Дим научился еще до того, как пошел в школу, и непрерывно стучал по клавишам домашнего компьютера: сочинял рассказы. Тео несколько лет назад обещал перенести все рассказы брата с дискет на лазерные диски — ведь домашних компьютеров с дисководом для дискет уже не производили, а вот в ЦЕРНе такие компьютеры кое-где еще сохранились. Тео подумал, не предложить ли брату снова свои услуги, но не знал, что лучше: чтобы Дим думал, что он просто забыл о своем обещании, или чтобы понял, что его братец за столько лет не нашел трех минут, чтобы обратиться с просьбой к кому-нибудь из компьютерного отдела.

Дим был в синих джинсах (ретро!) и желтой футболке с логотипом «Анахайм» — популярного американского телесериала. Даже старшекурсники, изучающие европейскую литературу, порой попадали под влияние американской поп-культуры.

— Здравствуй, Дим, — сказал Тео.

Раньше он никогда не обнимал младшего брата, но сейчас ему ужасно захотелось это сделать. Мысли о собственной смерти вдруг пробудили братские чувства. Но Дим наверняка не понял бы, что означают эти объятия. Их отец Константин особой сентиментальностью не отличался. Правда, перебрав узо, он мог ушипнуть официантку за задницу, но ему даже в голову не приходило ласково потрепать сыновей по голове.

— Привет, Тео, — произнес Димитриос таким тоном, словно они расстались только вчера, и посторонился, чтобы дать брату войти.

Квартира выглядела именно так, как может выглядеть жилище четырех парней, которым чуть-чуть за двадцать. Жуткий бардак. Кругом брошенная как попало одежда, на столе — коробки от фастфуда и куча всяких электронных игрушек, в том числе стереосистема класса «hi-end» и игровые приставки с эффектом виртуальной реальности.

Приятно было снова говорить по-гречески. Тео просто осточертели английский и французский: первый — многословием, а второй — резкими, неприятными звуками.

— Как поживаешь? — улыбнулся Тео. — Как дела в школе?

— Ты хотел спросить: «Как дела в университете?»

Тео кивнул. Для него самого после средней школы сразу началась учеба в университете, а брата-гуманитария он по-прежнему считал школьником. Но возможно, оговорка была не случайной. Все-таки их разделяли восемь лет — время немалое, но все же недостаточное для того, чтобы между ними совсем не осталось братского соперничества.

— Прости. Как дела в университете?

— Все нормально. — Димитриос встретился взглядом с Тео. — Один из моих преподавателей погиб во время Флэшфорварда, а одному из моих лучших друзей пришлось бросить учебу и уехать. Теперь он ухаживает за искалеченными родителями.

Сказать на это было нечего.

— Прости, — произнес Тео. — Этого никто не предвидел.

Дим кивнул и отвел глаза.

— У мамы с папой уже был?

— Еще нет. Позже зайду.

— Им, между прочим, нелегко пришлось. Все соседи знают, что ты работаешь в ЦЕРНе. «Мой сын — ученый, — всегда с гордостью говорил отец. — Мой мальчик — новый Эйнштейн». — Димитриос немного помолчал. — Больше он так не говорит. Им с матерью стыдно в глаза смотреть тем, кто потерял близких.

— Прости, — в который раз повторил Тео.

Он снова обвел взглядом комнату, в которой царил студенческий беспорядок, пытаясь найти хоть что-нибудь, на что можно было бы перевести разговор.

— Пить хочешь? — спросил Димитриос. — Пива? Минеральной воды?

— Нет, спасибо.

Несколько минут Димитриос молчал. Потом пошел в гостиную. Тео — за ним. Дим сбросил с дивана на пол одежду и листки бумаги и сел. Тео нашел стул, не слишком заваленный вещами, и тоже сел.

— Ты уничтожил мою жизнь, — сказал Димитриос, посмотрев в глаза Тео. И тут же отвел взгляд. — Я хочу, чтобы ты это знал.

У Тео душа ушла в пятки.

— Как?

— Эти... эти видения. Проклятье, Тео, разве ты не знаешь, как это трудно каждый день паяльничать на клавиатуру? Не понимаешь, как легко опустить руки?

— Но ведь ты потрясающий писатель, Дим. Я читал твои работы. У тебя поразительное чувство языка. То твоё сочинение о Крите, где ты провел лето... Как здорово ты описал Кносский дворец!

— Это все не имеет значения. Все это чепуха. Не понимаешь? Через двадцать один год я не стану знаменитостью. У меня ничего не выйдет. Через двадцать один год я буду работать в ресторане, буду подавать туристам сувлаки и цацики.⁴³

— Может быть, это был сон? Может быть, тебе это приснилось в две тысячи тридцатом году?

— Я нашел этот ресторан. Он возле Башни ветров, — покачал головой Дим. — Познакомился с менеджером. Он там тоже будет работать через двадцать один год. Он меня узнал, и я его — по видениям.

— Многие писатели не зарабатывают на жизнь литературным трудом. Ты это знаешь, — попытался успокоить брата Тео.

— Но многим ли удастся продержаться, если они год за годом не будут мечтать о том, что в один прекрасный день могут проснуться знаменитыми?

— Не знаю. Никогда об этом не задумывался.

— Художником движет вперед мечта. Ты только подумай, сколько актеров, пробивающих себе дорогу, отказались от своей мечты сегодня — прямо сейчас, — так как видения показали им, что у них ничего не выйдет? Сколько художников на парижских улицах на этой неделе выбросили свои палитры, поняв, что даже через два десятка лет будут прозябать в неизвестности? Сколько рок-групп, репетирующих в родительских гаражах, распалось? Вы отняли мечту у миллионов людей. Некоторым повезло — в будущем они спали. И потому что они спали, их мечты не разбились вдребезги.

— Я... я как-то не думал об этом с такой точки зрения.

— Конечно не думал. Ты так одержим желанием выяснить, кто тебя убил, что просто не способен ясно мыслить. Но у меня для тебя новость, Тео. Не только ты погибнешь в две тысячи тридцатом году. Я тоже погибну. Официант в дорожном ресторане для туристов! Я погибну, как и миллионы других людей. И убил их ты. Ты убил их надежды, их мечты, их будущее.

18

День восьмой. Вторник, 28 апреля 2009 года

Джейк и Карли Томпсон могли встретиться в TRIUMF, но решили этого не делать. Встречу они назначили в книжном супермаркете «Чаптерс» на окраине Ванкувера, в Бернаби. В этом магазине почти половина торговых площадей по-прежнему была отдана настоящим печатным изданиям: бестселлерам Стивена Кинга, Джона Гришэма и Койота Рольфа. Но остальную часть площади магазина занимали табло с перечнем названий книг, копии которых можно было заказать. На печатание копии книги уходило всего пятнадцать минут, причем ее могли снабдить как бумажной обложкой, так и качественным дорогим переплетом. Кроме того, можно было заказать книги с крупным шрифтом и переводы с двадцати четырех языков, сделанные с помощью компьютерных словарей. На это уходило

⁴³ Сувлаки — небольшие шашлыки на деревянных шпажках; цацики — холодный соус-закуска из йогурта, свежего огурца и чеснока. Сувлаки и цацики — типичные блюда греческой кухни. (Прим. ред.)

всего несколько дополнительных минут. И естественно, никаких книг, которых не было бы в наличии.

Уже двадцать лет в книжных супермаркетах существовали кафе. Кому-то пришла в голову блестящая мысль: дать возможность людям попить кофе в приятной обстановке, пока печатаются заказанные ими книги. Джейк приехал в «Чаптерс» пораньше, зашел в кафе «Старбакс», заказал себе чашку суматранского кофе без кофеина и нашел свободное место за столиком.

Карли пришла на десять минут позже назначенного времени. На ней был длинный плащ фирмы «Лондон фог» с туго затянутым поясом, синие брюки и туфли на низком каблуке. Увидев ее, Джейк встал, чтобы поздороваться. Глядя на приближавшуюся Карли, он с удивлением обнаружил, что она не такая хорошенькая, какой он ее запомнил.

Но это была она. Мгновение они пристально смотрели друг на друга. Он гадал — да и она, наверное, тоже, — как следует приветствовать человека, с которым, как ты точно знаешь, у тебя в один прекрасный день произойдет сексуальная близость. Они уже были знакомы. Джейку случалось встречаться с людьми, которых он знал значительно хуже, и при встрече он целовал их в щеку — или они его. Особенно во Франции, конечно. Но Карли положила конец его сомнениям. Она протянула ему правую руку. Джейк натянуто улыбнулся и ответил на рукопожатие. Рука у Карли была твердая, кожа прохладная на ощупь.

Подошел работник «Чаптерс» и спросил у Карли, что она желает заказать. Джейк помнил, что когда-то в «Старбаксе» посетителей обслуживали только за стойкой, но должен же был кто-то принести вам книгу, когда она будет готова. Карли заказала большую чашку «Эфиопия Сидамо».

Она открыла сумочку, чтобы вытащить бумажник. Джейк украдкой заглянул в ее сумочку. В кафе курить было запрещено. Во всех ресторанах Северной Америки и даже в Париже эти правила постепенно вступали в силу. Но он обрадовался, не заметив в сумочке пачки сигарет. Он сам не знал, как повел бы себя, окажись Карли курильщицей.

— Итак, — начала Карли.

Джейк вымученно улыбнулся. Положение было щекотливое. Он знал, как она выглядит без одежды. Хотя конечно... конечно, двадцать лет спустя. Сейчас она была почти его ровесницей — двадцать два — двадцать три года. Через два десятка лет ей будет слегка за сорок. Хорошо сохранившаяся женщина, далеко не старуха. И все же...

Двадцать лет спустя она будет хороша собой, но сейчас — еще милловиднее. Наверняка...

Да, да, страх, волнение и напряженность никуда не делись.

Конечно, она тоже видела его обнаженным двадцать лет спустя. Джейк знал, как она будет выглядеть: ее каштановые волосы сохранят естественный цвет — возможно, она будет их подкрашивать. Соски винного цвета и очаровательные созвездия веснушек на груди. А он? Каким станет он через двадцать лет? Он и сейчас не был атлетом. А вдруг он растолстеет? Вдруг у него поседеют волосы на груди?

Возможно, нынешняя холодность Карли объясняется тем, каким она его увидела в будущем. Он не мог обещать, что станет делать зарядку или заниматься на тренажерах, что накачает мускулы. Он ничего не мог обещать. И Карли знала, как он будет выглядеть в 2030 году, хотя сам он этого не знал.

— Приятно снова вас увидеть, — сказал Джейк, стараясь говорить спокойно, с теплотой в голосе.

— Мне тоже, — улыбнулась Карли.

— Что?

— Ничего.

— Нет, пожалуйста. Скажите.

Карли опять улыбнулась и опустила глаза.

— Я просто представила нас обнаженными.

— Я тоже, — с неловкой усмешкой произнес Джейк.
— Как странно, — смущенно улыбнулась Карли и добавила: — Послушайте, я никогда ни с кем не ложусь в постель на первом свидании, то есть...

Джейк поднял руки.

— Я тоже, — отозвался он.

Карли опять улыбнулась. Пожалуй, она все же была красавицей.

Сайт «Проект „Мозаика“» не просто раскрывал будущее отдельных людей. Он мог также сказать очень многое о будущем правительств разных стран, компаний и организаций, в том числе и ЦЕРНа.

По всей видимости, к 2022 году команда ученых ЦЕРНа под руководством Тео и Ллойда должна была создать принципиально новый физический прибор: тахион-тардионный коллайдер. Тахионы⁴⁴ были частицами, всегда перемещавшимися быстрее скорости света в вакууме. Чем большей энергией они обладали, тем ближе к скорости света была скорость их движения. По мере уменьшения их энергии скорость частиц возрастала — почти до бесконечности.

Тардионы,⁴⁵ с другой стороны, представляли собой обычную материю: они перемещались со скоростью ниже скорости света. Чем выше энергетический заряд тардиона, тем быстрее он перемещается. Но, как говорил старина Эйнштейн, чем быстрее перемещается тардион, тем больше становится его масса. Ускорители элементарных частиц, такие как Большой адронный коллайдер ЦЕРНа, работали за счет наделяния тардионов высокой энергией. Тардионы разгонялись до высоких скоростей и сталкивались между собой, высвобождая при этом всю свою энергию. Такие ускорители были гигантскими.

Но представьте себе, что вы возьмете обычный тардион — например, протон, — который удерживает на месте магнитное поле, и заставите тахион столкнуться с ним. Для того чтобы разогнать тахион до нужной скорости, вам не потребуется огромный ускоритель: тахион и так летит со сверхсветовой скоростью. Ваша забота — убедиться в том, чтобы тахион столкнулся с тардионом.

Вот так и родился тахион-тардионный коллайдер — ТТК.

Ему не был нужен туннель двадцать семь километров в окружности, как у БАК.

Для его строительства не требовались миллиарды долларов.

Для его обслуживания не требовались тысячи людей.

ТТК был размером с большую микроволновку. Первые модели, собранные к 2030 году, стоили около сорока миллионов американских долларов, и в мире их было всего девять. Однако было предсказано, что со временем они подешевеют, причем настолько, что у каждого университета будет собственный ТТК.

Для ЦЕРНа последствия создания ТТК стали разрушительными. Более двух тысяч восьмисот сотрудников было уволено. Пострадали также города Сен-Жени и Туари. Около тысячи домов и квартир в одночасье опустели: жильцы, арендовавшие это жилье, уехали. БАК, по всей видимости, еще действовал, но пользовались им редко. Гораздо проще было проводить эксперименты на ТТК.

— Вы же понимаете, что это чистое безумие, — заявила Карли Томпкинс, сделав глоток эфиопского кофе.

Джейк Горовиц удивленно поднял брови.

— То, что произошло в этом видении... — смущенно потупилась Карли, — в этом

⁴⁴ Тахионы — гипотетические частицы, экспериментально пока не обнаружены. (Прим. ред.)

⁴⁵ Тардионы — общее название частиц, движущихся медленнее скорости света (в противоположность тахионам). Все тардионы обладают положительной массой покоя. (Прим. ред.)

была *страсть*. Это случилось не между людьми, которые прожили вместе двадцать лет.

— Я не хотел бы, чтобы эта страсть угасла, — пожал плечами Джейк. — Люди могут любить друг друга и спустя десятилетия.

— Не так. Не срывая друг с друга одежду на рабочем месте.

— Как знать, — нахмурился Джейк.

Карли немного помолчала, а потом неожиданно спросила:

— Не хотите зайти ко мне? Ну... просто кофе попьем.

Они сидели в кафе и пили кофе, поэтому в ее предложении было не слишком много смысла. Сердце Джейка бешено забилося.

— Конечно, — пролепетал он. — Это было бы замечательно.

19

Еще один вечер в квартире Ллойда. Митико и Ллойд молча сидели на диване.

Ллойд в задумчивости поджал губы. Что его останавливало? Почему он передумал жениться на этой женщине? Ведь он любил ее. Так почему не мог просто забыть о своем видении? В конце концов, так поступили миллионы: для подавляющего большинства людей идея неизменного будущего была абсурдной. Такое они видели сто раз в телешоу и фильмах: Джимми Стюарт понимает, как прекрасна жизнь, увидев, как мир живет без него.⁴⁶ Супермен,⁴⁷ разгневанный смертью Лоис Лейн, летит вокруг Земли на такой скорости, что она начинает вращаться в обратную сторону, и это позволяет ему вернуться в прошлое и спасти девушку. Цезарь, сын шимпанзе-ученых Зиры и Корнелиуса,⁴⁸ выводит мир на дорогу межвидового братства в надежде избежать ядерного холокоста.

Даже ученые рассуждали понятиями случайной эволюции. Стивен Джей Гулд,⁴⁹ воспользовавшись метафорой из фильма с Джимми Стюартом, сказал миру: если вы сможете перемотать клубок времени, все, несомненно, пойдет по-другому и в конце появятся не люди, а кто-то иной.

Но Гулд не был физиком. То, что он предлагал в качестве мысленного эксперимента, было невозможно. Самое лучшее, что можно было сделать, — это, так сказать, «проехать» и забыть все, что случилось во время Флэшфорварда. Передвинуть значок «сейчас» на другое мгновение. Время было фиксировано. Отснятая киноплёнка лежала в коробке. Будущее не являлось работой, находящейся в процессе выполнения. Нет, оно было завершённым трудом, и сколько бы раз Стивен Джей Гулд ни смотрел фильм «Эта замечательная жизнь», Кларенс все равно получит свои крылья...

Ллойд погладил волосы Митико, гадая, что начертано выше этого среза в пространстве-времени.

Джейк лежал на спине, положив руку под голову. Карли лежала рядом и гладила волосы у него на груди. Они были обнажены.

— Знаешь, — сказала Карли, — у нас просто потрясающий шанс.

⁴⁶ Имеется в виду фильм «Эта замечательная жизнь» (1946). Герой, которого играет американский актер Джеймс Стюарт, подумывает о самоубийстве, и Небеса посылают ему на выручку ангела Кларенса — молодого, неопытного, еще даже не заслужившего крылья. Он получит крылья, если спасет героя. (Прим. ред.)

⁴⁷ Возможно, автор имеет в виду Кларка Кента — героя известного американского научно-фантастического телесериала «Тайны Смолвиля». (Прим. ред.)

⁴⁸ Персонажи фильма «Планета обезьян». (Прим. перев.)

⁴⁹ Стивен Джей Гулд (1941–2002) — американский палеонтолог, биолог-эволюционист и популяризатор науки. (Прим. перев.)

— О? — удивленно поднял брови Джейк.

— Многим ли парам в наше время это дано? Гарантия, что они будут вместе через двадцать лет! И не просто вместе, а по-прежнему страстно...

Она умолкла. Одно дело — обсуждать будущее, но совсем другое — произнести слово «влюблены».

Некоторое время они лежали молча.

— У тебя никого нет? — наконец тихо спросила Карли. — В Женеве?

— Нет, — покачал головой Джейк и, сглотнув, набрался храбрости и спросил: — А вот у тебя кто-то есть? Твой парень, Боб.

— Прости, — вздохнула Карли. — Я понимаю: нет ничего хуже, чем начинать отношения с вранья. Я... видишь ли, ведь я ничего о тебе не знала. А мужчины-физики — они такие бабники. Да-да, честное слово. Представляешь, я иногда на конференции надеваю старенькое обручальное кольцо. Нет никакого Боба. Я сказала тебе, что он есть, только для того, чтобы было проще уйти, если бы что-то пошло не так.

Джейк не знал, обижаться ему или нет. Однажды, когда ему было лет шестнадцать-семнадцать, он разговаривал с подружкой своего двоюродного брата Хоуи. Был июльский вечер. На лужайке перед домом родителей Хоуи устроили барбекю. Было темно. Подружка Хоуи первая завела разговор с Джейком, заметив, что он смотрит на звезды. Она не знала ни одного названия звезд и была потрясена, когда он показал ей Полярную звезду, три угла Летнего Треугольника — Вега, Денеб и Альтаир. Джейк решил показать девушке Кассиопею, но это созвездие — большое W в небе, — которое проще всего найти, если ты с ним знаком, в ту ночь увидеть было трудно: оно наполовину спряталось за высокими деревьями. И тогда Джейк предложил: «Давай перейдем на другую сторону улицы, и ты увидишь Кассиопею». Улица была тихая, в это время на ней не было машин, лишь освещенные дома.

Девушка посмотрела на Джейка и сказала: «Нет».

В первый момент он даже не понял, в чем дело. Но тут же догадался. Она решила, что он затащит ее в кусты и попытается изнасиловать. Он ужасно обиделся и возмущился. Как она могла подумать такое — ведь он был кузеном Хоуи! А еще ему стало грустно. Он подумал: бедные женщины, им постоянно нужно быть начеку, вечно всего бояться и искать пути к отступлению.

Джейк тогда только пожал плечами и отошел от подружки Хоуи. Он был потрясен и просто не знал, что сказать. Вскоре набежали тучи и закрыли звезды.

— О-о-о, — протянул Джейк. Он не знал, что еще сказать Карли в ответ на ее заявление, что она солгала насчет Боба.

— Прости. Женщина должна быть осторожна, — пожала плечами Карли.

Джейк никогда не задумывался о браке и даже о постоянных отношениях, но... но... какой подарок судьбы! Красивая, умная женщина, его коллега. И они были соединены и вооружены знанием о том, что через двадцать лет все еще будут вместе и будут счастливы.

— К которому часу тебе завтра на работу? — спросил Джейк.

— Я, пожалуй, отпрошусь. Скажу, что приболела, — ответила Карли.

Джейк повернулся к ней лицом.

Димитриос Прокопидес сидел на диване, посреди извечного беспорядка, уставившись в стену. Он размышлял об этом уже два дня: со времени визита старшего брата Тео. И ему не было легче оттого, что тысячи людей — а может, и миллионы — решали ту же самую дилемму.

Проще простого... Он купил в аптеке снотворное и без особого труда нашел в Интернете информацию о том, какая доза этого лекарства нужна для того, чтобы расстаться с жизнью. При его весе (семьдесят пять килограммов) семнадцати таблеток должно хватить. Двадцати двух хватило бы наверняка, а если бы он принял тридцать, то у него началась бы рвота, и тогда все старания пошли бы прахом.

Да, он мог это сделать. И это было бы безболезненно. Он просто погрузился бы в глубокий сон, который продлится вечно.

Однако существовала «Уловка-22»⁵⁰ — один из немногих американских романов, которые он прочел и благодаря которому познакомился с этим понятием. Совершив самоубийство — он не боялся этого слова, — он мог доказать, что его будущее не предначертано. В конце концов, не только в собственном видении, но и в видении менеджера ресторана двадцать лет спустя он был жив. Значит, если он убьет себя сегодня — если прямо сейчас проглотит эти таблетки, — то со всей решительностью продемонстрирует всем, что будущее можно изменить. Но это станет чем-то вроде пирровой победы над римлянами в Гераклее и Аскулуме — победы, до сих пор носящей имя этого полководца, победы, добытой ужасной ценой. Потому что если он, Дим, сможет совершить самоубийство, то будущее, которое нагнало на него такую тоску, не неизбежно — но тогда его уже не будет на свете и он не сумеет осуществить свою мечту.

Возможно, существовали более легкие способы проверить реальность будущего. Он мог бы выколоть себе глаз, отрубить руку, сделать татуировку на лице. Что угодно, лишь бы его облик радикально отличался от того, каким другие люди видели его в своих видениях.

Но нет. Это не работает.

Не работает, потому что все это непостоянно. Татуировку можно удалить, отрезанную руку заменить протезом, в пустую глазницу вставить стеклянный глаз.

Нет. Стеклянного глаза у него быть не могло: в собственном видении он лицезрел этот треклятый ресторан нормальным, стереоскопическим зрением. Стало быть, выколоть глаз было бы убедительным тестом невозможности изменить будущее.

Вот только...

...вот только протезирование и генетика постоянно двигались вперед. Как знать, а вдруг два десятилетия спустя ему смогут клонировать глаз или руку? И кто мог утверждать, что он откажется от такого шанса, чтобы исправить увечье, ставшее результатом ошибки молодости?

Его брату Тео отчаянно хотелось верить, что будущее не фиксировано. А вот напарник Тео — этот высокий малый, канадец — как там его? Симкоу, вот как. Симкоу говорил в корне противоположное. Дим видел передачу по телевизору и понял, что его будущее высечено на камне.

А если будущее высечено на камне, если Диму не суждено стать знаменитым писателем, то он не хотел больше жить. Слова были его единственной любовью, его единственной страстью и, честно говоря, его единственным талантом. В математике он был дуб дубом (как трудно ему было учиться следом за Тео в одних и тех же школах, где учителя ожидали от него таких же успехов в точных науках), он не блистал ни в одном виде спорта, не умел ни петь, ни рисовать, и с компьютером у него были сложные отношения.

Конечно, если в будущем он впал бы в тоску, то мог бы покончить с собой позже.

Но, по всей видимости, он этого не сделал.

Да, не сделал. Дни и недели пролетают, как птицы; человек не всегда замечает, что его жизнь не движется вперед, что в ней нет прогресса, что она не такая, о какой он всегда мечтал.

Да, в *такую* жизнь погрузиться легко. В такую пустую жизнь, какая предстала перед ним в видении. Легко, если позволишь ей день за днем затягивать себя в трясины.

Но он получил подарок: прозрение. Этот малый, Симкоу, говорил о жизни как об отснятом фильме. Вот только киномеханик вставил в проектор не ту катушку и понял, что ошибся, только через две минуты. Произошел резкий скачок, перенос из сегодняшнего дня в далекое завтра, а потом — возвращение назад. Это было совсем не то же самое, что жизнь,

⁵⁰ Роман Джозефа Хеллера «Уловка-22» — один из самых блистательных образцов полуабсурдистского, фантазмагорического произведения. (Прим. ред.)

разворачивающаяся кадр за кадром. Теперь Дим ясно видел, что его ожидает совсем не такая жизнь, какая ему хотелось бы. Он, подающий мусаку⁵¹ и зажигающий огонь в сковороде для приготовления саганаки,⁵² — *этот* он был уже мертв.

Дим снова посмотрел на пузырек с таблетками. Он понимал, что огромное число людей сейчас размышляют о будущем, о том, стоит ли жить дальше, зная, что им сулит далекое завтра.

Если бы хоть один из этих людей покончил с собой, это, вне всяких сомнений, доказало бы, что будущее можно изменить. Наверняка ему не одному приходила в голову такая мысль. И наверняка многие ждали, чтобы кто-то сделал это первым. Они ждали сообщений в Интернете: «Мужчина, которого другие видели в 2030 году, найден мертвым»; «Самоубийство доказывает неопределенность будущего».

Дим опять взял пластиковую баночку янтарного цвета, сжал ее в кулаке, покачал, послушал, как постукивают внутри таблетки.

Как легко просто нажать на колпачок — вот так, как сейчас, отвинтить его и высыпать таблетки на ладонь.

«Какого они цвета?» — подумал Дим. Вот ведь глупость. Он помышлял покончить с собой, но при этом не знал, какого цвета потенциальное орудие самоубийства. Он отвинтил колпачок. Под ним лежал комок ваты. Дим приподнял его.

Черт побе...

Таблетки оказались зелеными. Кто бы мог предположить? Зеленые таблетки. Зеленая смерть.

Дим наклонил баночку, и таблетка упала на ладонь. Посередине таблетки была бороздка. Нажмешь ногтем — она распадется пополам, получишь маленькую дозу снотворного.

Но ему маленькая доза была не нужна.

Рядом стояла бутылка воды. Дим купил негазированную воду — он не знал, как углекислый газ будет взаимодействовать с таблетками. Дим положил таблетку в рот. Почему-то он решил, что у нее будет мятный привкус, но таблетка оказалась совершенно безвкусной. Она была в тонкой оболочке — как фирменный аспирин. Дим сделал глоток воды. Таблетка послушно скользнула в горло.

Он снова наклонил баночку, высыпал на ладонь три зеленые таблетки, сунул в рот и запил большим глотком воды.

Получилось четыре. Это была максимальная доза для взрослых, о чем было написано на этикетке. Еще там было сказано, что такую дозу нельзя принимать несколько ночей подряд.

Три таблетки Дим проглотил легко, после чего высыпал из баночки еще три, сунул в рот и запил большим глотком воды.

Семь. Счастливое число, так сказать.

А действительно ли он хотел это сделать? Еще было время остановиться. Он мог вызвать «скорую», сунуть в рот два пальца.

Или...

...или еще немного подумать. Дать себе еще несколько минут.

От семи таблеток он, пожалуй, не умрет. Наверняка не умрет. Наверняка такие небольшие передозировки то и дело случались. Ну да, и в Интернете было написано, что нужно проглотить еще как минимум десять...

Дим высыпал на ладонь еще несколько таблеток и уставился на них. На горстку

⁵¹ Мусака — греческое блюдо из мяса и овощей, уложенных рядами. (Прим. перев.)

⁵² Саганаки — греческие пирожки с сыром. Иногда их готовят способом фламбирования — наливают в сковородку немного алкоголя и поджигают. (Прим. перев.)

крошечных зеленых камешков.

День девятый. Среда, 29 апреля 2009 года

— Хочу тебе кое-что показать, — заявила Карли.

Джейк улыбнулся и галантно пропустил ее вперед. Они находились в здании Канадской национальной лаборатории ядерной физики и физики элементарных частиц.

Карли пошла по коридору, Джейк последовал за ней. Они проходили мимо дверей, на которых висели постеры к мультфильмам, как-то связанным с наукой. По пути им попадались сотрудники с небольшими цилиндрическими дозиметрами, совсем не похожими на служившие для той же цели в ЦЕРНе тонкие пластинки.

Наконец Карли остановилась перед дверью. С одной стороны находился пожарный гидрант за застекленной дверцей, с другой — фонтанчик с питьевой водой. Карли постучала. Никто не отозвался. Тогда она повернула ручку и открыла дверь. Переступив порог, она обернулась и с улыбкой поманила Джейка пальцем. Он вошел в комнату, и Карли сразу закрыла за ним дверь.

— Ну? — произнесла она.

Джейк растерянно пожал плечами.

— Не узнаешь? — спросила Карли.

Джейк огляделся по сторонам. Просторная лаборатория с бежевыми стенами и...

— О боже! — вырвалось у Джейка.

Да, теперь стены были покрашены бежевой краской, но через двадцать лет их перекрасят и они станут желтыми.

Это была комната из видения. Сейчас на стене тоже висела периодическая таблица элементов — точно такая, какую Джейк видел в своем видении. А вот и лабораторный стол — тот самый, на котором они предавались любви.

Джейк почувствовал, что краснеет.

— Ну что, то самое место? — спросила Карли.

— Да, то самое, — кивнул Джейк.

Конечно, сейчас, в середине рабочего дня, они не могли оккупировать лабораторию, но...

...но в видении Джейка... В общем, если оценка времени была точной, это произошло вечером, в семь часов двадцать одну минуту по женевскому времени, а значит, в этот момент в Нью-Йорке был день — два часа двадцать одна минута пополудни, а здесь, в Ванкувере... утро, одиннадцать часов двадцать одна минута... в среду. Наверняка в это время в лаборатории все трудились засучив рукава. Как же они с Карли могли заниматься здесь любовью в разгар рабочего дня? О, конечно, сексуальная мораль вполне могла деградировать за грядущие двадцать лет, как это происходило на протяжении последних пятидесяти лет, но наверняка даже в далеком 2030-м никто не устраивал себе секс-перерывов на работе. Может быть, 23 октября все-таки было каким-то праздником? Может быть, на работе, кроме них с Карли, никого не было? Джейк смутно помнил, что в Канаде День благодарения праздновали в октябре.

Он обошел лабораторию, сравнивая ее с той, какой она предстала перед ним в видении. На потолке — противопожарные устройства, типичные для помещений, где работают с химикатами; несколько шкафчиков для аппаратуры, небольшой стол с компьютером. В видении компьютер был на том же самом месте, но совсем другой модели, конечно.

А рядом с компьютером в видении стоял прибор в форме куба со стороной около полуметра. Сверху на этом кубе были установлены лицом друг к другу два плоских металлических листа.

— Эта штука, которая тут стояла, — сказал Джейк, — то есть та, которая тут *будет* стоять. Нет идеи, что это такое?

— Может быть, тахион-тардионный коллайдер?
— Невероят... — удивленно поднял брови Джейк.
Дверь распахнулась. Вошел высокий широкоплечий мужчина.
— О, прошу прощения, — смущенно улыбнулся он. — Не хотел вам мешать.
— Ничего страшного, — отозвалась Карли и улыбнулась Джейку. — Мы зайдем позже.

— Тебе нужны доказательства? — спросила Митико. — Ты хочешь знать наверняка, стоит ли нам жениться? Это можно сделать только одним способом.

Ллойд сидел в своем кабинете в ЦЕРНе и изучал серию распечаток результатов прошлогодних экспериментов на БАК при энергетическом уровне четырнадцать тераэлектронвольт. Он искал любые признаки нестабильности в этих экспериментах, предшествовавших первому запуску БАК с энергетическим уровнем одна тысяча сто пятьдесят тераэлектронвольт — тому самому запуску, который вызвал смещение времени. Митико только что вошла, и это были ее первые слова.

Ллойд удивленно посмотрел на нее:

— Есть способ добыть доказательства? Как?
— Повтори эксперимент. Посмотри, не получатся ли те же самые результаты.
— Мы не можем это сделать, — ответил Ллойд.

Ллойд был просто потрясен предложением Митико. Он тут же подумал обо всех погибших людях. Он никогда не верил в философские заявления типа: «Есть вещи, о которых человечеству знать не нужно», но если и есть на свете эксперимент, который ни в коем случае не следовало повторять, то именно этот, на БАК.

— Конечно, о новой попытке придется объявить заранее, — сказала Митико. — Предупредить всех, позаботиться о том, чтобы в это время не летали самолеты, никто не вел автомобиль, никто не плавал, не забирался на стремянку. Нужно, чтобы все люди на Земле в это время сидели или лежали.

— Этого невозможно добиться!

— Наверняка возможно, — возразила Митико. — Си-эн-эн, Би-би-си, Си-би-си, все новостные каналы смогут об этом объявить.

— На свете есть места, где до сих пор нет телевидения и даже радио, если на то пошло. Мы не сможем всех предупредить.

— Предупредить всех будет *непросто*, — продолжала стоять на своем Митико, — но вполне возможно. На девяносто девять процентов успех гарантирован.

— На девяносто девять процентов, вот как? — нахмурился Ллойд. — Население Земли — семь миллиардов человек. Если мы потеряем хотя бы один процент, то останется семьдесят миллионов непредупрежденных.

— Мы можем добиться лучших результатов. Уверена, у нас получится. Мы можем постараться изо всех сил, и тогда непредупрежденными останутся всего несколько сотен тысяч, и — давай посмотрим правде в глаза — эти несколько сотен тысяч человек наверняка живут в технически не развитых районах планеты. Эти люди не будут лететь самолетом или сидеть за рулем автомобиля.

— Их могут сожрать звери.

Митико явно растерялась.

— Да? Кстати, интересная мысль. Похоже, животные во время Флэшфорварда сознание не теряли. Или теряли?

Ллойд поскреб макушку.

— По крайней мере, сообщений о том, что земля где-то была усеяна мертвыми птицами, упавшими с неба, не поступало. Никто в новостях не говорил о жирафах, переломавших ноги. По всей видимости, явление имело отношение только к человеческому сознанию. Я читал в «Трибьюн» о том, что на шимпанзе и горилл, с которыми ученые общаются с помощью языка знаков, Флэшфорвард оказал определенное воздействие. Многие из них знаками сообщили, что находились в каких-то других местах. Но обезьянам не

хватило словарного запаса и психологической тонкости, а потому подтвердить или опровергнуть, что они действительно видели собственное будущее, было невозможно.

— Это не имеет значения. Большинство диких животных так или иначе не нападают на жертву, находящуюся в бессознательном состоянии. Они не питаются падалью, что обусловлено естественным отбором. Нет, я уверена, что мы сумеем предупредить почти всех, а те немногие, до кого не дойдет весть о новом эксперименте, не подвергнутся особой опасности.

— Ну хорошо, допустим, — отозвался Ллойд. — Но мы не можем просто взять и объявить о том, что намерены повторить эксперимент. По крайней мере, швейцарские и французские власти не дадут нам это сделать.

— Дадут, если мы получим от них разрешение. Если мы получим разрешение от всех остальных.

— Ой, перестань! Ученым, конечно, интересно, можно ли воспроизвести результат эксперимента, но какое до этого дело всем остальным? С какой стати весь мир станет давать нам такое разрешение? Люди пойдут на это разве что только для того, чтобы возложить всю вину на меня и ЦЕРН.

Митико часто-часто заморгала.

— Ты не понимаешь, Ллойд. Все только и мечтают, чтобы еще разок заглянуть в будущее. Не только у нас с тобой что-то сорвалось из-за видений. Люди хотят узнать больше о том, что им уготовило грядущее. И если ты скажешь, что они смогут снова заглянуть в далекое завтра, никто не станет чинить тебе препоны. Наоборот, люди горы сдвинут, чтобы это случилось.

Ллойд молчал. Он задумался над тем, что сказала Митико.

— Ты так считаешь? — наконец произнес он. — А мне кажется, будет просто ужасное сопротивление.

— Нет-нет. Всем любопытно. А тебе разве не хочется узнать, кто была та женщина? — Пауза. — Разве тебе не интересно, кто стал отцом моего ребенка? Кроме того, если ты ошибаешься насчет невозможности изменить будущее, то, может быть, мы все увидим совсем другое грядущее — такое, в котором Тео не погибнет. А может быть, ему удастся заглянуть в другое время — пять лет спустя или пятьдесят. Но главное: на планете нет ни одного человека, который не мечтал бы о новом видении.

— Не знаю, не знаю... — покачал головой Ллойд.

— Ну хорошо. Тогда попробуй посмотреть на это с другой точки зрения. Тебя мучает чувство вины. Если ты попытаешься повторить Флэшфорвард и у тебя ничего не выйдет, значит, БАК тут все-таки ни при чем. И тогда ты сможешь расслабиться.

— Возможно, ты права, — сказал Ллойд. — Но как нам получить разрешение на повторение эксперимента? Кто может дать такое разрешение?

Митико пожала плечами.

— Ближайший город — Женева, — сказала она. — Чем знаменита Женева?

Ллойд сдвинул брови. Ответов могло быть много. И вдруг его озарило: Лига Наций, предшественница ООН, была основана в Женеве в 1920 году.

— Ты предлагаешь обратиться с этим предложением в ООН?

— Конечно. Ты мог бы поехать в Нью-Йорк и выдвинуть свое предложение.

— ООН не способна прийти к согласию ни по одному вопросу, — проворчал Ллойд.

— С этим они согласятся, — заявила Митико. — Слишком соблазнительное предложение.

Тео поговорил с родителями и их соседями, но никто из них, похоже, ничего не знал о его гибели в будущем. В результате он улетел из Афин в Женеву. Когда он улетал в Афины, до аэропорта Куантрен его подвез Франко делла Роббиа, но сейчас Тео взял такси до ЦЕРНа. Хотя тридцать швейцарских франков, конечно, дороговато. Поскольку на борту самолета завтрак не подавали, Тео решил сразу пойти в столовую центра управления БАК и

перекусить. Войдя в столовую, он с удивлением увидел Митико Комура. Она одиноко сидела за одним из дальних столиков. Тео взял маленькую бутылочку апельсинового сока и порцию женевских сосисок и направился к Митико. За соседними столами физики обсуждали различные теории, объясняющие Флэшфорвард. Тео вдруг понял, почему Митико сидит одна. Меньше всего ей хотелось думать о событии, погубившем ее дочь.

— Привет, Митико, — улыбнулся Тео.

— О, привет, Тео! С возвращением, — подняла на него глаза Митико.

— Спасибо. Не помешаю?

Митико указала на стул, стоящий напротив нее.

— Как съездил? — спросила она.

— Почти ничего не узнал. — Тео решил больше ничего не говорить, но все же не выдержал и добавил: — Мой брат Димитриос... он сказал, что видение погубило его мечту. Он хотел стать великим писателем, но, судя по всему, у него ничего не получится.

— Грустно, — вздохнула Митико.

— А ты как? — поинтересовался Тео. — Держишься?

Митико развела руками, словно желая показать, что ответить на этот вопрос не так уж просто.

— Не живу, а выживаю. Не было минуты, когда бы я не думала о том, что случилось с Тамико.

— Мне так жаль, — наверное, в сотый раз повторил Тео и, помолчав, спросил: — А в остальном как?

— Нормально.

— Нормально — и все?

Митико доедала киш — крошечный пирожок с сыром. Перед ней стояла полупустая чашка с чаем. Она сделала глоток, словно собираясь с мыслями.

— Не знаю. Ллойд... он не уверен, стоит ли нам устраивать свадьбу.

— Правда? О господи!

Митико огляделась по сторонам, чтобы проверить, что их разговор никто не слышит (ближайший сотрудник сидел через четыре столика от них и что-то увлеченно читал на экране датапада). Она вздохнула и, пожав плечами, сказала:

— Я люблю Ллойда и знаю, что он любит меня. Но он никак не может избавиться от мысли о том, что наш брак может распасться.

— Ну да, ведь его родители развелись. И похоже, развод был не слишком красивым, — произнес Тео.

— Да, я все знаю об этом, — кивнула Митико. — И пытаюсь его понять. Честное слово, пытаюсь. — Пауза. — А у твоих родителей как все сложилось?

Ее вопрос удивил Тео. Он наморщил лоб и задумался.

— По-моему, хорошо. Похоже, они до сих пор счастливы. Папа, правда, мужчина суровый, несентиментальный, он никогда не выражает открыто своих чувств, но маму это вроде бы никогда особо не огорчало.

— Мой отец умер, — сказала Митико. — Но, думаю, он был типичным представителем своего поколения. Все держал в себе, и работа была для него смыслом жизни. — Она немного помолчала. — Умер от инфаркта в сорок семь лет. Мне тогда было двадцать два.

Тео с трудом нашел подходящие слова.

— Думаю, он гордился бы тобой.

Митико, похоже, восприняла его слова всерьез. Поверила, что это было сказано искренне, а не просто из вежливости.

— Может быть. Но он всегда считал, что карьера инженера не для женщин.

Тео нахмурился. На самом деле он слишком мало знал о японской культуре. У него, конечно, была возможность побывать на конференциях в Японии, но, хотя он объездил всю Европу, однажды побывал в Америке, а в подростковом возрасте — в Гонконге, в Японию его никогда особо не тянуло. Но Митико была так притягательна: каждый ее жест, каждая

улыбка, то, как она разговаривала, как морщила носик, как звонко смеялась. Как же он мог! Быть очарованным ею, но при этом ничего не знать о японской культуре? Разве у него не должно было возникнуть желания поближе познакомиться с японцами, с обычаями их страны, со всеми мелочами, которые сформировали Митико?

Или ему все же не следовало кривить душой? Может, стоило откровенно признаться себе в том, что его интерес к Митико чисто сексуальный? Конечно, она была невероятно красива... но в ЦЕРНе работали три тысячи человек, и половину из них составляли женщины. Не только Митико была красавицей.

И все же в ней было нечто особенное, нечто экзотическое. И ей явно нравились белые мужчины...

Нет, дело было не в этом. Не из-за этого его так влекло к ней. Его влекло к ней потому, что она выбрала Ллойда Симкоу, коллегу Тео. И Тео, и Ллойд были холосты. Ллойд был на десять лет старше Митико. А Тео — на восемь лет моложе ее.

И не то чтобы Тео был таким уж трудоголиком, а Ллойд просто остановился, чтобы вдохнуть аромат роз. Тео часто брал напрокат парусную лодку, чтобы прокатиться по Женевскому озеру; он играл в крикет и бадминтон за сборную ЦЕРНа, находил время послушать джаз в женевском клубе «У черной кошки», сходить в авангардный театр. А иногда даже заглядывал в «Гранд казино».

Но эта загадочная, красивая, умная женщина выбрала положительного, спокойного Ллойда.

А теперь, оказывается, Ллойд засомневался, стоит ли ему на ней жениться.

Безусловно, это не было веской причиной для того, чтобы радоваться и начать с новой силой желать Митико. Но сердце не подвластно законам физики, и его реакции предсказать невозможно. Тео желал ее, и если уж Ллойд был готов упустить ее...

— Все же, — начал Тео, наконец собравшись ответить на слова Митико насчет ее отца, — наверняка он восхищался твоим умом.

Митико пожала плечами.

— Наверное, да. С определенной точки зрения. — Она немного помолчала и добавила: — Но он не одобрил бы мое решение выйти замуж не за японца.

Сердце у Тео забилося чаще. Он и сам не понял, из-за чего так разволновался. Из-за Ллойда или из-за себя.

— О, — выдавил он.

— Отец не доверял Западу. Не знаю, ты в курсе или нет, но в Японии у молодежи пользуется популярностью одежда с надписями на английском языке. Что означают эти надписи, все равно. Главное, что молодежь хочет, чтобы все видели, как им близка американская культура. На самом деле слоганы довольно забавные для тех из нас, кто хорошо знает английский. «Верх», «Употребить раньше даты, указанной на упаковке», «Чтобы правильно очистить луковицу» и так далее... — Митико улыбнулась, очаровательно наморщив носик. — Луковицу... — повторила она. — Когда я впервые увидела такую надпись на футболке, ужасно смеялась... Но как-то раз я сама купила себе футболку с английскими словами — это были просто отдельные слова, не связная фраза. На черном фоне разноцветными буквами было написано: «щенок», «кетчуп», «хоккей», «очень» и «цель». И отец наказал меня за эту футболку.

Тео бросил на Митико сочувственный взгляд. И все же интересно: какое могло быть за это наказание? Отец запретил Митико носить эту футболку? Лишил карманных денег? Или отправил в ее комнату и посадил под домашний арест? Тео решил не спрашивать.

— Ллойд — хороший человек, — сказал он.

У него эти слова вырвались как бы сами собой. И он даже обрадовался, что в глубине души остается порядочным человеком.

Митико задумалась. Она вообще почти ко всему относилась серьезно, во всем искала истину.

— О да, — вздохнула она. — Он очень хороший человек. Он просто переживает из-за

этого дурацкого видения. Боятся, что наш брак не продлится вечно. А я точно знаю, что, если буду жить с ним, мне не придется бояться. Он никогда не поднимет на меня руку, не унижит меня. И он всегда все помнит. Как-то раз я назвала ему имена моих племянниц, несколько месяцев назад, походя. И вдруг на прошлой неделе мы заговорили о них, и он сразу назвал их имена. Поэтому я могу не сомневаться: он никогда не забудет о годовщине свадьбы, дне моего рождения. У меня были разные мужчины: и японцы, и иностранцы, но ни в ком из них я не была так уверена, ни с кем не была так спокойна за себя. Никто не был со мной так добр и нежен.

Тео стало не по себе. Он тоже считал себя хорошим человеком и, уж конечно, никогда не поднял бы руку на женщину. Но все-таки характер у него был отцовский. В споре он мог обидеть собеседника, причем намеренно. И верно — в один прекрасный день кто-то мог настолько его возненавидеть, что захотел бы убить. Но разве Ллойд — хороший, порядочный человек Ллойд — был способен вызвать у кого-нибудь такие чувства?

Тео едва заметно покачал головой и отбросил эти мысли.

— Ты сделала правильный выбор, — заявил он.

Митико склонила голову в знак того, что приняла комплимент.

— Ллойд тоже не ошибся, — сказала она.

Тео удивился. Митико не была свойственна такая нескромность. Но ее следующие слова все объяснили.

— Он не мог выбрать для себя лучшего напарника.

«А я не так уж в этом уверен», — подумал Тео, но промолчал.

Он не имел права ухаживать за Митико. Она была невестой Ллойда.

И кроме того...

...кроме того, дело было не только в ее прекрасных, чарующих японских глазах.

И даже не в ревности, не в гадании, почему она выбрала Ллойда, а не его.

В глубине души он понимал истинную причину своего интереса к Митико. Причем очень хорошо. Он думал, что если его жизнь круто повернется, если он совершит какой-то непредсказуемый шаг — ну, например, возьмет да и женится на невесте своего коллеги, — то, может быть, ему удастся показать судьбе «нос» и изменить свое будущее так радикально, что ему никогда не придется увидеть дуло нацеленного на него пистолета.

Митико была потрясающе умна и удивительно красива. Но он не станет ухлестывать за ней. Это было бы чистой воды безумием.

С губ Тео сорвался смешок, и он сам этому удивился. Но ситуация действительно была по-своему забавной. Возможно, Ллойд был прав. Возможно, вся Вселенная представляла собой нечто вроде прочнейшего блока и время являлось постоянной величиной. О, Тео, конечно, подумывал о том, чтобы выкинуть что-нибудь такое дикое и безумное, но потом, по здравом размышлении, взвесив все «за» и «против», оценив собственные мотивы, он повел себя так, как повел бы, если бы этот вопрос перед ним вообще не стоял.

Кинолента его жизни продолжала разворачиваться на экране. Кадр за кадром отснятой киноплёнки.

21

Митико и Ллойд не планировали окончательно съезжаться до свадьбы, но после смерти Тамико Митико каждую ночь проводила у Ллойда. А в своей квартире с момента Флэшфорварда она побывала всего раз. Зашла ненадолго. И все, что она увидела, заставило ее расплакаться. Маленькие туфельки Тамико на коврике у двери, кукла Барби на стуле в гостиной (Тамико всегда усаживала свою куклу поудобнее), рисунки Тамико, прикрепленные к дверце холодильника магнитиками. В одном месте на стене Тамико написала свое имя маркером, и теперь у Митико рука не поднялась стереть эту надпись.

В общем, они жили у Ллойда, избегая воспоминаний.

Но все же Митико порой умолкала и сидела, уставившись в одну точку. Ллойд

нестерпимо было видеть ее такой печальной, но он понимал, что ничего не может поделать. Она будет горевать — возможно, всю жизнь.

И конечно, он не был полным невеждой в психологии: он прочел немало статей на тему семейных отношений и даже посмотрел несколько ток-шоу Опри и Гизеллы. Он понимал, что кое о чем говорить не следует, но порой слова сами слетали у него с языка. Разговорами он просто пытался заполнить вакуум, возникший между ним и Митико.

— Знаешь, — осторожно начал Ллойд, — ведь у тебя будет другая дочь. Твое видение...

Митико бросила на него такой взгляд, что он тут же заткнулся.

Она не произнесла ни слова, но он все прочел в ее глазах. Нельзя просто взять и заменить одного ребенка. Все дети особенные.

Ллойд это знал, хотя у него не было детей. Много лет назад он видел старое кино с участием Мики Руни под названием «Человеческая комедия»,⁵³ но ничего смешного в этом фильме не было, а к концу просмотра Ллойд решил, что и человеческого в нем не так уж много. Руни играл американского солдата, воевавшего во время Второй мировой войны в Европе. Родни у него не было, но ему очень нравилось, когда другой солдат, его сосед по казарме, читал вслух приходившие из дому письма. Через эти письма герой Руни познакомился со всеми его родственниками: братом, матерью и даже с возлюбленной. А потом этого парня убили в бою, и тот, которого играл Руни, приехал в его родной городок, чтобы передать родным его личные вещи. Возле дома он случайно столкнулся с младшим братишкой погибшего солдата и сразу узнал его, словно родного. Мальчик вбежал в дом, крича: «Мама! Солдат домой вернулся!»

И все. Дальше шли титры.

И зрители должны были, по идее, поверить, что парень, роль которого играл Руни, каким-то образом займет в сердце этой женщины место сына, павшего от немецкой пули в бою во Франции.

Это был обман. Даже подросток — а Ллойд было шестнадцать, когда он смотрел по телевизору этот фильм, — мог понять, что это обман. Один человек никогда не может заменить другого.

И вот теперь ему вдруг пришла в голову глупая мысль о том, что будущая дочь Митико сумеет каким-то образом занять в ее сердце место покойной Тамико.

— Прости, — пробормотал Ллойд.

Митико не улыбнулась. Она только чуть заметно кивнула.

Ллойд не знал, подходящий ли сейчас момент для того разговора, который был у него на уме. Всю жизнь он мучился неспособностью найти нужное время — нужный момент, чтобы назначить свидание девушке-однокласснице; нужный момент для просьбы повысить ему зарплату либо для вторжения в разговор двух людей на вечеринке, чтобы им представиться, или, наоборот, извиниться и уйти, почувствовав себя лишним. У некоторых есть подлинное чутье на подобные вещи, но только не у Ллойда.

И все же...

...и все же этот вопрос необходимо было как-то решать.

Мир приходил в себя. Люди мало-помалу возвращались к прежней жизни. Да, многие ходили с костылями; да, некоторые страховые компании уже объявили о своем банкротстве; да, точного числа погибших до сих пор не назвали. Но жизнь должна была продолжаться. Люди ходили на работу, возвращались домой, ели, смотрели кино и пытались в чем-то добиться успеха.

— Насчет свадьбы... — начал Ллойд и замолчал. Его слова повисли в воздухе.

— Да?

Ллойд выдохнул.

⁵³ Фильм 1943 года по одноименному роману Уильяма Сарояна. Режиссер — Кларенс Браун. (Прим. перев.)

— Я не знаю, кто та женщина — женщина из моего видения. Понятия не имею, кто она.

— Поэтому ты думаешь, что она может оказаться лучше меня?

— Нет, нет, нет. Конечно нет. Просто...

Он замолчал. Но Митико его слишком хорошо знала.

— Ты думаешь о том, что на планете семь миллиардов людей? И что нам просто повезло, что мы вообще встретились?

Ллойд виновато кивнул.

— Возможно, — сказала Митико. — Но если подумать о том, сколько у нас с тобой было шансов *не встретиться*, получится гораздо больше. Ты жил в Чикаго, я — в Токио, и мы оба оказались здесь, на границе Франции и Швейцарии. Это чистая случайность или судьба?

— Вряд ли можно верить в судьбу и одновременно в свободу воли, — негромко бросил Ллойд.

— Наверное, нельзя, — опустила глаза Митико. — И допустим, ты действительно не готов к браку. Многие мои друзья и подруги женились или вышли замуж, решив, что это их последний шанс. Понимаешь, возраст поджимал, и они рассуждали так: если не сейчас, то никогда. Если что и показало твое видение, так это только одно: я для тебя не последний шанс. А значит, можно расслабиться и не спешить.

— Дело не в этом, — дрожащим голосом произнес Ллойд.

— Нет? — подняла брови Митико. — Тогда принимай решение прямо сейчас. Признавайся. Мы поженимся?

Ллойд понимал, что Митико права. Вера в невозможность изменить будущее помогала ему заглушить чувство вины за случившееся. И все равно как физик он всегда придерживался именно этой позиции: пространство-время представляет собой неизменяемое пространство Минковского. То, что он собирался сделать, уже было сделано, и будущее так же неизбежно, как и прошлое.

Насколько они оба знали, никто не сообщал о видении, в котором хоть как-то упоминалось о том, что Митико Комура и Ллойд Симкоу поженились. Никто не рассказывал о том, что видел их свадебную фотографию в дорогой рамке. Фотографию, на которой были запечатлены высокий синеглазый европеец и миниатюрная японка.

Да, что бы он сейчас ни сказал, это уже было сказано и будет сказано всегда. Но Ллойд не имел ни малейшего представления о том, какой его ответ был запечатлен в пространстве-времени. Его решение — прямо сейчас, в этот момент, на этом срезе времени, на этой странице, в этом кадре фильма — было неизвестным. И Ллойд было так нелегко его озвучить, какие бы слова ни слетели с его губ, поскольку он прекрасно знал, что с неизбежностью произнесет эти слова, а вернее, уже произнес.

— Ну? — продолжала настаивать на своем Митико. — Что скажешь?

Тео засиделся на работе допоздна. Он производил очередное компьютерное моделирование злосчастного эксперимента на БАК, когда раздался телефонный звонок.

Ему сообщили о смерти Димитриоса.

Его младший брат. Мертв. Покончил с собой.

Тео пытался сдержать слезы, пытался сдержать гнев.

Воспоминания о Димитриосе проносились перед его мысленным взором. Тео вспоминал все свои плохие и хорошие поступки по отношению к младшему брату. А еще он вспоминал, как давным-давно, когда они всей семьей ездили в Гонконг, Дим потерялся, и как все тогда испугались, и какое это было горе. Тео никогда в жизни не был так счастлив, как тогда, когда увидел своего братишку на плече у полицейского, идущего по многолюдной улице навстречу матери, отцу и ему, Тео.

И вот теперь... теперь Дим был мертв. И Тео придется снова лететь в Афины — на этот раз на похороны.

Он не знал, как должен был себя чувствовать.

Он был ужасно опечален известием о смерти брата.

Но отчасти...

...отчасти он ликовал.

Не из-за того, что Дим ушел из жизни. Упаси боже!

Но тот факт, что он ушел из жизни, менял все.

У Димитриоса было видение, подтвержденное еще одним человеком. А для того чтобы он мог иметь видение, через двадцать один год он должен был быть жив.

Но если он умер сейчас, в 2009 году, то никак не мог быть живым в 2030-м.

Итак, блоковая Вселенная пошатнулась. Возможно, то, что увидели люди, действительно являлось связной картиной будущего, но это было только одно возможное будущее. Но не такое уж возможное теперь, когда в нем не было Димитриоса Прокопидеса.

Согласно теории хаоса, незначительные изменения первичных условий со временем могут иметь масштабные последствия. Теперь наверняка мир в 2030 году окажется не таким, каким предстал перед мысленным взором миллиардов людей.

Тео прошагал по коридорам центра управления БАК — мимо огромного мозаичного панно, мимо доски с первоначальным названием ЦЕРНа, мимо кабинетов, лабораторий и туалетов.

Если будущее теперь стало неопределенным, значит, все уже не обернется именно так, как показали видения. А это, в свою очередь, означало, что Тео мог прекращать свои поиски. Да, в одном из возможных будущих кто-то решил его убить. Но за ближайшие два десятка лет столько всего изменится, что наверняка все закончится не так. Может быть, он никогда не встретится с тем человеком, который убил бы его при другом варианте будущего. На самом деле этот человек может и не дожить до 2030 года. В любом случае убийство Тео утратило свою неизбежность.

И все-таки...

...и все-таки это могло случиться. Наверняка кое-что могло сложиться именно так, как предсказали видения. Те, кому не предстояло умереть насильственной смертью, могли прожить отпущенный жизнью срок. Имевшие стабильную работу могли ее сохранить. Прочные браки могли не распасться.

Нет.

Хватит сомнений. Хватит напрасной траты времени.

Тео твердо решил жить дальше, отказаться от глупого расследования и повернуться лицом к завтрашнему дню, что бы тот ему ни сулил. Естественно, он должен вести себя осторожно. Ему совсем не хотелось, чтобы одной из точек совпадения между 2030 годом из видений и тем 2030-м, который ждет впереди, стал момент его гибели. Но он будет жить дальше, постарается сделать как можно больше за время, отпущенное ему судьбой.

Жаль, что Димитриос не захотел поступить так же.

Тео не заметил, как снова оказался перед дверью своего кабинета. Он должен был позвонить кое-кому. Тому, кто должен был сначала услышать об этом от друга, пока эта новость не обрушится на него со страниц газет или с экранов телевизора.

«Что ты скажешь?»

Слова Митико повисли в воздухе.

Пора. Ллойд это знал. Пора появиться нужному кадру, моменту истины, мгновению, когда будет объявлено решение, уже записанное в пространстве-времени. Он посмотрел в глаза Митико, разжал губы...

...и тут раздался телефонный звонок.

Ллойд выругался и посмотрел на телефонный аппарат. Определитель номера высветил: «ЦЕРН БАК». Никто не стал бы так поздно звонить с работы, если бы дело не было срочным. Ллойд поднял трубку.

— Алло?

— Ллойд, это Тео.

Ллойд уже собирался сказать, что Тео не вовремя и чтобы он перезвонил позже, но не успел.

— Ллойд, мне только что позвонили. Мой брат Димитриос умер.

— О господи! — воскликнул Ллойд. — О боже!

— Что случилось? — спросила Митико, широко раскрыв глаза.

Ллойд прикрыл рукой микрофон.

— Брат Тео умер.

Митико прижала ладонь к губам.

— Он покончил с собой, — произнес Тео. — Передозировка снотворного.

— Мне так жаль, Тео, — сказал Ллойд. — Я могу... Могу я как-то помочь?

— Нет. Нет. Ничего не нужно. Просто я подумал, что нужно срочно сообщить тебе об этом.

Ллойд не понял, что Тео имел в виду.

— Ммм... Спасибо, — смущенно отозвался он.

— Ллойд, у Димитриоса было видение.

— Что? О-о... — Долгая пауза. — О-о-о...

— Он сам мне рассказывал.

— Он мог придумать.

— Ллойд, это мой *брат*. Он ничего не придумывал.

— Но не может быть, чтобы...

— Ты знаешь, он не единственный. Были и другие сообщения. Но тут все правда. В своем видении он работал официантом в ресторане, в Греции. И тот человек, который будет управлять рестораном в две тысячи тридцатом году, управляет им сейчас. Он видел Димитриоса в своем видении. И Дим его видел. Когда об этом сообщат в новостях...

— Я... О, черт! — выругался Ллойд. У него взволнованно забилось сердце. — Черт!

— Прости, — сказал Тео. — Ты же понимаешь, что для прессы это настоящая бомба. — Пауза. — Потому-то и решил, что тебя следует предупредить.

Ллойд пытался успокоиться. Как он мог так ошибаться?!

— Спасибо, — выдавил он наконец и вдруг спохватился: — Послушай, послушай, это совершенно не важно. Ты сам-то как? В порядке?

— Все нормально.

— Если тебе тяжело быть одному, мы с Митико можем приехать.

— Нет, все в порядке. Франко делла Роббиа еще здесь, в ЦЕРНе. Я побуду с ним.

— Хорошо, — согласился Ллойд. — Хорошо. — Он немного помедлил. — Послушай, я должен...

— Понимаю, — сказал Тео. — До свидания.

— До свидания.

Ллойд положил трубку.

Он никогда не встречался с Димитриосом Прокопидесом. Тео редко говорил о своем брате. В этом не было ничего удивительного. Ллойд тоже не часто упоминал свою сестру Долли в разговорах с сотрудниками. Брат Тео умер. Люди то и дело умирали, но...

— Бедный Тео, — сокрушенно покачала головой Митико. — И его брат... бедняга.

Ллойд посмотрел на нее. Она сама потеряла дочь, но сейчас, в эту минуту у нее хватило душевных сил для сочувствия человеку, которого она никогда в жизни не видела.

Сердце Ллойда по-прежнему учащенно билось. Слова, которые он был готов произнести до того, как зазвонил телефон, все еще эхом звучали у него в голове. О чем он думал сейчас? О том, что хочет продолжать играть по правилам? Что не готов вступить в брак? Что должен узнать, кто эта женщина из его видения, найти ее, познакомиться с ней и сделать осознанный выбор между ней и Митико?

Нет.

Нет-нет, все не то. Не может быть, чтобы он хотел это сказать.

Он думал вот о чем: «Какой же я идиот!»

Он думал вот о чем: «Как у нее хватает терпения!»

И еще он думал: «Возможно, предупреждение о том, что наш брак не обязательно продлится вечно, — самое лучшее, что могло случиться». Как любая пара, они с Митико верили, что будут вместе, покуда смерть не разлучит их. Но теперь он, как никто другой, понимал, причем намного лучше, чем другие дети из распавшихся семей, что браки *не обязательно* длятся вечно. Браки длятся вечно только тогда, когда супруги каждое мгновение своей жизни борются за это и трудятся ради этого. Ллойд понимал: если он собирается жениться, это должно стать для него самым главным в жизни. Не карьера, не треклятая Нобелевская премия, не рецензии на его работы, не гранты.

Она.

Митико.

Митико Комура.

Или... Или Митико Симкоу.

В семидесятые годы, когда Ллойд еще учился в школе, женщины начали мало-помалу расставаться с извечной традицией при вступлении в брак брать фамилию мужа. Однако и сейчас многие все же расставались с девичьей фамилией. Они с Митико это обсуждали, и она сказала, что хочет взять его фамилию. Конечно, фамилия Симкоу была не так музыкальна, как Комура, но Митико решила пойти на эту маленькую жертву.

Но нет.

Нет, она не должна была брать его фамилию. Сколько разведенных женщин жили не под девичьей фамилией, а под фамилией человека, с которым давным-давно расстались, и эта фамилия каждый день напоминала об ошибке молодости, об утраченной любви, о боли? Правда, девичья фамилия у Митико была не Комура, а Окава. Комура — это была фамилия Хироси.

И все же она должна была сохранить эту фамилию. Она должна была остаться Комура, чтобы Ллойд ни на день не забывал о том, что она не его собственность, что он обязан работать над их браком, что их завтрашний день — в его руках.

Он смотрел на нее. Безупречно гладкая кожа, притягательные глаза, черные как смоль волосы.

Все это, конечно, со временем изменится. Но Ллойд даже хотелось увидеть эти изменения, пережить с Митико и лето, и осень, и зиму жизни.

Да, с ней.

И Ллойд Симкоу сделал то, чего не сделал с самого начала. О, конечно, он подумал об этом тогда, но решил, что это глупо и старомодно.

А теперь ему захотелось сделать это. Это было просто необходимо.

Он опустился на одно колено.

Он взял Митико за руку.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

И сказал:

— Ты выйдешь за меня?

В первую минуту Митико растерялась. Но тут же радостно улыбнулась и почти шепотом ответила:

— Да.

Ллойд часто заморгал. Слезы навернулись на глаза.

Будущее должно было стать прекрасным.

22

Десять дней спустя. Среда, 6 мая 2009 года

Как ни странно, Гастона Беранже оказалось довольно легко убедить в необходимости повторения эксперимента на БАК. Он, естественно, считал, что терять им абсолютно нечего. При этом, если попытка окажется неудачной, крайне сложно будет доказать, что ЦЕРН

повинен во всех смертях и разрушениях, вызванных Флэшфорвардом.

И вот теперь должен был наступить момент истины.

Ллойд поднялся на трибуну из полированного дерева. За его спиной красовалась эмблема Организации Объединенных Наций — огромный земной шар с лавровой ветвью. От волнения у Ллойда пересохло во рту. Он дотронулся до металлической окантовки трибуны и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Наклонившись к микрофону, он произнес:

— Я хотел бы поблагодарить...

Его поразило то, как хрипло звучит его голос. Но, черт побери, он обращался к компании самых могущественных политиков мира. Ллойд сглотнул сжавший горло ком и начал снова:

— Я хотел бы поблагодарить Генерального секретаря ООН Стивена Льюиса за то, что он позволил мне обратиться к вам сегодня.

Почти половина делегатов слушали перевод выступления Ллойда в наушниках.

— Дамы и господа, я доктор Ллойд Симкоу, уроженец Канады. В данный момент живу во Франции и работаю в ЦЕРНе — Европейском центре ядерных исследований. — Он немного помедлил. — Как вы уже, без сомнения, слышали, явление смещения сознания во времени, по всей видимости, было вызвано экспериментом, проводившимся в ЦЕРНе. Дамы и господа, я понимаю, что на первый взгляд мое предложение покажется безумным, но я приехал сюда для того, чтобы попросить у вас, представителей правительств разных стран, разрешения на повторение эксперимента.

Зал сразу загудел. Раздалась разноязычная какофония — еще более разнообразная, чем та, какую порой можно было услышать в столовых ЦЕРНа. Конечно, все присутствующие в общих чертах уже знали, о чем будет говорить Ллойд, — никто не выступал в ООН без множества предварительных обсуждений. Зал Генеральной Ассамблеи был огромен. Ллойд плохо различал отдельные лица, но все же успел заметить, что его просьба вызвала гнев у одного из делегатов от России и ужас у немцев и японцев. Ллойд бросил взгляд на Генерального секретаря, импозантного белого мужчину семидесяти двух лет. Господин Льюис подбадривающе ему улыбнулся, и Симкоу продолжил:

— Возможно, нет причины делать это. Судя по всему, теперь у нас есть прямые доказательства того, что грядущее, представшее перед нами в видениях, не сбудется — по крайней мере, точь-в-точь. И все же не приходится сомневаться в том, что очень многие люди действительно увидели свое реальное будущее в этих видениях.

Он сделал небольшую паузу.

— Мне вспоминается повесть английского писателя Чарльза Диккенса «Рождественская песнь». У героя этой повести Эбенезера Скруджа было видение грядущего Рождества, во время которого многие люди пострадали из-за его дурных поступков, а его стали ненавидеть и презирать до конца его жизни. Безусловно, такое видение ужасно — если, конечно, оно относилось к единственному, неизменному будущему. Но Скруджу было сказано, что увиденное им будущее — всего лишь логическая экстраполяция его жизни, если он будет продолжать вести себя в том же духе. Но он мог изменить свою жизнь и жизнь окружающих его людей к лучшему. И этот взгляд в будущее стал толчком к чудесным превращениям.

Ллойд сделал глоток воды и продолжал:

— Однако видение посетило Скруджа в особенный день — перед Рождеством. Не всем нам было суждено увидеть какие-то значительные события; многие видели совершенно банальные вещи или отчаянно непонятные. На самом деле почти треть населения Земли во время Флэшфорварда спала и видела сны или просто темноту. — Ллойд замолчал и пожал плечами, словно сам не знал, какой из этого сделать вывод. — Мы полагаем, что сумеем воспроизвести возможность видений. Мы сможем дать человечеству новый шанс заглянуть в будущее. — Ллойд предупреждающе поднял руку. — Я знаю, что правительства некоторых стран были огорчены пророчествами, что многое им не понравилось, но теперь, когда мы знаем, что будущее не фиксировано, я надеюсь, вы позволите нам еще раз преподнести этот

подарок, этот «эффект Скруджа» всем народам мира. Мы верим, что ваше участие, дамы и господа, участие правительств ваших стран поможет нам провести эксперимент безопасно. Решать вам.

Ллойд вышел из высоких застекленных дверей здания Генеральной Ассамблеи. От нью-йоркского воздуха у него пощипывало глаза. Проклятье, американцы должны срочно с этим что-то делать: судя по видениям, к 2030 году ситуация с загрязнением воздуха станет еще хуже. Серое небо было расчерчено инверсионными следами самолетов. Толпа репортеров — человек пятьдесят — бросилась навстречу Ллойд с камерами и микрофонами.

— Доктор Симкоу! — выкрикнул один из них, пожилой белый мужчина. — Доктор Симкоу! Что будет, если сознание людей не вернется в настоящее время? Что, если мы все застрянем в будущем?

Ллойд устал. Так сильно он не волновался, выступая перед многочисленной аудиторией, со времени защиты докторской диссертации. Больше всего на свете ему хотелось поскорее вернуться в гостиничный номер, выпить хорошую порцию виски и лечь спать.

— У нас нет причин полагать, что такое может случиться, — ответил Ллойд. — Видения, судя по всему, — абсолютно временное явление, начавшееся в тот момент, когда мы начали эксперимент по столкновению частиц, и закончившееся, как только мы его прекратили.

— А как насчет родственников тех людей, которые могут погибнуть на этот раз? Вы готовы взять на себя личную ответственность?

— Не гонитесь ли вы попросту за дешевой популярностью?

Ллойд вдохнул побольше воздуха. Он действительно ужасно устал, у него разболелась голова.

— Господа и дамы — я намеренно переставляю эти обращения, — вы, по всей видимости, привыкли брать интервью у политиков, которые никогда не теряют присутствия духа, и отсюда этот угрожающий тон. А я не политик. Помимо всего прочего, я профессор университета и привык к цивилизованным дебатам. Если вы не научитесь задавать вопросы вежливо, я с вами беседовать не стану.

— Но, доктор Симкоу, разве это неправда, что все смерти и разрушения на вашей совести? Разве не вы разработали этот неудачный эксперимент?

— Я не шучу, — не повышая голоса, ответил Ллойд. — Я уже вполне достаточно наобщался с представителями массмедиа. Еще один дурацкий вопрос — и я уйду.

Повисла тягостная тишина. Репортеры озадаченно переглядывались.

— Но гибель всех этих людей... — начал было один из них.

— Ну все, — буркнул Ллойд. — Я ухожу.

— Подождите! — крикнула женщина-репортер.

— Стойте! — выкрикнул мужчина.

— Только если вы будете задавать мне разумные, цивилизованные вопросы, — обернувшись, отрезал Ллойд.

После секундной растерянности чернокожая американка почти робко подняла руку.

— Да? — сказал Ллойд.

— Доктор Симкоу, как вы думаете, какое решение примет ООН?

Ллойд кивнул. Этот вопрос показался ему приемлемым.

— Честно говоря, не знаю. Я нутром чувствую, что нам действительно стоит попытаться воспроизвести эксперимент. Но я ученый, получение новых результатов — моя профессия. Думаю, все люди Земли хотят этого, но не знаю, услышат ли мировые лидеры глас народа.

Тео тоже прилетел в Нью-Йорк. Они с Ллойдом в тот вечер ужинали в ооновской гостинице «Плаза-Парк Хай-атт», в ресторанчике, где подавали блюда из экзотических

морепродуктов.

— У Митико скоро день рождения, — заметил Тео, надломив клешню лангуста.

— Я помню, — кивнул Ллойд.

— Не хочешь устроить для нее вечеринку с сюрпризом?

— Нет, — подумав, ответил Ллойд.

Тео посмотрел на него так, словно хотел сказать: «Если бы ты ее любил, то обязательно устроил бы такую вечеринку».

Ллойд не хотелось объяснять, почему ему этого не надо. Раньше он никогда особо не задумывался на эту тему, а сейчас понял, словно всегда знал. Вечеринки с сюрпризом были обманом. Ты делаешь вид, будто забыл о дне рождения возлюбленной. Ты ее нарочно огорчаешь, портишь ей настроение. Она начинает чувствовать себя забытой, ненужной. Короче, ты лжешь — лжешь! — своей любимой вплоть до самого дня рождения. И все это для того, чтобы в тот момент, когда все вокруг закричат: «Сюрприз!» — твоя подруга почувствовала себя любимой.

Ллойд не желал преподносить Митико такие сюрпризы. Она будет знать о его любви каждый день, каждую минуту, ее уверенность в нем будет непоколебимой. Его любовь будет с ней всегда, до самой смерти.

И конечно, он никогда не станет ей лгать. Даже ради ее блага.

— Ты уверен? — спросил Тео. — Буду рад помочь с организацией вечеринки.

— Нет, — покачал головой Ллойд. Тео был так молод, так наивен. — Нет, спасибо.

23

Дебаты в ООН продолжались. В Нью-Йорке Тео получил новый ответ на объявление о поиске информации относительно своего убийства. Он собрался было ограничиться коротким вежливым ответом — ведь он твердо решил отказаться от расследования, — но письмо было слишком притягательным.

«Я не написал вам сразу, — говорилось в нем, — так как поверил, что будущее не изменить и того, что должно случиться, не избежать — в том числе и моей роли в этом. Но теперь я прочел, что все не так, потому вынужден просить вас о помощи».

Электронное письмо пришло из Торонто — всего час полета от Большого Яблока. Тео решил немедленно отправиться туда и лично встретиться с тем, кто ему написал. Тео прежде никогда не бывал в Канаде и оказался не совсем готов к тамошней летней жаре. Хотя, конечно, по средиземноморским меркам, не такое уж пекло, не выше тридцати пяти по Цельсию. И все же он был удивлен.

Чтобы билеты обошлись подешевле, Тео пришлось заночевать в Торонто, хотя он собирался управиться за день. Агент в авиакомпании предложил ему остановиться в гостинице в Данфорте — районе, где жили в основном греки. Тео согласился и, к большой радости, обнаружил, что указатели в этой части города двуязычные: на английском и на греческом.

Однако встреча ему была назначена не в Данфорте, а в Северном Йорке — районе, который когда-то явно был самостоятельным городом, но потом влился в Торонто, население которого теперь достигло трех миллионов. На следующий день Тео доехал до Северного Йорка на метро. Его позабавил тот факт, что система общественного транспорта в Торонто называлась ТТК — Торонтская транзитная комиссия. Точно такое же сокращение использовали для обозначения тахион-тардионного коллайдера, который ему еще только предстояло изобрести.

Вагоны поездов метро были просторными и чистыми, хотя, как слышал Тео, в часы пик народа в них набивалось порядочно. Его особенно поразило, когда поезд подземки — это название тут совсем не годилось — проезжал над парковой зоной Дон-Вэлли по мосту высотой не менее ста метров. Вид открывался потрясающий, но самым удивительным было то, что мост через Дон-Вэлли был построен за несколько десятков лет до того, как в Торонто

пустили первую линию метро, и тем не менее конструкция моста позволила проложить по нему двухколейную систему рельсов. Не часто увидишь примеры такой дальновидности при перспективном планировании городов.

На станции Йондж Тео сделал пересадку и поехал к центру Северного Йорка. Для того чтобы попасть в высотный жилой дом, где его ждал автор письма, ему не пришлось даже выходить на улицу — станция находилась прямо под домом. В этом жилом комплексе располагался также книжный супермаркет сети «Индиго», кинотеатр и крупный элитный продуктовый магазин «Лоблоз», специализировавшийся на продуктах питания под громким названием «Выбор президента». Это немного удивило Тео. По идее, правильнее было бы назвать эту линию «Выбор премьер-министра».⁵⁴

Тео представился консьержу, который провел его через отделанный мрамором вестибюль к лифтам. Тео поднялся на тридцать пятый этаж, без труда нашел нужную квартиру и постучал в дверь.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет шестидесяти пяти, с азиатскими чертами лица.

— Здравствуйте, мистер Чэн, — сказал Тео. — Спасибо, что согласились повидаться со мной.

— Прошу вас, входите.

Хозяин квартиры отошел в сторону и пропустил Тео вперед. Тео снял туфли и вошел в роскошную квартиру. Чэн провел Тео в гостиную с окнами на юг. Вдали виднелись небоскребы в центре Торонто, стройная игла телебашни, а еще дальше — озеро Онтарио, раскинувшееся до горизонта.

— Я очень вам благодарен за ваше письмо, — начал Тео. — Можете себе представить, как мне было тяжело.

— Не сомневаюсь, — кивнул Чэн. — Хотите чаю? Кофе?

— Нет, ничего не нужно, благодарю вас.

— Что ж, — сказал Чэн, — тогда прошу садиться.

Тео сел на диван, обтянутый оранжевой кожей. На столике рядом с диваном стояла расписная фарфоровая ваза.

— Какая красивая! — воскликнул Тео.

Чэн кивнул в знак согласия.

— Эпоха династии Мин, естественно. Этой вазе почти пятьсот лет. Скульптура — величайшее из искусств. Стоит языку выйти из употребления, и письменный текст да и печатный тоже утрачивают смысл, а вот материальные объекты, пережившие столетия или тысячелетия, бесценны. Сегодня каждый способен оценить красоту древнекитайских, древнеегипетских и ацтекских артефактов. Я коллекционирую и те, и другие, и третьи. Каждый из мастеров, кто изготовил эти предметы, до сих пор живет в своих творениях.

Тео издал нечленораздельный звук и откинулся на спинку дивана. На стене напротив висела картина маслом. Залив Цзюлун. Тео кивком указал на картину:

— Гонконг.

— Да. Вы там бывали?

— В тысяча девятьсот девяносто шестом году, мне тогда было четырнадцать, родители взяли отпуск и повезли нас с братом туда. Они хотели, чтобы мы увидели Гонконг до того, как он перейдет в руки коммунистического Китая.

— Да, те последние два-три года были на редкость благоприятными для туризма, — заметил Чэн. — Но как раз в это время многие покидали страну. Я сам тогда эмигрировал из Гонконга в Канаду. В то время почти двести тысяч уроженцев Гонконга перебрались сюда. До того, как британцы вернули нашу страну китайцам.

⁵⁴ Канада — член Британского содружества наций. Главой государства официально является королева Великобритании Елизавета II. Президента в Канаде нет. (Прим. перев.)

— Я бы, наверное, тоже уехал, — произнес сочувственным тоном Тео.

— Те из нас, кто мог себе это позволить, уехали. И, судя по видениям некоторых людей, через двадцать один год обстановка в Китае не станет лучше. Поэтому я рад, что уехал. Мне была нестерпима мысль о потере свободы. — Чэн немного помолчал. — Но вы, мой юный друг, можете потерять еще больше. Честно говоря, я думал, что через двадцать один год буду давно в могиле, а потому с радостью узнал, что если у меня было видение, то, значит, к тому времени я еще не умру. И поскольку в видении я чувствовал себя довольно бодрым, то, видимо, проживу еще дольше. Ваша жизнь может оборваться. В моем видении, как я сообщил вам в письме, упоминалось ваше имя. Прежде я никогда о вас не слышал. Прошу меня извинить. Но ваше имя звучало настолько музыкально — Теодосиос Прокопидес, — что я его сразу запомнил.

— Вы пишете, что в вашем видении кто-то обсуждал с вами планы меня убить.

— Зловещие планы, если точнее. Но я также упомянул о том, что больше мне практически ничего не известно.

— Я вам верю, мистер Чэн. Но если бы я сумел разыскать человека, который с вами беседовал в вашем видении... Он наверняка знает больше.

— Но, как я уже говорил, этот человек мне незнаком.

— А вы не могли бы его описать?

— Конечно. Белый. Белокожий, как жители Северной Европы, а не с оливковой кожей, как у вас. Не старше пятидесяти лет, а значит, сейчас он почти ваш ровесник. Мы говорили по-английски. Он — с американским акцентом.

— Американских акцентов множество, — заметил Тео.

— Да, да, — согласился Чэн. — Он говорил как выходец из Новой Англии. Может быть, он родом из Бостона.

Ллойд в своем видении находился в Новой Англии, но чтобы Чэн разговаривал с Ллойдом — нет, невозможно. Ведь Ллойд в это время лежал в постели с какой-то старушенцией...

— Что еще вы могли бы сказать о речи этого человека? Как вам показалось, это была речь культурного человека?

— Да, пожалуй. Он употребил слово «встревоженный». Не такое уж редкое слово, но безграмотный человек его вряд ли бы произнес.

— Что именно он говорил? Вы можете вспомнить разговор?

— Попытаюсь. Мы находились в квартире. В Северной Америке. Это я понял по тому, как выглядели электрические розетки. Мне все время кажется, что они здесь похожи на удивленных детишек. В общем, этот человек сказал: «Он убил Тео».

— Тот, с кем вы разговаривали, убил меня?

— Нет. Нет, я его цитирую. Он сказал: «Он убил Тео». А я спросил: «Какого Тео?» Он ответил: «Ты знаешь, какого. Теодосиоса Прокопидеса». Я сказал: «Ах, да». Именно так и сказал: «Ах, да». Во всяком случае стало ясно, что я буду знать вас — или о вас — в две тысячи тридцатом году.

— Продолжайте.

— А потом мой собеседник мне сказал: «Он нас опередил».

— Я... прошу прощения?

— Он сказал: «Он нас опередил». — Чэн сокрушенно покачал головой. — Да, я понимаю, как это звучит. Получается, что у нас с моим собеседником тоже были планы покуситься на вашу жизнь. — Старик развел руками. — Доктор Прокопидес, я богатый человек. А если честно, то очень богатый. Я не стану вам говорить, что такого богатства не добьешься, если не будешь безжалостным, так как мы оба знаем: это не так. Я много лет достаточно круто обходился с конкурентами, а порой балансировал на грани закона. Но я не только бизнесмен. Я еще и христианин. — Он поднял руку. — Пожалуйста, не бойтесь, я не стану читать вам проповеди. Знаю, в некоторых кругах на Западе открыто утверждают, что вера рождает дискомфорт. Словно вера — это нечто такое, о чем не принято говорить в

приличном обществе. Я упомянул о том, что я христианин только для того, чтобы сказать: я, может, жесткий человек, но все же богобоязненный. Я ни за что не стал бы замышлять убийство. Я уже сейчас не первой молодости и не собираюсь менять свои моральные устои. Не думаю, что под конец жизни изменю заповедям, которые соблюдаю с детства. Я понимаю, о чем вы сейчас думаете. Фраза «Он нас опередил» может означать, что кто-то убил вас раньше, чем это успели сделать мои подручные. Но повторяю еще раз: я не убийца. К тому же вы, насколько мне известно, физик, а следовательно, у нас с вами очень мало общего. Я в основном занимаюсь инвестициями в недвижимость и биологические исследования: в фармацевтику, генную инженерию и так далее. Сам я не ученый, как вы, наверное, успели понять. Просто капиталист. Но думаю, вы согласитесь со мной в том, что физик вряд ли может стать помехой в моей деятельности. Как я уже сказал, я не киллер. Но как бы то ни было, цитирую дословно: «Он нас опередил».

Тео задумчиво смотрел на Чэна.

— Если все обстоит так, — произнес он, тщательно подбирая слова, — почему вы рассказываете мне об этом?

Чэн кивнул. Он словно бы ожидал этого вопроса.

— Люди обычно не обсуждают планы убийства с намеченной жертвой. Но, как я уже сказал вам, доктор Прокопидес, я христианин, а потому верю, что на карту поставлена не только ваша жизнь, но и моя душа. У меня нет ни малейшего желания оказаться даже косвенно причастным к такому греховному делу, как убийство. И поскольку будущее *можно* изменить, я хочу его изменить. Вы идете по следу того, кто хочет вас убить. Если вы сумеете предотвратить вашу смерть от рук этого человека, кем бы он ни был, вам может грозить смерть от рук моих людей. И я решил вам все откровенно рассказать в надежде, что тогда вы постараетесь избежать смерти не только от пули — а ведь вас застрелили из пистолета, так ведь? — какого-то незнакомого мне человека, но и от руки тех, кто каким-то боком связан со мной. Я не хочу запачкать руки ни вашей кровью, ни чьей бы то ни было.

Тео тяжело вздохнул. В том, что его захочет прикончить один человек, уже приятного мало, но как минимум две конкурирующие стороны, желающие отнять у него жизнь, — это уж слишком!

Может, старик Чэн сошел с ума. Но нет, не похоже. И все же... через двадцать один год сколько ему исполнится?

— Простите за нескромный вопрос, — произнес Тео, — но я хотел бы знать, когда вы родились?

— Конечно. Двадцать девятого февраля тысяча девятьсот тридцать второго года. Сейчас мне девятнадцать лет.

Тео вытаращил глаза. Нет, он действительно разговаривал с сумасшедшим. Но тут он заметил улыбку на лице старика.

— Понимаете, у меня день рождения раз в четыре года. А если серьезно, мне семьдесят семь лет.

Он оказался значительно старше, чем на первый взгляд, и — о господи! — это означало, что в 2030-м ему будет девяносто восемь.

У Тео мелькнула мысль. Он беседовал со многими людьми, которые в 2030 году спали. А сон от реальности порой отличить не так уж легко. Но если Чэну в видении будет девяносто восемь... возможно, к тому времени он будет страдать болезнью Альцгеймера? Мало ли какие мысли могут возникнуть у старого маразматика?

— Я избавлю вас от следующего вопроса, — сказал Чэн. — У меня отсутствует ген болезни Альцгеймера. Я не меньше вас удивлен, что через двадцать один год буду еще жив и, похоже, переживу такого молодого человека, как вы.

— Вы действительно родились двадцать девятого февраля? — спросил Тео.

— Да. Это не такая уж редкость. Почти у пяти миллионов человек день рождения приходится на эту дату.

— Итак, — задумчиво произнес Тео, — этот человек сказал вам: «Он нас опередил». А

вы ему что ответили?

— Я сказал... Прошу прощения за эти слова... «Не имеет значения».

Тео нахмурился, но промолчал.

— А потом, — продолжал Чэн, — я добавил: «Кто следующий?» На это мой собеседник ответил: «Королев». Русская фамилия. Верно? Она вам что-нибудь говорит.

— Нет. — Пауза. — Значит, вы собирались... собираетесь ликвидировать и этого Королева?

— Очевидно, да. Но я понятия не имею, кто этот мужчина... или женщина?

— Мужчина.

— Вы только что сказали, что не знаете, кто это такой.

— Не знаю. Но «Королев» — это мужская фамилия. Фамилия женщины была бы «Королева».

— Понятно, — кивнул Чэн. — В любом случае, после того как мой собеседник произнес эту фамилию, я сказал: «Наверное, за ним все охотятся». А мой собеседник ответил: «Зря ты так тревожишься, Убу». Убу — это мое прозвище. Так меня называют только самые близкие друзья, но я еще раз повторяю: своего собеседника из видения я не знаю. «Зря ты так тревожишься, Убу, — сказал он. — Того человека, который убрал Прокопидеса, вряд ли интересует Королев». А я сказал: «Хорошо. Проследи за ним, Даррил». Видимо, так звали моего собеседника. Он собрался мне что-то ответить, но в этот момент я внезапно вернулся сюда, в две тысячи девятый год.

— Это все, что вам известно? Вы и некто по имени Даррил будете охотиться за людьми, включая меня и какого-то Королева, но кто-то другой, кого этот Королев не слишком интересует, убьет меня первым?

Чэн виновато пожал плечами. Он то ли сожалел, что ему больше нечего сообщить Тео, то ли действительно переживал из-за того, что в будущем почему-то возжелает его смерти.

— Это все.

— А этот Даррил, случайно он не был похож на боксера? Ну, знаете, на профессионала?

— Нет. Я бы скорее заметил, что телосложение у него было хилое.

Тео в отчаянии откинулся на спинку дивана.

— Спасибо за все, что вы мне рассказали, — наконец заявил он.

— Это самое малое, что я мог для вас сделать, — ответил Чэн. Он немного помолчал. Похоже, думал, стоит ли продолжать. Наконец он произнес: — Душа бессмертна, доктор Прокопидес. Религия учит нас тому, что за все наши дела нам воздастся по справедливости. Я подозреваю, что вас ожидают великие свершения и вы получите свою награду, если только, конечно, постараетесь прожить подольше. Окажите себе услугу... Окажите услугу *нам обоим* : не бросайте ваши поиски!

24

Вернувшись в Нью-Йорк, Тео рассказал Ллойд о своей встрече с Чэном. Это потрясло Ллойда не меньше самого Тео. Ллойд с Тео пробыли в Нью-Йорке еще восемь дней. Все это время в ООН шли жаркие дебаты по поводу их предложения.

Китай выступил в пользу разрешения повторить эксперимент. Хотя теперь было ясно, что будущее имеет фиксированный характер, мало кого в этой стране радовал тот факт, что в своих видениях люди увидели тоталитарное правительство, которое и через двадцать лет будет держать народ в ежовых рукавицах. В связи с этим уже сейчас в стране мощно всколыхнулось диссидентское движение. Словом, для Китая этот вопрос был ключевым. Существовали только две возможные версии будущего: либо коммунистическая диктатура удержится у власти, либо нет. Если и вторая серия видений покажет, что нынешний режим не будет свергнут даже при условии, что люди будут знать о возможности изменить будущее, то диссидентское движение, естественно, будет подавлено. Типичный пример

развития событий, названный в газете «Нью-Йорк таймс» «Taking a Dim view of the future»,⁵⁵ то есть «пессимистичной оценкой будущего», в честь Димитриоса Прокопидеса, который, решив, что никогда не сумеет изменить свое будущее, предпочел уйти из жизни.

Но если новые видения покажут, что коммунистическая диктатура в Китае пала? Тогда все будет, по крайней мере, не хуже, чем до первого Флэшфорварда. Будущее останется под вопросом. С точки зрения пекинских властей, игра стоила свеч.

Посланники Европейского союза также склонялись к консолидированному голосованию за повторение эксперимента, причем по двум причинам. Если эксперимент ничего не даст, то можно будет положить конец бесконечному потоку судебных исков против ЦЕРНа и стран, являющихся участницами этой научной организации. А если эксперимент пройдет успешно — что ж, эту порцию видений человечество получит бесплатно, а потом их можно будет продавать ему по миллиарду евро за сеанс. Конечно, и другие страны могли попытаться построить ускорители, способные получать такие же энергии, как БАК, однако первая серия видений продемонстрировала мир, в котором уже имелось достаточное число тахион-тардионных коллайдеров. Но как бы то ни было, все понимали, что вызвать видения не так уж просто. Если во Флэшфорварде был повинен ЦЕРН, то на этом учреждении лежала поистине *уникальная* ответственность. Флэшфорвард произошел в результате некой специфической комбинации параметров, которую вряд ли можно было воспроизвести на другом ускорителе.

Больше всего возражали против повторения эксперимента представители стран Западного полушария. Именно там большинство людей бодрствовало в те мгновения, когда их сознание переметнулось в 2030 год. Именно там насчитывали наибольшее число раненых и погибших. Возражения были продиктованы в основном размером причиненного ущерба и опасениями насчет того, что вторая серия видений может сопровождаться чем-то подобным.

Ущерб для стран Восточного полушария был не так велик — там на момент Флэшфорварда более девяноста процентов населения спали или, по крайней мере, лежали в постели. Случаев гибели людей отмечено немного, урон частной собственности минимален. И естественно, представители этих стран полагали, что при условии заблаговременного широкого оповещения о проведении нового эксперимента большого риска для людей не будет. На взгляд этих делегатов Ассамблеи ООН, возражения против повтора эксперимента носили скорее эмоциональный, нежели рациональный характер. И действительно, опросы населения, проводившиеся по всему миру, свидетельствовали о том, что люди, пережившие видения, были даже рады неожиданному приключению, хотя, как было доказано, видения не являются точным отражением будущего. Миру дали понять, что будущее можно изменить, и те, кому собственное будущее в видении не пришлось по вкусу, радовались новой возможности заглянуть в завтрашний день еще больше тех, у кого в грядущем все было в порядке.

И хотя у Папы Бенедикта XVI официального голоса в Генеральной Ассамблее ООН не было, он внес свой вклад в дебаты, объявив, что видения полностью совпадают с доктриной католической церкви. После Флэшфорварда посещаемость церковных служб невероятно возросла, и это не могло не повлиять на мнение понтифика.

Премьер-министр Канады также одобрил повторение эксперимента, поскольку видения показали, что к 2030 году Квебек останется в составе страны. Президент Соединенных Штатов не выражал слишком большого энтузиазма: хотя, судя по видениям, Америка через двадцать лет сохранит господствующее положение в мире, советники президента были серьезно озабочены тем, что первая порция видений значительно сказалась на уровне национальной безопасности. Многие люди, даже дети, которые пока не давали клятву хранить государственные тайны, в видениях получили доступ к всевозможной засекреченной

⁵⁵ Игра слов. Имя Дим (Dim) звучит и пишется так же, как английское слово dim — тусклый, туманный, пессимистичный. (Прим. перев.)

информации. И, конечно, демократы были крайне недовольны тем, что в 2030 году к власти должен был прийти республиканец Франклин Хэпгуд, в настоящее время являвшийся профессором политологии в Университете Пердью.

Словом, американская делегация упорно выступала против повторения эксперимента. «Мы до сих пор хороним наших погибших», — заявил один из делегатов. А вот японская делегация возражала американцам, утверждая, что даже если видения не отражают *реальное* будущее, то они явно говорят о таком будущем, над которым можно *поработать*. Соединенные Штаты, большинство жителей которых пережили не затуманенные сном осмысленные видения, пытались прибрать к рукам технологические преимущества, почерпнутые из видений. Первый Флэшфорвард произошел в Лос-Анджелесе утром, в одиннадцать часов двадцать одну минуту, в Нью-Йорке — днем, в два часа двадцать одну минуту, а в Токио — глубокой ночью, в три часа двадцать одну минуту. Видениями большинства японцев были сны в будущем. Америка пыталась присвоить себе все новые технологии, все изобретения, представшие ее гражданам в видениях. Японии и все прочие страны Восточного полушария несправедливо оставляли без куска пирога.

Этот момент не устраивал и делегатов от Китая. Они, по-видимому, ждали, чтобы кто-нибудь поднял данный вопрос. Флэшфорвард произошел ночью, в два часа двадцать одну минуту по пекинскому времени; большинство китайцев в это время спали и видели сны.

«Если удастся снова вызвать Флэшфорвард, — говорили представители Китая, — эксперимент следует начать на двенадцать часов позже, чем в прошлый раз. Тогда, если сознание людей снова совершит скачок на двадцать один год, шесть месяцев, два дня и два часа в будущее, жители Восточного полушария получат преимущество, и это будет справедливо».

Правительство Японии горячо поддержало Китай по этому вопросу. Индия, Пакистан и обе Кореи выступили «за».

Восток, пожалуй, был прав насчет того, что Америка пыталась захватить преимущества технологии будущего: представители США упрямо выступали за то, чтобы повтор эксперимента был назначен на то же самое время дня. Своим аргументам они пытались придать наукообразие: повторение, дескать, есть повторение, а поэтому следует по возможности сохранить все параметры первого эксперимента.

Ллойда Симкоу снова пригласили выступить перед Генеральной Ассамблеей по этому вопросу.

— Я был бы решительно против любого неоправданного изменения какого-либо фактора, — заявил он, — но, поскольку у нас до сих пор нет четкой рабочей модели явления, я не могу категорически утверждать о том, что имеется какое-то принципиальное различие во времени проведения эксперимента. В конце концов, Большой адронный коллайдер надежно защищен от утечек излучения, эта защита также уберегает его от проникновения солнечной и всех прочих видов радиации. Однако я считаю, что время эксперимента менять не стоит.

Делегат от Эфиопии заметил, что Симкоу — американец, а потому, видимо, лоббирует интересы Америки. В ответ Ллойд заявил, что он канадец, но африканца этот довод не убедил. Канада тоже выиграла больше других благодаря тому, что ее граждане увидели будущее, так сказать, при свете дня.

Исламский мир воспринял видения скорее как *Илхам* (непосредственное божественное руководство для разума и души), нежели как *Вахи* (божественное откровение, в котором перед человеком предстает реальное будущее), которое, по определению, даровалось только пророкам. То, что видения отражали такое будущее, которое можно было изменить, по-видимому, не слишком противоречило учению ислама, и, хотя лидерам мусульманских стран аллегория на тему Скруджа не была близка, понятие откровения, позволяющее человеку стать лучше в духовном плане, они интерпретировали как совершенно не противоречащее Корану.

Некоторые мусульмане придерживались другой точки зрения. Они полагали, что

видения носят демонический характер и свидетельствуют о грядущем уничтожении мира. Но так или иначе, а исламские духовные вожди откровенно отрицали мысль о том, что причиной перемещения сознания во времени мог стать физический эксперимент: это было неверное, западное толкование. Видения явно носили духовный характер, и какие-то научные приборы не имели к этому никакого отношения.

Ллойд опасался, что мусульманские страны будут противиться повторению эксперимента на БАК именно из-за этого. Но сначала иранский духовный лидер Вилайят аль-Факих, затем египетский — Шейхаль-Азар, а за ними один шейх за другим, имам за имамом по всему мусульманскому миру начали выступать в поддержку повторения эксперимента, причем исключительно потому, что, если попытка сорвется, неверные получают неопровержимое доказательство: первые видения носили исключительно духовный, а не мирской характер.

Конечно, власти исламских стран не всегда ладили со своими гражданами, правоверными мусульманами. Для правительств тех стран, которые тяготели к сотрудничеству с Западом, поддержка повторения эксперимента при условии его переноса на другое время, как настаивали азиаты, была беспроигрышной ставкой: если повторный эксперимент закончится неудачей, западных ученых, фигурально выражаясь, закидают тухлыми яйцами и светское мировоззрение будет посрамлено. Если эксперимент пройдет удачно, экономика мусульманских стран получит толчок благодаря тому, что граждане этих стран тоже смогут взглянуть на технологию будущего, которая уже предстала в видениях перед американцами.

Вопреки ожиданиям Ллойда, те люди, у которых не было видений, а это означало, что в будущем они, скорее всего, будут мертвы, в большинстве своем не возражали против повторения эксперимента. Люди помоложе, из тех, у кого не было видений, окрещенные в «Ньюсуик» «Неблагодарными мертвецами»,⁵⁶ нередко высказывали желание доказать, что у отсутствия видений есть какое-то другое объяснение, помимо их смерти. Люди постарше, не осчастливленные видениями, в основном смирились с тем фактом, что через двадцать один год их не будет в живых, но им было попросту интересно узнать от других людей о будущем, которого они уже не застанут.

Представители некоторых стран, в том числе Португалии и Польши, выступали за то, чтобы повторение эксперимента было отложено как минимум на год. Против этого было высказано три убедительных аргумента. Во-первых, как сказал Ллойд, чем больше времени пройдет, тем больше может возникнуть внешних факторов, способных помешать эксперименту. Во-вторых, именно сейчас люди отчетливо понимали необходимость абсолютной безопасности при проведении повторного опыта, но со временем воспоминания о тяжести потерь и понесенном ущербе могли утратить свою остроту, что привело бы к утрате бдительности при подготовке к новому Флэшфорварду. В-третьих, людям хотелось новых видений, которые либо подтвердили, либо опровергли бы события и обстоятельства, представшие перед ними в первой серии видений. Это позволило бы тем, кого первые видения огорчили и встревожили, узнать, находятся ли они во всеоружии, чтобы избежать неприятностей в грядущем. Если время новых видений также будет отстоять от момента нового эксперимента на двадцать лет, шесть месяцев, два дня и два часа, то каждый новый день уменьшал вероятность того, что второе видение будет достаточно связано с первым и их можно будет сравнить между собой.

Имелись аргументы и с экономической точки зрения в пользу скорейшего повторения эксперимента, если таковое вообще состоится. Многие производства сейчас работали не на полную мощность: из-за того, что было повреждено оборудование, или из-за того, что часть работников погибли во время первого Флэшфорварда. Сейчас непродолжительная остановка

⁵⁶ «Неблагодарные мертвецы» («Ungrateful Dead»). Намек на название рок-группы «Благодарные мертвецы» («Grateful Dead»). (Прим. перев.)

производства на момент следующего перемещения во времени не так сильно сказалась бы на экономических показателях, как если бы это произошло через несколько месяцев или лет, когда предприятия заработают на полную мощность.

Дебаты шли по бесчисленному ряду тем: экономика, национальная безопасность (а что, если одна страна нанесет ядерный удар по другой прямо перед новым Флэшфорвардом?), философия, религия, наука, принципы демократии. Следовало ли принимать решение, затрагивающее любого человека на планете, на основе принципа «один голос от одной страны»? Или число голосов должно быть прямо пропорционально численности населения? Тогда голос Китая прозвучал бы громче всех остальных. Или решение этого вопроса следовало вынести на всемирный референдум?

Наконец, после многочисленных ссор и споров, Генеральная Ассамблея ООН под давлением большинства делегатов приняла решение: повторить эксперимент на Большом адронном коллайдере, однако сдвинув время его проведения на двенадцать часов по сравнению с первоначальным.

По настоятельной просьбе посланников Европейского союза было выдвинуто предложение, согласно которому ни одно государство не вправе предъявлять претензии ни против ЦЕРНа в целом, ни против стран, участвующих в деятельности этого учреждения, ни против кого бы то ни было из сотрудников. Резолюция ООН прошла, а это означало, что теперь никто не обратится с подобными исками в Международный суд. Конечно, никто не был застрахован от гражданских исков, однако власти Франции и Швейцарии объявили, что их суды не станут принимать к рассмотрению подобные дела.

Самую серьезную проблему с точки зрения логистики представляли страны третьего мира, слаборазвитые либо вовсе не развитые в техническом отношении регионы, куда новости попадали с большим опозданием, если вообще попадали. Было решено, что эксперимент начнется не раньше чем через шесть недель. Этого времени должно было хватить, чтобы информация распространилась по всему земному шару.

Так началась подготовка человечества к попытке еще раз заглянуть в завтра.

Митико окрестила все это «Операция Клаату». В кинофильме «День, когда Земля остановилась» инопланетянин Клаату, чтобы продемонстрировать, как важен мир во всем мире, ровно в полдень по вашингтонскому времени на тридцать минут отключил все электричество на Земле, но сделал это очень осторожно, чтобы никто не пострадал, самолеты не рухнули на землю, больничные операционные не остались без электроснабжения. Теперь всем предстояло попытаться действовать так же осторожно, как Клаату, хотя, как заметил Ллойд, в этом кинофильме в награду за свои старания Клаату был убит. Но конечно, он был инопланетянином, а потому ожил...

Ллойд ужасно устал и пал духом. В первый раз по какой-то причине в результате эксперимента не был получен бозон Хиггса. Ллойд хотел немного изменить параметры эксперимента, чтобы все-таки попробовать получить эту неуловимую частицу. Но он понимал, что обязан в точности воспроизвести все параметры предыдущего опыта. Возможно, ему больше так и не представится шанс отточить технику эксперимента и генерировать бозон Хиггса. А это означало, что Нобелевскую премию он вряд ли получит.

Если только...

...если только не сумеет объяснить физикам всего мира, что произошло. Но, несмотря на то что, по всей видимости, именно из-за его эксперимента произошел скачок на двадцать один год вперед, несмотря на то что он, как и остальные сотрудники ЦЕРНа, ломал голову над механизмом возникновения Флэшфорварда, сам он до сих пор не понимал, как такое могло случиться. Вполне возможно, что ответ на этот вопрос предстояло найти кому-то другому. Возможно, даже не физику-ядерщику.

День «D»

Все было практически точно так же. Конечно, время было безбожно раннее — пять часов утра, а не вечера, но в центре управления БАК окон не было, и это все равно не давало возможности определить время дня. А людей в зале собралось больше. Обычно на эксперименты в области физики элементарных частиц приходило не так уж много журналистов, но на сей раз отделу ЦЕРНа по связям с общественностью пришлось буквально отбиваться от желающих присутствовать в центре управления БАК. В итоге сюда было допущено всего десять репортеров, которым для этого даже пришлось тянуть жребий. Телекамеры вели прямой репортаж на весь мир.

По всей планете люди лежали в кроватях, на диванах, на полу, на траве, на голой земле. Никто не пил крепких напитков. В воздухе не было ни единого самолета — ни коммерческого, ни военного, ни частного. Во всех городах остановилось уличное движение. Это было сделано еще несколько часов назад, чтобы в случае срочной госпитализации не пришлось поднимать в воздух медицинские вертолеты. Скоростные шоссе либо опустели, либо стали похожими на гигантские автостоянки.

В данный момент на орбите находились два космических «челнока» — американский и японский, — но им, судя по всему, никакая опасность не грозила. На время эксперимента астронавты должны были просто лечь в кресла. То же самое должны были сделать девять человек, находившихся на борту международной космической станции.

Не проводилось ни одной хирургической операции, ни в одной пиццерии повара не подбрасывали в воздух пиццу, не работали ни станки, ни агрегаты, ни приборы. В любой отдельно взятый момент времени треть человечества обычно спит, но сейчас почти все семь миллиардов обитателей Земли бодрствовали. Но, что забавно, с учетом такого повального бодрствования более низкой активности за всю историю человечества зарегистрировано не было.

Как и в первый раз, столкновением частиц управлял компьютер. Ллойд было почти нечего делать. Репортеры водрузили свои телекамеры на штативы. А сами улеглись на пол или на столы. Тео тоже лег на пол, рядом с Митико. Ллойд даже показалось, что они лежат слишком близко. Перед главным пультом остался небольшой участок пола. Ллойд улегся там. Отсюда было видно табло электронных часов, и Ллойд начал обратный отсчет:

— Сорок секунд.

Перенесется ли он опять в Новую Англию? Наверняка видение начнется не с того момента, на котором оборвалось несколько месяцев назад. Наверняка он не окажется в постели с... О господи, он даже имени ее не знал. Она не произнесла ни слова. Она могла быть американкой, уроженкой Канады, Австралии или Великобритании, Скандинавии, Франции — трудно сказать.

— Тридцать секунд, — произнес Ллойд.

Где они познакомились? Долго ли были женаты? Были ли у них дети?

— Двадцать секунд.

Был ли их брак счастливым? По-видимому, да, судя даже по краткому видению. Но с другой стороны, Ллойд случалось порой видеть, как его родители (в лучшие времена) были нежны друг к другу.

— Десять секунд.

Может быть, этой женщины вообще не будет в его новом видении.

— Девять.

И вообще — может быть, он все-таки спал и видел сон через двадцать один год?

— Восемь.

Крайне маловероятно, чтобы он вновь увидел себя, свое отражение в зеркале, какую-нибудь передачу по кабельному телевидению со своим участием.

— Семь.

Но все же он наверняка увидит что-то значительное, откровенное.

— Шесть.

Что-то такое, что даст ответ хотя бы на несколько мучивших его вопросов.

— Пять.

Что-то такое, что разъяснит ему то, что он увидел в первый раз.

— Четыре.

Конечно, он любил Митико.

— Три.

И они поженятся, невзирая на его первое видение, да и на то, которое он мог увидеть сейчас.

— Два.

И все-таки интересно было бы узнать имя этой женщины...

— Один.

Ллойд зажмурился. Ему почему-то показалось, что это более надежный путь к видению.

— Ноль.

Ничего. Темнота. Проклятье, он спал в будущем! Это было несправедливо. В конце концов, это был его эксперимент! Если уж кто и заслуживал нового видения, так это он, и...

Ллойд открыл глаза. Он по-прежнему лежал на спине и смотрел в высокий потолок центра управления БАК.

О боже! Господи!

Через двадцать один год ему будет шестьдесят шесть лет.

И через двадцать один год после этого видения...

Он будет мертв.

Как Тео.

Черт побери! Черт побери!

Ллойд повернул голову и увидел табло настенных часов.

Голубые цифры беззвучно сменяли друг друга: 22:00:11; 22:00:12; 22:00:13...

Он не потерял сознание...

Ничего не произошло.

Попытка воспроизвести Флэшфорвард не удалась, и...

Зеленые огоньки.

Зеленые огоньки на пульте!

Ллойд вскочил на ноги. Тео тоже поднялся с пола.

— Что произошло? — поинтересовался один из репортеров.

— А ничего, — отозвался второй. — Ровным счетом ничего.

— Пожалуйста, — повысила голос Митико. — Пожалуйста, не вставайте. Мы пока не знаем, безопасно ли это.

Тео стукнул Ллойда ладонью по спине.

Ллойд улыбнулся от уха до уха, повернулся и крепко обнял друга.

— Ребята, — сказала Митико, приподнявшись на локте. — Чему вы радуетесь? Ведь ничего не произошло.

Выпустив Тео, Ллойд поспешил к Митико, взял ее за руки, помог подняться и обнял.

— В чем дело, милый? — удивленно спросила Митико.

Ллойд показал на пульт. Митико вытаращила глаза.

— Господи! — прошептала она. — Вы его поймали!

Ллойд улыбнулся еще шире.

— Мы его поймали.

— Кого поймали? — задал вопрос один из репортеров. — Ведь ничего же не было, черт побери!

— Да нет, было, — ответил Ллойд.

— Еще как было! — радостно ухмыльнулся Тео.

— Да что было-то? — не отступал все тот же репортер.

— Хиггс! — воскликнул Ллойд.

— Что-что?

— Бозон Хиггса! — ответил Ллойд, обняв Митико за талию. — Мы получили бозон Хиггса!

— Подумаешь, — разочарованно бросил другой репортер, зевнул и прикрыл рот ладонью.

Ллойд давал интервью одному из журналистов.

— Что случилось? — спросил хмурый пожилой корреспондент лондонской «Таймс». — Точнее сказать, почему ничего не случилось?

— Как вы можете говорить, что ничего не случилось? Мы получили бозон Хиггса!

— Это никого не интересует. Мы хотим...

— Вы ошибаетесь, — горячо возразил Ллойд. — Это событие огромной важности. При любых иных обстоятельствах эта новость была бы на первых полосах всех газет мира.

— Но видения...

— У меня нет объяснения тому, почему нам не удалось воспроизвести видения. Но сегодняшнее достижение нельзя считать провалом эксперимента. Ученые надеялись получить бозон Хиггса с тех самых пор, как полвека назад Глэшоу, Салам и Вайнберг⁵⁷ предсказали его существование...

— Но люди ожидали, что им удастся снова заглянуть в будущее, а...

— Я все понимаю, — нахмурился Ллойд. — Но именно ради обнаружения бозона Хиггса, а не для какого-то треклятого предвидения будущего и был изначально построен Большой адронный коллайдер. Мы знали, что, для того чтобы получить бозон Хиггса, нам потребуется энергия более десяти триллионов электронвольт. Вот почему девятнадцать стран — соучредителей ЦЕРНа, грубо говоря, скинулись и построили Большой адронный коллайдер. Вот почему в этот проект вложили миллиарды долларов Соединенные Штаты, Канада, Япония, Израиль и другие страны. Речь идет о науке, о важных научных экспериментах...

— Пусть так, — кивнул репортер. — Но «Уолл-стрит джорнал» оценивает общую стоимость временной остановки всех производственных линий на всем земном шаре в более чем четырнадцать миллиардов долларов. В итоге «Проект Клаату» стал самым дорогим в истории человечества.

— Но мы получили бозон Хиггса! Неужели вы не понимаете? Это не только подтверждение теории слабых электрических взаимодействий, это доказательство существования поля Хиггса. Теперь мы знаем, за счет чего все объекты — вы, я, этот стол, наша планета — имеют массу. Бозон Хиггса является носителем фундаментального поля, наделяющего элементарные частицы массой. И мы *подтвердили его существование* !

— Никому нет дела до бозона, — буркнул журналист. — И слово-то какое... смешное.

— Называйте бозон частицей Хиггса, если хотите. Многие физики так и делают. Но как бы вы ни называли эту частицу, это самое важное физическое открытие двадцать первого века. Правда, век еще только начался, но я готов побиться об заклад, что к концу этого столетия люди, оглядываясь назад, будут по-прежнему считать это событие самым важным физическим открытием века.

— Это не объясняет, почему мы не получили никаких...

— Получили! — в отчаянии воскликнул Ллойд.

— Я хотел сказать: почему мы не получили никаких видений.

— Послушайте, мы старались, как могли, — тяжело вздохнул Ллойд. — Возможно, первоначальное явление было случайной разовой флуктуацией. Возможно, оно существенно зависело от начальных условий, которые немного изменились. Возможно...

⁵⁷ Шелдон Глэшоу, Абдус Салам и Стивен Вайнберг за создание общей теории электромагнетизма и слабых взаимодействий получили в 1979 году Нобелевскую премию. Эта теория предсказала и существование бозона Хиггса, которое пока экспериментально не подтверждено. (Прим. ред.)

— Вы смухлевали, — прервал Ллойда репортер.

— Прошу прощения? — ошарашенно произнес Ллойд.

— Вы смухлевали. Вы нарочно изменили условия эксперимента.

— Мы ничего не меняли!

— Вы хотели огордить себя от всех судебных исков. Даже после всех ваших песен и плясок в ООН вам все равно хотелось быть уверенным, что никто вас не засудит. Естественно, если бы вам удалось показать, что ЦЕРН не имеет ничего общего с Флэшфорвардом...

— Мы ничего не подтасовывали, ничего не подделывали. Мы не подделали бозон Хиггса. Господи, мы совершили *прорыв* в науке!

— Вы нас обманули, — мрачно бросил репортер. — Вы обманули всю планету.

— Не говорите глупостей, — отрезал Ллойд.

— Ой, да бросьте вы! Если вы не смухлевали, почему же тогда не смогли дать нам всем возможность еще раз заглянуть в будущее?

— Я... я не знаю. Мы пытались. Видит бог, мы пытались.

— Будет расследование. Надеюсь, вы это понимаете.

Ллойд закатил глаза. Но репортер, пожалуй, был прав.

— Послушайте, — произнес Ллойд, — мы сделали все, что было в наших силах. Проверка компьютерных отчетов это покажет. Можно будет убедиться, что все параметры эксперимента были выдержаны. Конечно, существует проблема хаоса, зависимой чувствительности, но мы действительно старались, как могли, и полученный результат никак нельзя считать неудачей — если мыслить более широко.

Репортер был готов снова возразить — наверное, хотел сказать, что компьютерные отчеты тоже можно подтасовать, но Ллойд поднял руку.

— И все же, возможно, вы правы. Возможно, это доказывает, что ЦЕРН абсолютно непричастен к Флэшфорварду. А в этом случае...

— А в этом случае вы сорвались с крючка.

Ллойд нахмурился. В принципе, с точки зрения права его уже не за что было судить. Но с точки зрения морали? Без оправдания, которое ему могла дать доказанная гипотеза существования блоковой Вселенной, он действительно со дня самоубийства Дима чувствовал себя виноватым во всех смертях и разрушениях.

— Пожалуй, вы правы, — поднял брови Ллойд. — Пожалуй, я действительно сорвался с крючка.

26

Как любой физик, Тео каждый год с интересом ждал сообщения о том, кто станет очередным лауреатом Нобелевской премии — кто встанет в один ряд с Бором, Эйнштейном, Фейнманом, Гелл-Манном и Паули. За годы существования ЦЕРНа ученые из этого учреждения получили более двадцати Нобелевских премий. И конечно, когда он увидел в своем электронном почтовом ящике новое сообщение, прочел тему, ему даже не было нужды открывать письмо, чтобы узнать, что в этом году его имени в списке лауреатов не будет. Тем не менее ему хотелось посмотреть, кому из его друзей и коллег повезло. Тео открыл письмо.

Лауреатами Нобелевской премии в этом году стали Перлмутер и Шмидт. Их награждали в основном за работы, сделанные около десяти лет назад. Эти физики доказали, что Вселенная будет расширяться вечно, что ей не грозит случайный коллапс. То, что награда вручалась за труды, законченные несколькими годами раньше, было достаточно типично. Требовалось определенное время, чтобы результаты исследований можно было воспроизвести и обдумать.

«Что ж, — решил Тео, — оба эти физика вполне достойны награды. Конечно, в ЦЕРНе некоторые будут огорчены. Поговаривают, что Макрейни уже планирует праздничный банкет. Но это всего лишь слухи». Как бы то ни было, Тео, как и каждый год в это время,

размышлял о том, увидит ли он когда-нибудь свое имя в списке лауреатов.

Следующие несколько дней Тео и Ллойд посвятили отчету по бозону Хиггса. Несмотря на то что в прессе уже — пусть и без особых восторгов — было объявлено миру о получении этой элементарной частицы, они были обязаны подготовить результаты эксперимента для публикации в авторитетном журнале. Ллойд, по обыкновению, долго и нудно просматривал представленный для печати материал. Тео расхаживал по кабинету из угла в угол.

— В чем же различие? — наверное, в десятый раз спросил Ллойд. — Почему во время первого эксперимента мы не получили бозон Хиггса, а сейчас получили?

— Не знаю, — покачал головой Тео. — Мы ничего не меняли. Но конечно, условия все же были немного другие. С первой попытки прошло несколько недель, поэтому Земля сдвинулась на миллионы километров по орбите вокруг Солнца, да и Солнце, как всегда, тоже двигалось в космическом пространстве и...

— Солнце! — громко воскликнул Ллойд и поймал удивленный взгляд Тео. — Не понимаешь? Во время последнего эксперимента Солнце стояло над горизонтом, а на этот раз оно еще не взошло. Может быть, в первый раз на наше оборудование каким-то образом воздействовал солнечный ветер?

— Туннель Большого адронного коллайдера расположен на глубине сто метров под землей и оборудован самой лучшей системой защиты от радиации, какую только можно купить за деньги. Сколь-либо значимое число ионизированных частиц не могло проникнуть в туннель.

— Гмм... — задумчиво протянул Ллойд. — А как насчет тех частиц, от которых мы не в состоянии экранировать коллайдер? Как насчет нейтрино?

— Для нейтрино нет никакой разницы, были мы в этот момент повернуты к Солнцу или нет, — нахмурился Тео. — Только половина из каждых двух сотен миллионов нейтрино, проникающих сквозь Землю, действительно обо что-то ударяется. Остальные частицы просто вылетают с другой стороны.

Ллойд задумался, поджав губы.

— Но возможно, нейтринная вспышка была особенно сильной в тот день, когда мы проводили первый эксперимент.

Ллойд начал смутно припоминать свой разговор с Гастоном Беранже. Тогда Беранже перечислял другие события, имевшие место в пять часов пополудни 21 апреля.

— Беранже тогда мне сказал, что в Нейтринной обсерватории в Садбери был зарегистрирован взрыв сверхновой как раз перед началом нашего эксперимента.

— Я знаком кое с кем из этой обсерватории, — откликнулся Тео. — Венди Смолл. Мы вместе заканчивали аспирантуру.

Нейтринная обсерватория в Садбери была открыта в 1998 году. Она расположена на глубине два километра под толщей докембрийских горных пород и оборудована самыми чувствительными детекторами нейтрино на Земле.

Ллойд кивнул в сторону телефона. Тео снял трубку.

— Код знаешь? — спросил он.

— Код Садбери? Наверное, семьсот пять. Это код многих городов в Северном Онтарио. Тео набрал номер, поговорил с оператором, повесил трубку и набрал другой номер.

— Алло, позовите, пожалуйста, Венди Смолл. — Пауза. — Венди, говорит Тео Прокопидес. Что? Очень смешно. Ну ты и шутница. — Тео прикрыл трубку ладонью и прошептал Ллоиду: — Она думала, что я умер.

Ллойд с трудом сдержал усмешку.

— Венди, — сказал Тео, — я звоню из ЦЕРНа, и тут со мной рядом кое-кто еще: Ллойд Симкоу. Не возражаешь, если я включу громкую связь?

— *Тот самый* Ллойд Симкоу? — раздался голос Венди из динамика телефона. — Рада с вами познакомиться.

— Здравствуйте, — негромко произнес Ллойд.

— Послушай, — продолжал Тео, — как ты наверняка знаешь, мы вчера попытались воспроизвести явление смещения времени, но у нас не получилось.

— Я это заметила, — обронила Венди. — Знаешь, я в своем видении, тогда, во время Флэшфорварда, смотрела телевизор... но он был трехмерный. Заканчивался какой-то детективный фильм. Я все это время просто с ума сходила — так хотелось узнать, кто преступник.

«Мне тоже», — подумал Тео, а вслух сказал:

— Прости, что не смогли тебе помочь.

— Насколько мне известно, — вмешался Ллойд. — Нейтринная обсерватория в Садбери зарегистрировала нейтринную вспышку как раз перед тем, как мы начали наш эксперимент двадцать первого апреля. Это было вызвано пятнами на Солнце?

— Нет, Солнце в тот день было спокойным. То, что мы регистрировали, произошло за пределами Солнечной системы.

— За пределами Солнечной системы?

— Именно.

— И где же был источник нейтринной вспышки?

— Помните сверхновую⁵⁸ тысяча девятьсот восемьдесят семь А? — спросила Венди. Тео покачал головой.

— Этот звук издал Тео. Он покачал головой, — улыбнувшись, сказал Ллойд.

— Я услышала скрежет, — засмеялась Венди. — Так вот, послушайте. В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году была обнаружена самая большая сверхновая звезда за триста восемьдесят три года. Голубой супергигант типа В-три, названный Сандуликом, взорвался в Большом Магеллановом Облаке.

— В Большом Магеллановом Облаке! — воскликнул Ллойд. — Это ведь страшно далеко.

— Если точно, то в ста шестидесяти шести тысячах световых лет от Земли, — ответила Венди. — А это означает, что на самом деле звезда Сандулик взорвалась в плейстоцене, но мы увидели взрыв только двадцать два года назад. Однако нейтрино почти целую вечность беспрепятственно перемещаются в космическом пространстве. И во время взрыва звезды в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году мы засекли нейтринную вспышку, продолжавшуюся около десяти секунд.

— Допустим, — согласился Ллойд.

— И, — продолжила Венди. — Сандулик — очень странная звезда. Гораздо чаще в сверхновые превращаются красные супергиганты, а не голубые. Но в любом случае после взрыва сверхновой остатки звезды обычно превращаются либо в нейтронную звезду, либо в черную дыру. Так вот, если бы Сандулик в результате гравитационного коллапса стал бы черной дырой, мы ни за что не засекли бы вспышку нейтрино — они бы ускользнули. Но при массе, в двадцать раз превосходящей массу Солнца, Сандулик, на наш взгляд, был слишком мал для того, чтобы образовать черную дыру, по крайней мере в соответствии с принятой на тот момент теорией.

— А-га, — промычал Ллойд.

— Так вот, — сказала Венди, — в тысяча девятьсот девяносто третьем году Ханс Бете⁵⁹ и Джерри Браун высказали гипотезу о том, что звезды с относительно небольшой

⁵⁸ Сверхновая звезда — внезапно вспыхивающая звезда. К взрыву звезды приводит гравитационный коллапс. На протяжении последнего тысячелетия в нашей Галактике зарегистрировано три взрыва сверхновых. (Прим. ред.)

⁵⁹ Ханс Бете — американский астрофизик; участвовал в создании атомной бомбы. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1967 год. (Прим. ред.)

массой могут превращаться в черные дыры за счет каон-конденсатов. Каоны⁶⁰ не повинуются принципу запрета Паули.

Согласно принципу запрета Паули, две частицы одного типа не могут одновременно находиться в одном и том же квантовом состоянии.

— Для того чтобы звезда превратилась в нейтронную, — продолжила Венди, — все электроны должны скомбинироваться с протонами, чтобы сформировать нейтроны. Но поскольку электроны *повинуются* принципу запрета, при попытке их сбить, так сказать, в одну кучку, они начинают занимать все более и более высокие энергетические уровни и оказывают сопротивление продолжающемуся коллапсу. Отчасти именно поэтому черные дыры получаются из звезд с достаточно большой массой. Но если бы электроны преобразовались в каоны, тогда все они могли бы занять самый низкий энергетический уровень. В этом случае их сопротивление было бы гораздо меньше и гравитационный коллапс звезды с относительно небольшой массой и ее превращение в черную дыру стали бы теоретически возможны. Ну так вот... Джерри и Ханс сказали что-то типа: послушайте, давайте предположим, что с Саидуликом случилось именно это. Допустим, электроны стали каонами. Тогда Сандулик мог превратиться в черную дыру. А сколько времени нужно для того, чтобы электроны превратились в каоны? По подсчетам Джерри и Ханса получилось десять секунд. Это значит, что нейтрино могли ускользнуть в первые десять секунд во время взрыва сверхновой, но затем их должна была поглотить образовавшаяся черная дыра. И действительно, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году нейтринная вспышка продолжалась десять секунд.

— Очень увлекательно, — заметил Ллойд. — Но какое все это имеет отношение к той мощной нейтринной вспышке во время нашего первого эксперимента?

— Понимаете... — прозвучал голос Венди. — Объект, формирующий каонный конденсат, — на самом деле не черная дыра. Скорее это наследственно нестабильная парасингулярность. Мы называем подобные объекты «коричневыми дырами» — «brown holes». В честь Джерри Брауна. Но коричневая дыра не стабильна. Каоны спонтанно снова превращаются в электроны. Когда это происходит, в действие вступает принцип запрета Паули. Массивное давление противится дегенерации, и коричневая дыра практически мгновенно начинает снова расширяться. В этот момент нейтрино снова могут ускользнуть — по крайней мере, до тех пор, пока процесс не пойдет в обратном направлении, пока электроны снова не превратятся в каоны. С Сандуликом непременно должно было произойти именно это, и так уж получилось, что за пятьдесят три секунды до начала вашего первого эксперимента наш детектор нейтрино зарегистрировал мощный поток этих частиц, идущий от Сандулика. Правда, детектор — вернее, его записывающее оборудование — перестал работать, как только произошло смещение времени, поэтому я не знаю, как долго длился второй взрыв, но теоретически он должен был продолжаться дольше первого: возможно, две-три минуты. — Голос Венди зазвучал огорченно. — Знаете, если честно, я поначалу думала, что Флэшфорвард был вызван повторным взрывом Сандулика. Я уже была готова купить билет в Стокгольм, но тут вы, ребята, все взяли на себя и объявили, что во всем виноват ваш коллаيدر.

— Что ж, возможно, и в самом деле причиной был этот взрыв, — сказал Ллойд. — Возможно, именно поэтому мы не сумели воспроизвести явление смещения времени.

— Нет, нет, — возразила Венди. — Дело не может быть в повторном взрыве. По крайней мере, дело явно не только в нем. Не забывайте: взрыв произошел за пятьдесят три секунды до начала Флэшфорварда, и смещение времени четко совпало с началом вашего эксперимента. Однако не исключено, что совпадение все же имело место. Нейтрино продолжали бомбардировать Землю в то время, как вы начали эксперимент по столкновению частиц, и в итоге возникло сочетание странных условий, которые вызвали смещение

⁶⁰ Каон — к-мезон — группа элементарных частиц, принадлежащих к странным. (Прим. ред.)

времени. А когда вы попытались повторить эксперимент при отсутствии такой нейтринной вспышки, ничего не произошло.

— Следовательно, — сказал Ллойд, — мы, грубо говоря, создали здесь, на Земле, условия, которые существовали только через долю секунды после Большого Взрыва, и в это же самое время по нам шарахнул поток нейтрино, выплюнутых коричневой дырой.

— Что-то типа того, — согласилась Венди. — Как вы понимаете, вероятность такого совпадения ничтожно мала.

— А Сандулик не взорвется снова? — поинтересовался Ллойд. — Мы не можем ожидать еще одной мощной нейтринной вспышки?

— Не исключено, — ответила Венди. — Теоретически Сандулик, пока не достигнет стабильности, должен взорваться еще несколько раз в промежутке между пребыванием в состоянии коричневой дыры и превращением в нейтронную звезду.

— И когда произойдет новый взрыв?

— Понятия не имею.

— Но если мы дождемся нового взрыва, — заметил Ллойд, — и попытаемся провести наш эксперимент точно в этот момент, возможно, нам удастся воспроизвести эффект смещения времени.

— Этого не произойдет никогда, — прозвучал голос Венди.

— Почему не произойдет? — спросил Тео.

— Подумайте хорошенько, ребята. Вам потребовалось несколько недель, чтобы подготовиться к повторному эксперименту. В конце концов, нужно было обеспечить максимальную безопасность для всех жителей планеты. Но нейтрино почти лишены массы. Они странствуют по космосу практически со скоростью света. Невозможно определить заранее, когда именно они долетят до Земли, и, поскольку первый повторный взрыв Сандулика длился не более трех минут, когда мой детектор снова заработал, он уже кончился. Вы никогда не получите никакого заблаговременного предупреждения о том, что скоро произойдет нейтринная вспышка. А как только она начнется, у вас будет всего три минуты, а то и меньше, чтобы успеть запустить свой ускоритель.

— Проклятье! — выругался Тео. — Вот проклятье!

— Простите, что ничем не могу вас порадовать, — сказала Венди. — Слушайте, у меня через пять минут деловая встреча. Мне пора идти.

— Ладно, — отозвался Тео. — Пока.

— Пока.

Тео отключил громкую связь и посмотрел на Ллойда.

— Эксперимент невозможно воспроизвести, — произнес он. — Миру это не понравится.

Он подошел к стулу и сел.

— Проклятье! — вырвалось у Ллойда.

— Не то слово, — кивнул Тео. — Послушай, теперь, когда мы знаем, что будущее может измениться, я не так сильно волнуюсь из-за того, что меня могут убить, но все равно *кое-что* увидеть мне все-таки хотелось бы. На самом деле что угодно. Я чувствую себя... Господи, я чувствую себя выброшенным за борт. Словно люди на Земле увидели космический корабль, а я в это время отошел по нужде.

27

На Большом адронном коллайдере теперь ежедневно производились столкновения ядер свинца при энергетическом уровне одна тысяча сто пятьдесят тераэлектронвольтов. Некоторые эксперименты были запланированы давно, и теперь наконец до них дошла очередь. Другие проводились с целью создания достоверной теоретической базы для объяснения смещения времени. Тео оторвался от просмотра компьютерных записей, чтобы проверить почту.

«Объявлены имена новых лауреатов Нобелевской премии», — гласила тема первого сообщения.

Естественно, Нобелевские премии получают не только физики. Каждый год эти награды присуждают в пяти номинациях, и объявление лауреатов происходит с промежутком в несколько дней. Химия, медицина и физиология, экономика, литература, а также премия мира. Тео на самом деле по-настоящему занимала только премия в области физики. Ну, еще химиками можно было поинтересоваться. Он открыл сообщение.

Речь шла не о Нобелевской премии за достижения в области химии. Речь шла о награде в области литературы. Тео уже собрался было удалить сообщение, когда его внимание привлекли имя и фамилия лауреата.

Анатолий Королев. Русский прозаик.

Конечно, после того как Чэн в Торонто пересказал Тео свое видение и упомянул некоего человека по фамилии Королев, Тео пытался отыскать это имя в Интернете. Оказалось, что Королевых очень много, причем выдающихся людей среди них, за редким исключением, практически не было.

И вот теперь некто по фамилии Королев должен был стать лауреатом Нобелевской премии. Тео поспешно перешел на сайт энциклопедии «Британника». ЦЕРН имел неограниченный доступ к этой энциклопедии в режиме онлайн. Статья об Анатолии Королеве была короткой:

Королев, Анатолий Сергеевич. Русский прозаик и полемист, родился 11 июля 1965 г. в Москве, в то время являвшейся столицей СССР.

Тео нахмурился. Этот сукин сын был на год моложе Ллойда. Надо же! С другой стороны, никто не был обязан воспроизводить результаты эксперимента, описанного в романе. Тео продолжал читать:

Первый роман Королева «Перед восходом солнца» («Before Sunrise»), опубликованный в 1992 г., повествует о первых годах после распада Советского Союза. Главный герой романа, молодой человек по имени Сергей Долонов, разочарованный бывший коммунист, переживает ряд комичных приключений, пытается понять смысл перемен в своей стране и в итоге становится успешным московским бизнесменом. Другие романы Королева: «На куличках» («At the World's End»), 1995; «Обыкновенная история» («A Common Story»), 1999; и «Москвитянин» («The Muscovite»), 2006. На английский язык переведен только роман «На куличках».

«Теперь все его книги переведут, — подумал Тео. — Интересно, читал ли Дим книги этого писателя, когда изучал европейскую литературу?»

А не тот ли это Королев, о котором упоминал Чэн? Если да, то какая связь могла быть между ним и Тео? Или между ним и Чэном, интересы которого скорее лежали в области коммерции, чем литературы?

Митико и Ллойд шли по улицам Сен-Жени, держась за руки и радуясь теплему вечернему ветерку. Они прошли в молчании несколько сотен метров, и вдруг Митико остановилась.

— Мне кажется, я понимаю, что было не так.

Ллойд вопросительно на нее посмотрел.

— Подумай о том, что произошло, — сказала Митико. — Ты разработал эксперимент, в результате которого должен был быть получен бозон Хиггса. Но при первом эксперименте этого не случилось. А почему?

— Поток нейтрино с Сандулика, — ответил Ллойд.

— Да? Это действительно могло отчасти вызвать смещение времени. Но каким образом

это могло сказаться на образовании бозона?

— Ну, это... это... гмм. Хороший вопрос, — пожал плечами Ллойд.

Они пошли дальше.

— Это и не могло повлиять, — покачала головой Митико. — Я не сомневаюсь, что во время первого эксперимента поток нейтрино действительно бомбардировал Землю, но это не должно было помешать образованию бозонов Хиггса. Бозоны *должны* были появиться.

— Но не появились.

— Вот именно, — кивнула Митико. — Но не было никого, кто наблюдал бы за их образованием. Почти три минуты на Земле не было ни одного человека, находящегося в сознании. Ни одного, нигде. Никто не мог стать свидетелем образования бозона Хиггса. Мало того, никто не мог стать свидетелем *чего бы то ни было*. Вот почему все видеопленки кажутся пустыми. Они только *выглядят* пустыми, словно на них нет ничего, кроме электронного «снега». Но представь, что это не «снег». Представь, что видеокамеры в точности записали то, что видели: мир, не знающий, какую форму ему обрести. Такой, знаешь, полуфабрикат размером с планету Земля. Квалифицированных наблюдателей не было, так как сознание *всех без исключения людей* пребывало в другом месте, и не было никакой возможности определить квантовые механизмы происходящего. Нельзя было выбрать между предложенными вероятными реальностями. Эти пленки могли показывать неразрушившиеся волновые фронты, нечто вроде статического чистилища — наложение всех возможных состояний друг на друга.

— Сомневаюсь, чтобы наложение волновых фронтов друг на друга выглядело как «снег».

— Ну, возможно, это не совсем то, что происходило на самом деле, но в любом случае ясно, что вся информация об этом двухминутном промежутке времени была каким-то образом отредактирована. Физика происходившего не позволила записать какие-либо данные за этот период. При отсутствии мыслящих существ реальность претерпевает разрыв.

Ллойд нахмурился. Неужели он мог так ошибаться? Транзакционная интерпретация Крамера учитывала в квантовой механике все, кроме квалифицированных наблюдателей... Но может быть, такие наблюдатели *действительно* играли важную роль...

— Возможно, — произнес Ллойд. — Но... нет, нет, этого не может быть. Если все пребывало, как ты выразилась, в полуфабрикатном вероятностном состоянии, тогда как произошли все аварии, все несчастные случаи? Авиакатастрофы — ведь это конкретизация вероятности.

— Безусловно, — согласилась Митико. — Но дело не в том, что в течение двух минут самолеты летели, автомобили и поезда ехали, а конвейеры работали без вмешательства людей. Скорее в течение двух минут все пребывало в подвешенном состоянии: существовали все возможные вероятности, превращенные в искрящуюся белизну. Но к концу этих двух минут к людям вернулось сознание, а мир вернулся к единому состоянию. И к несчастью, все неизбежно получилось так, что мир принял то единственное состояние, которое имело наибольший смысл, если учесть, что в течение двух минут все люди были без сознания. Сознание вернулось в мир, в котором произошли авиакатастрофы и столкновения машин. Но все аварии, все несчастные случаи произошли не в течение этих двух минут. Ничего этого вообще не происходило. Мы просто одним прыжком преодолели расстояние от того, что было до Флэшфорварда, к тому, что все стало потом.

— Но это... это безумие какое-то, — с трудом произнес Ллойд. — Ты просто пытаешься выдать желаемое за действительное.

Они проходили мимо пивной. Из-за массивной закрытой двери доносилась громкая музыка.

— Нет. Это квантовая физика. Но итог один и тот же. Люди погибли или получили увечья точно так же, как если бы все несчастные случаи и аварии действительно произошли. И я не вижу никакого способа это изменить — как бы мне того ни хотелось.

Ллойд сжал руку Митико, и они пошли дальше. В будущее.

КНИГА III ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД СПУСТЯ ОСЕНЬ 2030

*Потерянное время вернуть невозможно.
Джон Х. Оги*

28

Все течет, все меняется.

В 2017 году группа физиков и исследователей головного мозга, работавших в основном в Стэнфорде, закончила создание теоретической модели смещения времени. Квантово-механическая модель сознания человека, предложенная Роджером Пенроузом⁶¹ тридцатью годами раньше, в общих чертах оказалась верной, несмотря на ошибочность некоторых деталей. И в том, что достаточно мощные эксперименты в области квантовой физики могут воздействовать на восприятие, не было ничего удивительного.

Однако ключевым фактором все же стали нейтрино. Еще в шестидесятые годы двадцатого века было установлено, что наше Солнце выбрасывает только половину того объема нейтрино, которые оно должно вырабатывать. Это явление было названо проблемой солнечных нейтрино.

Нагревание Солнца осуществляется за счет ядерной реакции водородного синтеза: четыре ядра водорода, каждое из которых является одним протоном, сливаются и образуют ядро гелия, состоящее из двух протонов и двух нейтронов. В процессе превращения двух изначальных протонов водорода в нейтроны должен происходить выброс двух электронных нейтрино... Но почему-то один из каждых двух нейтрино, которые достигают Земли, исчезает, словно ситуация каким-то образом корректируется. Вселенная будто бы знает, что в присутствии слишком большого числа нейтрино квантово-механические процессы, лежащие в основе сознания, теряют устойчивость.

Открытие в 1998 году того факта, что нейтрино все же обладают микроскопически малой массой, сделало вероятным решение давней проблемы солнечных нейтрино. Если, согласно гипотезе, нейтрино имеют массу, то, вероятно, их тип может меняться по мере перемещения в пространстве, а для примитивных детекторов это выглядит так, словно они исчезли. Однако в Нейтринной обсерватории в Садбери, где имелись возможности выявлять все типы нейтрино, ученые по-прежнему отмечали значительное расхождение между числом нейтрино, вырабатываемых Солнцем, и числом этих частиц, достигших Земли.

Согласно строгому антропному принципу, Вселенная нуждалась в порождении жизни, а по копенгагенской интерпретации квантовой физики Вселенной требуются квалифицированные наблюдатели. С учетом новых данных о взаимодействии нейтрино и сознания проблема солнечных нейтрино, очевидно, свидетельствует о том, что Вселенная действительно изо всех сил старается поддерживать существование таких наблюдателей.

Конечно, время от времени происходили выбросы нейтрино за пределами Солнечной системы, но при обычных условиях их мощность не превышала допустимого уровня. Но когда произошло *отклонение* условий от нормы, то есть когда нейтринная вспышка наложилась на условия, подобные возникшим сразу после Большого Взрыва, произошло

⁶¹ Роджер Пенроуз — выдающийся современный ученый, активно работающий в различных областях математики, общей теории относительности и квантовой теории; автор теории твисторов, которая отображает геометрическое пространство Минковского на четырехмерное сложное пространство. Возможно, речь идет о работе Пенроуза «Тени разума. В поисках науки о сознании». (Прим. ред.)

смещение времени.

В 2018 году Европейское космическое агентство отправило к объекту Сандулик (-69° 202') космический зонд «Кассандра». Конечно, зонду предстояло лететь до Сандулика миллионы лет, но это не имело особого значения. Важно было только то, что сейчас, в 2030 году, зонд «Кассандра» находился в двух с половиной триллионах километров от Земли, то есть на два с половиной триллиона километров ближе к остаткам сверхновой «1987А», а такое расстояние свет и нейтрино могли преодолеть за три месяца.

На «Кассандре» были установлены два прибора: направленный на Сандулик детектор света и тахионный эмиттер, нацеленный на Землю. Зонд «Кассандра» не мог непосредственно выявить нейтрино, но если бы Сандулик в очередной раз вышел из состояния коричневой дыры, то испустил бы свет и нейтрино, и тогда детектор зарегистрировал бы этот свет.

В июле 2030 года приборы на «Кассандре» уловили испускаемый Сандуликом свет. Зонд немедленно отправил к Земле сверхнизкоэнергетичный (а следовательно, сверхбыстрый) тахионный импульс. Сорок три часа спустя тахионы достигли Земли, и сработала сигнализация.

И вот через двадцать один год после первого смещения времени жители Земли были за три месяца предупреждены о том, что у них есть возможность еще раз заглянуть в будущее, если, конечно, они этого хотят. Безусловно, новая попытка Флэшфорварда должна была быть предпринята в тот самый момент, когда нейтрино с Сандулика войдут в контакт с Землей. Вряд ли могло быть простым совпадением то, что произойти это должно было в 19 часов 21 минуту по Гринвичскому времени в среду, 23 октября 2030 года, то есть точно в то время, которое было в видениях во время первого Флэшфорварда.

Дебаты в ООН по этому вопросу прошли в рекордно короткие сроки. Некоторые объясняли это тем, что настоящее оказалось не совсем таким, каким его увидели во время первого Флэшфорварда, и потому люди могли решить, что на новые видения не следует обращать особого внимания. Однако на самом деле общая реакция была как раз обратной: почти все мечтали еще раз заглянуть в будущее. «Эффект Скруджа» до сих пор действовал. К тому же выросло целое поколение людей, родившихся после 2009 года. Они считали себя обделенными и требовали шанса получить то, что уже пережили их родители: возможность заглянуть в будущее.

Как и прежде, ключом, отпирающим дверь в завтра, был ЦЕРН. Но Ллойд Симкоу, которому уже стукнуло шестьдесят шесть лет, не собирался участвовать в этом эксперименте. Два года назад он вышел на пенсию и отказался приехать в ЦЕРН. Ллойд и Тео все же получили Нобелевскую премию за совместную работу. Премия была вручена им в 2024 году, но не за открытие эффекта смещения времени и не за получение бозона Хиггса. Ллойд и Тео стали лауреатами Нобелевской премии за совместное изобретение тахион-тардионного коллайдера — настольного устройства, после появления которого необходимость в гигантских ускорителях попросту отпала. В ЦЕРНе осталось совсем немного сотрудников, но самый первый тахион-тардионный коллайдер был установлен именно там.

Возможно, Ллойд отказался участвовать в повторном эксперименте из-за того, что они с Митико развелись через десять лет после свадьбы. У них родилась дочь, но в глубине души Митико, хотя поначалу и сама себе в этом не признавалась, все же считала Ллойда виновным, пусть и косвенно, в гибели ее первой дочери. Когда это обвинение слетело с ее губ во время ссоры с Ллойдом, она сама сильно удивилась. Но так уж получилось.

Ллойд и Митико любили друг друга, но в конце концов решили, что жить вместе больше не могут. Ллойд так и не смог избавиться от чувства вины, а Митико не могла не винить его в смерти Тамико, и это тяготило обоих. Но по счастью, развод не был таким болезненным, как у родителей Ллойда. Митико уехала в Японию и увезла с собой дочь Джоан. Ллойд мог навещать девочку только раз в год, на Рождество.

У Ллойда не было особого желания участвовать в повторении эксперимента, хотя его помощь оказалась бы неоценимой. Он был счастлив во втором браке. Он женился на Дорин — той самой женщине из видения, и они жили в своем доме в Вермонте.

А вот Джейк Горовиц, который давно ушел из ЦЕРНа и теперь работал со своей супругой Карли Томпкинс в TRIUMF, согласился приехать в Швейцарию на три месяца. Карли поехала с ним, и им с Джейком пришлось терпеть добродушные подтрунивания коллег, интересовавшихся, какую из лабораторий в ЦЕРНе они жаждут «окрестить». Джейк и Карли были женаты уже восемнадцать лет, у них родились трое чудесных детей.

Теодосиос Прокопидес до сих пор работал в ЦЕРНе вместе с почти тремястами сотрудниками, проводившими эксперименты на тахион-тардионном коллайдере. Тео, Джейк, Карли и другие члены основной команды ученых работали засучив рукава, чтобы до регистрации поступления нейтрино с Сандулика успеть подготовить бездействующий уже пять лет Большой адронный коллайдер к новому эксперименту.

29

У сорокавосемилетнего Тео были свои личные причины радоваться, что 2030 год оказался не совсем таким, каким предстал перед людьми в видениях 2009-го. Тео отрастил густую бороду, прикрывшую тяжелый подбородок. Теперь к вечеру он не выглядел так, словно ему не мешало бы еще раз побриться. Поскольку маленький Хельмут Дрешер в своем видении обратил внимание на подбородок Тео, борода для него стала одним из мелких проявлений свободы воли.

Но чем ближе был день повторения эксперимента, тем больше нервничал Тео. Он пытался убедить себя, что волнуется просто потому, что может возникнуть нештатная ситуация, но БАК работал отлично, и Тео вынужден был признаться: дело вовсе не в этом.

Нет, нервничал он исключительно из-за того, что день, когда, согласно видениям 2009 года, он должен был погибнуть, становился все ближе.

У Тео пропал аппетит, он почти не спал. Если бы за прошедшие годы ему удалось узнать, кто изначально желал его смерти, возможно, все стало бы гораздо проще. Тогда ему нужно было бы просто-напросто постараться избежать встречи с этим человеком. Но он понятия не имел, кто собирался нажать на курок.

И вот наконец с неизбежностью наступил понедельник, 21 октября 2030 года, — дата, которая, согласно одной из версий реальности, была высечена на надгробии Тео. В то утро он проснулся в холодном поту.

В ЦЕРНе еще было много дел — ведь до момента притока к Земле нейтрино с Сандулика осталось всего два дня. Тео пытался выбросить из головы мрачные мысли, но и в своем кабинете никак не мог сосредоточиться на работе.

Вскоре после десяти утра Тео не выдержал. Он вышел из центра управления БАК, надев бежевую кепку и зеркальные солнцезащитные очки. День выдался холодным, полнеба было затянуто облаками. Но теперь никто не выходил на улицу без головного убора и темных очков. И хотя истончение озонового слоя было наконец приостановлено, восстановить прежний уровень озона пока не удавалось.

Снежные вершины гор Юра сверкали на солнце. На автостоянке Тео заметил большой туристический автобус. Почти опустевший ЦЕРН, конечно, уже не был, как раньше, экскурсионной Меккой, но и туристов во время эксперимента сюда ни за что не пустили бы. Этот автобус арендовали для доставки журналистов из аэропорта.

Тео подошел к красному «форду октавия» — не слишком дорогой, но надежной машине. В молодости его игрушками были ускорители элементарных частиц, стоившие миллиарды долларов, поэтому для престижа ему не нужен был дорогой автомобиль.

Машина узнала его, и Тео кивнул. Дверца скользнула вверх. Машины с открывающимися вбок дверцами еще продавались, но места на парковках в центре городов было так мало, что такие автомобили, как у Тео, были куда удобнее.

Тео сел в машину и сказал, куда хочет ехать.

— В это время дня, — сообщил автомобиль приятным мужским голосом, — быстрее всего можно доехать по рю Менар.

— Отлично, — сказал Тео. — Веди ты.

Машина послушно оторвалась от земли.

— Музыку или новости? — поинтересовался синтезированный голос.

— Музыку, — ответил Тео.

В салоне автомобиля зазвучали песни одной из любимых групп Тео. Но музыка его не успокаивала. Черт побери... Ведь он знал, что ему не следовало находиться здесь, в Швейцарии. Но Большой адронный коллайдер оставался самым крупным в мире прибором подобного типа. Все попытки возродить проект Сверхпроводимого суперколлайдера, отвергнутый Конгрессом США в 1993 году, провалились. Обслуживание ускорителей элементарных частиц стало вымирающей профессией. Большинство из тех, кто строил большой электрон-протонный ускоритель — первый, установленный в гигантском подземном туннеле ЦЕРНа, — либо умерли, либо вышли на пенсию, и лишь немногие из тех, кого приняли на работу четверть века назад, до сих пор трудились здесь. Короче говоря, опыт Тео был необходим в Швейцарии. Но будь он проклят, если согласится играть роль подсадной утки!

Машина остановилась у полицейского управления Женевы. Старинное здание было построено больше века назад, и хотя после 2021 года автомобили с двигателями внутреннего сгорания были объявлены вне закона, на фасаде полицейского управления до сих пор сохранилась копоть от выхлопных газов. Пескоструйщикам еще предстояло хорошенько потрудиться над этой стеной.

— Открой, — распорядился Тео.

Дверь послушно поднялась.

— Свободных мест для парковки в радиусе пятисот метров нет, — сообщила машина.

— Поезжай вокруг квартала, — велел Тео. — Позову, когда освобожусь.

Автомобиль издал мелодичный звон. Тео надел кепку и очки и вылез из машины. Прошел по тротуару, поднялся по ступеням и вошел в здание.

— Здравствуйте, — поздоровался по-французски крупный светловолосый полицейский, сидевший за письменным столом. — Могу ли я вам чем-то помочь?

— Да, — тоже по-французски ответил Тео. — Позовите, пожалуйста, детектива Хельмута Дрешера.

Хельмут Дрешер действительно стал детективом. Тео из чистого любопытства удостоверился в этом несколько месяцев назад.

— Мута сейчас нет на месте, — объяснил дежурный по-французски. — Может, кто-то другой сумеет помочь?

У Тео упало сердце. Дрешер хотя бы мог его понять, но пытаться объяснить свое положение совершенно незнакомому человеку...

— Мне необходимо поговорить именно с детективом Дрешером, — заявил Тео. — Как думаете, он скоро вернется?

— Честно говоря, не... О, вам сегодня везет. Вот и Мут.

Тео обернулся. В помещение вошли двое мужчин, на вид ровесники. Который из них Дрешер?

— Детектив Дрешер? — нерешительно произнес Тео.

— Это я, — отозвался тот, что был справа.

Хельмут стал весьма импозантным мужчиной. Русые волосы, мужественные черты лица, ярко-голубые глаза.

— Говорю же, — улыбнулся дежурный офицер, — у вас сегодня счастливый день.

«Только если я его переживу», — подумал Тео.

— Детектив Дрешер, — сказал он, — мне нужно с вами поговорить.

Дрешер повернулся к своему напарнику:

— Я попозже зайду, Фриц.

Фриц кивнул и ушел по коридору.

Дрешер, похоже, не узнал Тео. Еще бы. Со времени их первой встречи минул двадцать один год, и хотя предстоящий повторный эксперимент по смещению времени широко освещался в средствах массовой информации, Тео был очень загружен и в последнее время на экранах телевизоров не появлялся. На интервью он отправлял Джейка Горовица.

Дрешер одет был довольно просто, но Тео не мог не обратить внимания на его дорогие туфли. Дрешер прижал ладонь к считывающему устройству, и двери в дежурную комнату открылись. Они вошли. Плоские компьютеры, не толще листа бумаги, были сложены на одних столах в стопку, на других — валялись как попало. Всю стену целиком занимала электронная карта Женевы, показывающая движение транспорта в городе и дающая возможность проследить за каждой отдельной машиной. Тео попытался отыскать свою машину, кружащую по кварталу в поисках парковки. Похоже, в своих поисках его автомобиль был не одинок.

— Садитесь, — пригласил Дрешер, указав на стул напротив письменного стола. Он взял плоский компьютер из стопки и положил на стол. — Не возражаете, если я запишу нашу беседу? — спросил он.

Его слова — на французском — тут же появились на мониторе в виде текста. В начале строки возникло имя: «Х. Дрешер».

Тео покачал головой. Дрешер кивком указал на компьютер. Тео догадался, что нужен устный ответ.

— Нет, — произнес он по-французски.

Компьютер послушно записал его ответ, поставив, однако, знак вопроса перед этим словом.

— Как вас зовут?

— Теодосиос Прокопидес, — ответил Тео, ожидая, что, услышав знакомые имя и фамилию, Дрешер наконец его узнает.

Имя и фамилию компьютер записал, по крайней мере, правильно. Тео даже заметил маленькое окошечко, в котором его данные были написаны по-гречески и приводились краткие факты биографии. Вместо знака вопроса перед ответом «Нет» появилось «Т. Прокопидес».

— Чем могу быть полезен? — осведомился Дрешер.

— Вы ведь знаете, кто я такой, правда? — ответил вопросом на вопрос Тео.

Дрешер покачал головой.

— Когда мы виделись в прошлый раз, у меня не было бороды.

Детектив взглянул в лицо Тео.

— Нет, я не... О! О господи! Это вы!

Тео опустил глаза. Компьютер послушно расставил восклицательные знаки. А когда Тео посмотрел на Дрешера, то заметил, что детектив побледнел.

— Да, — сказал Тео. — Это я.

— Бог мой, — произнес Дрешер. — Меня столько лет преследовали воспоминания. — Он покачал головой. — Знаете, с тех пор мне не раз случалось присутствовать при вскрытии. Я видел много трупов. Но... увидеть такое, когда ты совсем ребенок... — Он поежился.

— Простите, — сказал Тео и после короткого молчания спросил: — А вы помните, как я заходил к вам домой вскоре после вашего видения? У ваших родителей был очень красивый дом, с такой большой лестницей. Помните?

— Помню, — кивнул Дрешер. — Я тогда жутко испугался.

— И за это тоже простите, — едва заметно пожал плечами Тео.

— Я пытался выбросить это видение из головы, — признался Дрешер. — Все эти годы я старался о нем не вспоминать. Но оно по-прежнему возвращается. Представляете? Я много чего успел повидать, но то видение меня не отпускает.

Тео только виновато улыбнулся.

— Вы тут ни при чем, — взмахнув рукой, сказал Дрешер. — А что вы видели в своем видении?

Тео изумил его вопрос. Дрешер, похоже, до сих пор не мог связать свое видение с сидевшим перед ним реальным живым человеком.

— Ничего, — ответил Тео.

— Ах да, конечно, — смутился Дрешер. — Извините. На несколько секунд в комнате воцарилось неловкое молчание, затем Дрешер снова заговорил:

— Знаете, на самом деле все не так плохо. То видение... Из-за него я заинтересовался работой полицейских. Если бы не видение, то вряд ли пошел бы в академию.

— И давно вы на этой службе? — спросил Тео.

— Семь лет. Последние два года работаю детективом.

Тео понятия не имел, означает ли это стремительное восхождение по служебной лестнице, но быстро сделал в уме простые арифметические расчеты. Университетскую степень Дрешер получить не мог. Тео столько времени проводил в научных кругах, что всегда боялся ляпнуть что-нибудь высокомерное при тех, кто не имел высшего образования.

— Это хорошо, — уклончиво ответил Тео.

Дрешер пожал плечами, нахмурился и покачал головой:

— Вам не следовало бы здесь находиться. Да и вообще в Европе, если на то пошло. Вас должны убить... убили... Даже не знаю, как лучше сказать... в Женеве или где-то поблизости... Иначе мне не поручили бы расследование убийства. Будь у меня видение, что меня прикончат здесь, в этот самый день, я бы махнул на Гавайи или куда подальше.

Настала очередь Тео пожимать плечами.

— Я вовсе не жаждал здесь находиться, но у меня нет выбора. Я же говорил вам, что работаю в ЦЕРНе. Я входил в группу, которая двадцать один год назад проводила эксперимент на Большом адронном коллайдере. И я нужен там послезавтра. Поверьте, будь у меня выбор, я с радостью уехал бы.

— Вы не занялись боксом?

— Нет.

— Потому что в моем видении...

— Знаю, знаю. Вы говорили, что меня убили на ринге.

— Мой отец постоянно смотрел бокс по телевизору, — сказал Хельмут. — Для торговца обувью, пожалуй, немного странное увлечение, но он просто обожал бокс. И я смотрел матчи вместе с ним, даже еще ребенком.

— Послушайте, — начал Тео, — вы лучше других знаете, что мне действительно грозит опасность. Вот почему я пришел к вам. — Он судорожно сглотнул и продолжил: — Мне нужна ваша помощь, Хельмут. Мне нужна защита полиции. С этого момента и до начала эксперимента. — Тео посмотрел на настенные часы — собственно даже не часы, а плоский компьютер, прикрепленный к стене скотчем. На экране светились пятнадцатисантиметровые цифры. — А он начнется через пятьдесят один час.

Дрешер указал на разложенные на столе плоские компьютеры.

— У меня уйма работы.

— Пожалуйста. Вы знаете, что может случиться. У большинства людей в эту среду выходной. Как вы прекрасно понимаете, это сделано для того, чтобы все могли позаботиться о собственной безопасности на момент смещения времени. Мне ужасно неловко вас просить, но не могли бы вы освободиться на среду? Если есть такая возможность, постарайтесь закончить все срочные дела сегодня и завтра.

— У меня в среду нет выходного. — Мут указал на остальных офицеров, сидевших за рабочими столами. — И ни у кого из нас нет. Мало ли что может случиться. — Пауза. — У вас нет никаких предположений насчет того, кто может вас убить?

Тео покачал головой, взглянул на экран плоского компьютера, продолжавшего исправно вести запись их разговора, и ответил:

— Нет. Не имею ни малейшего представления. Двадцать один год я ломал голову,

пытаясь выяснить, кто бы это мог быть. Все думал: кому же я так насолил, что он хочет меня убить, или кто может выиграть от этого? Но так и не додумался. У меня нет врагов.

— Ни одного?

— Ну, понимаете... Можно ведь впасть в безумие, стать параноиком. Начинаешь подозревать всех и вся. На самом деле одно время я подозревал своего бывшего коллегу Ллойда Симкоу. Но я с ним вчера говорил по телефону. Он в Вермонте и в Европу в ближайшее время не собирается.

— Но если он сядет на сверхзвуковой самолет, то доберется сюда... часа за три, — заметил Дрешер.

— Понимаю, понимаю, но я уверен, что это не он. Но кто-то охотится за мной, какой-то... Как это у вас называется? Есть какой-то термин. Один человек или несколько неизвестных личностей, которые действительно могут попытаться совершить покушение на мою жизнь. И я прошу... Я просто умоляю вас: не дайте этому человеку, этим людям добраться до меня.

— Где вы должны сегодня находиться?

— В ЦЕРНе. Либо у себя в кабинете, либо в центре управления Большим адронным коллайдером, либо внизу, в туннеле.

— В туннеле?

— Да. Вы, наверное, слышали, что в ЦЕРНе имеется туннель окружностью двадцать семь километров, прорытый под землей на глубине сто метров. Такое вот гигантское кольцо. Знаете? Именно в нем находится Большой адронный коллайдер.

Дрешер в задумчивости прикусил нижнюю губу.

— Позвольте мне переговорить с начальством.

Он встал, пересек комнату и постучал в дверь. Дверь скользнула в сторону. Тео увидел сидевшую за столом строгую темноволосую женщину. Дрешер вошел в кабинет, дверь за ним закрылась.

Тео показалось, что Дрешер отсутствовал целую вечность. Тео сидел и нервно оглядывался по сторонам. На столе у Дрешера стояли голографические фотоснимки. На одном была изображена красивая девушка: то ли жена, то ли подруга, а на втором — пожилые мужчина и женщина. Женщину Тео узнал: фрау Дрешер. Если снимок был сделан недавно — а иначе и быть не могло, поскольку еще пару лет назад голокамеры были не по карману честному копу, — то годы пощадили мать Хельмута. Она до сих пор была весьма привлекательной, даже несмотря на то что не закрашивала седину.

Наконец дверь кабинета открылась и оттуда вышел Дрешер. Пройдя через дежурную комнату, он вернулся к своему столу.

— Извините, — сказал детектив, сев на свое место. — Если бы вам кто-то угрожал...

— Разрешите мне поговорить с вашей начальницей.

— Она вас не примет, — фыркнул Дрешер. — Она и меня-то принимает через раз. — И добавил более мягким тоном: — Мне очень жаль, мистер Прокопидес. Послушайте... Просто будьте осторожны. И все.

— Я думал, что из всех именно вы... меня поймете.

— Я обычный коп, — отрезал Дрешер. — Мне отдают приказы, и я их выполняю. — Он немного помолчал, а потом сказал с иронией в голосе: — Кстати говоря, а вдруг вы совершили ошибку, обратившись ко мне? То есть вдруг это я застрелил вас тогда, в первый раз? Кажется, у Агаты Кристи есть такой сюжет, где убийца — детектив?

Брови Тео удивленно поползли вверх. Его сердце бешено забилося. Он не знал, что на это сказать. Господи... Ведь в него стреляли из «глока» — любимого пистолета всех полицейских!

— Не бойтесь, — усмехнулся Дрешер. — Я просто пошутил. Решил вас немножко попугать за тот страх, который я из-за вас испытал двадцать с лишним лет назад.

Он наклонился к столу и пару раз провел указательным пальцем по экрану, чтобы стереть последние строчки записи беседы с Тео.

— Удачи вам, мистер Прокопидес. Как я уже сказал, просто будьте внимательны и осторожны. Для миллиардов людей будущее оказалось не таким, каким они увидели его в своих видениях. Мне не следовало бы говорить вам об этом, так как вы ученый и все такое, но вряд ли стоит верить, что именно ваше видение сбудется.

Тео вызвал свой автомобиль, позвонив по мобильному телефону. Машина подъехала. Тео сел в нее и отправился в обратный путь.

Дрешер, без сомнения, прав. Тео стало неловко за собственные страхи. Наверное, просто накопилась усталость. Ночью ему приснился дурной сон, он очень волновался за предстоящий эксперимент, вот нервы и сдали. Он пытался расслабиться, глядя в окно на окрестности. Вскоре машина подвезла его к центру управления БАК. Туристический автобус стоял на том же месте. У Тео защемило в груди. Автобусы компании «Глобал гейтвей» колесили по всей Западной Европе. Сам Тео никогда не ездил на экскурсии по Европе, но еще подростком он вместе с друзьями с нетерпением поджидал эти автобусы в июле и августе. На них часто приезжали в Грецию девушки из Северной Америки в поисках летних приключений. В те годы Тео не раз проводил с американками романтические вечера.

Но приятные воспоминания сменились грустью. Тео подумал о родительском доме, об Афинах. После похорон Дима он был там всего два раза. Почему он не уделял родителям больше внимания? Тео велел автомобилю найти свободное место на стоянке, вышел и направился в центр управления БАК.

— О, Тео! — воскликнул попавшийся ему навстречу Джейк Горовиц. — А я тебя искал. Позвонил на номер твоего автомобиля, а он мне ответил, что тебя то ли арестовали, то ли еще что-то в этом роде.

— У машины хорошее чувство юмора, — ответил Тео. — На самом деле я просто кое-кого навестил... Одного старого друга.

— У нас тут проблема с БАК. Джиггс не знает, как быть.

— О?

— Да. Что-то с одной из систем криостатов. Номер сорок четыре, в третьем секторе.

Тео нахмурился. Уже несколько лет БАК не работал на полную мощность. Тридцатичетырехлетний Джиггс возглавлял эксплуатационный отдел, но при этом ни разу не видел, чтобы коллайдер запускали на полную мощность.

Тео кивнул. Управление криостатами всегда было непростым делом.

— Схожу проверю.

В старые добрые времена, когда в ЦЕРНе работали три тысячи сотрудников, Тео не пришлось бы спускаться в туннель в одиночку, но сейчас рук не хватало. И к тому же... Он решил, что для него туннель, пожалуй, самое безопасное место. Да, конечно, какой-нибудь псих мог пробраться на территорию ЦЕРНа, чтобы прикончить Тео, но нарушителя остановили бы задолго до того, как он попытался бы спуститься в туннель. Кроме того, никто, кроме Джейка и Джиггса, не мог знать, что Тео в туннеле, а им он целиком и полностью доверял.

Тео спустился на лифте до отметки «минус сто метров». Воздух в туннеле ускорителя был влажный и теплый, пахло машинным маслом и озоном. Освещение было тусклым. Флуоресцентные лампы на потолке и аварийные фонари, установленные на стенах через равные промежутки, озаряли все кругом голубовато-белым светом. Жужжание аппаратуры, гул системы вентиляции, стук подошв Тео по бетонному полу — все эти звуки громким эхом разносились по туннелю. Не считая ровного пола, туннель в сечении был практически круглым; его диаметр на разных участках составлял от трех целых восьми десятых до пяти с половиной метров.

Тео не раз бывал в этом туннеле. Он по привычке посмотрел сначала в одну сторону, а потом — в другую. Дальность видимости в туннеле была хорошей, но только до того места, где начинался изгиб стен.

К потолку туннеля была прикреплена двутавровая балка, а к ней был подвешен

монорельсовый состав. Джиггс оставил его в этом месте. Поезд состоял из кабинки, в которой мог поместиться только один человек, за ней шли три небольшие вагонетки — в сущности, металлические корзины, годившиеся для перевозки скорее грузов, нежели людей, и замыкала состав еще одна пассажирская кабинка с сиденьем в противоположную сторону. Кабинки представляли собой просто-напросто раму с наклонным ветровым стеклом, с прожекторами над ним и с широким резиновым бампером внизу.

Водителю этого поезда приходилось сидеть, вытянув ноги вперед. Кабинка явно не была рассчитана на то, чтобы в ней можно было устроиться с комфортом. Спереди на кабинке красовалась надпись «ORNEX» — название фирмы — производителя монорельса. По обе стороны от названия располагались маленькие красные катафоты, а ниже — черно-желтая полоса. Инженеры хотели, чтобы кабинки монорельса были хорошо видны в тускло освещенном туннеле. В 2020 году монорельсовую дорогу отремонтировали и усовершенствовали. Теперь поезд мог разгоняться до шестидесяти километров в час, а стало быть, объехать весь туннель меньше чем за полчаса.

Тео достал из шкафчика чемоданчик с инструментами и надел свою личную желтую каску. Хотя он редко спускался в туннель, ему, как заслуженному сотруднику, выделили персональную каску. Затем он положил чемоданчик с инструментами в вагонетку, забрался в кабинку и включил механизм монорельса. Поезд почти бесшумно тронулся в нужном направлении, по часовой стрелке, и исчез в темноте.

Детектив Хельмут Дрешер пытался заниматься своей обычной работой. Ему нужно было просмотреть материалы семи заведенных дел, и капитан Лавуазье его торопила. Но мысли Мута постоянно возвращались к Тео Прокопидесу. Ученый показался ему симпатичным малым, и Мут жалел, что ничем не смог ему помочь. Правда, для мужчины, которому под пятьдесят, Тео был в хорошей форме и вполне мог за себя постоять. Мут нашел плоский компьютер, на котором был записан его разговор с Тео, и ознакомился с биографическими данными ученого. Родился 2 марта 1982 года — значит, ему сорок восемь. Для боксера староват, да и телосложение все же не то. Может быть, в альтернативной реальности, показанной в видениях, он был тренером или рефери, а не бойцом. Но нет... В этом не было никакого смысла. Мут сохранил визитную карточку, которую Тео дал ему двадцать один год назад. Иногда он ее даже рассматривал. На карточке было четко напечатано: «ЦЕРН». Значит, если до Флэшфорварда Тео уже был физиком, вряд ли он переметнулся бы в спорт. Но свое видение Мут до сих пор помнил очень ярко: мужчина в белом халате — теперь он понимал, что это был патологоанатом, — ясно сказал, что Тео был убит на ринге, и...

На ринге.

Как же сказал Прокопидес сегодня? «Вы, наверное, слышали, что в ЦЕРНе имеется туннель окружностью двадцать семь километров, прорытый под землей на глубине сто метров. Такое вот гигантское кольцо. Знаете?»

Мут был маленьким мальчиком, который постоянно смотрел с отцом бокс, маленьким мальчиком, обожавшим фильм «Роки». Потому-то и решил тогда, что «на ринге» означает «на матче по боксу». С тех пор он больше об этом не задумывался, а ведь английское слово «ринг» переводится как «кольцо»!

«Такое вот гигантское кольцо. Знаете?»

Черт! Возможно, Прокопидесу грозила реальная опасность. Мут встал из-за стола и снова отправился к капитану Лавуазье.

Забарахлившая система криостатов находилась на расстоянии около десяти километров. Монорельс должен был доставить Тео до места назначения примерно за десять минут. Свет прожекторов рассекал темноту. Конечно, по всей длине туннеля были установлены люминесцентные лампы, но одновременно освещать все двадцать семь километров его окружности смысла не имело.

Наконец поезд поравнялся с тем местом, где были обнаружены неисправные криостаты. Тео остановил состав, сошел на платформу, нашел панель включения освещения и повернул рубильник так, чтобы туннель был хорошо освещен на пятьдесят метров в обе стороны.

На сей раз капитан Лавуазье смиростивилась и разрешила Дрешеру до конца дня поработать телохранителем Тео. Мут сел в обычную машину, без опознавательных знаков, и отправился в ЦЕРН. Он думал, что проезд на территорию ЦЕРНа осуществляется, как везде: сигнал от машины сотрудника — и тебя автоматически пропускают. Однако ему пришлось остановиться у ворот и показать компьютеру на входе свой значок. Только тогда решетка ворот поднялась и пропустила его машину. Мут попросил компьютер указать направление. Комплекс ЦЕРНа состоял из десятков практически пустых зданий. Около пяти минут Мут искал центр управления БАК. Автомобиль опустился на землю, и молодой полицейский поспешил войти в здание.

По коридору, украшенному мозаичными панно, шла привлекательная женщина средних лет с симпатичными веснушками. Мут показал ей свой полицейский значок.

— Я ищу Тео Прокопидеса, — сказал он.

Женщина повела его в глубь здания. Она заглянула сначала в один кабинет, потом в другой, но Тео ни тут, ни там не оказалось.

— Давайте зайдем к моему мужу, — предложила женщина. — Они с Тео работают вместе.

Еще один бесконечный коридор и еще одна дверь.

— Джейк, это офицер полиции. Он разыскивает Тео.

— Тео спустился в туннель, — отозвался Джейк. — К этой треклятой системе криостатов в третьем секторе.

— Ему может угрожать опасность, — сказал Мут. — Отведете меня к нему?

— Опасность?

— Судя по его видению, он должен сегодня погибнуть, и у меня есть все основания полагать, что это произойдет в туннеле.

— Господи... — выдохнул Джейк. — А... конечно, конечно, я могу вас туда доставить, и... проклятье! Черт побери, он наверняка уехал на монорельсе.

— На монорельсе?

— В туннеле есть монорельсовый поезд. И чтобы добраться до нужного места, Тео должен был проехать на нем десять километров.

— Там только один поезд?

— Было еще три, но несколько лет назад мы их продали. Остался один.

— Можно добраться на машине до станции дальнего доступа, — сказала женщина. — Дороги там нет, но можно пролететь над фермерскими полями.

— Точно. Точно! — обрадовался Джейк и улыбнулся жене. — Красавица и умница! — И, повернувшись к Муту, воскликнул: — Вперед!

Джейк и Мут пробежали по коридору, потом через вестибюль и выскочили на автостоянку.

— Возьмем мою машину, — сказал Мут.

Они сели в автомобиль, Мут нажал кнопку «старт», и машина оторвалась от асфальта и послушно выполнила инструкции Мута. Как только они оказались за пределами комплекса, Джейк ткнул пальцем в сторону фермерского поля.

Машина полетела туда.

Тео осмотрел обшивку системы криостатов. Неудивительно, что Джиггс не сумел ее отладить: он воспользовался не тем портом доступа. Та панель, через которую он пытался подобраться к контрольной аппаратуре, до сих пор была открыта, а нужные потенциометры находились за другой панелью.

Тео попытался открыть дверцу, но она не под давалась. За годы бездействия в сыром и темном туннеле дверца панели, видимо, заржавела. Тео порылся в чемоданчике с инструментами в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подцепить дверцу, но нашел только несколько отверток, которые для этой цели явно не годились. Ему нужен был ломик или что-то в этом роде. Тео выругался по-гречески. Он мог вернуться на монорельсе в центр управления и взять подходящий инструмент, но ужасно не хотелось терять время. Наверняка в туннеле можно было найти подходящее орудие. Он оглянулся, но вспомнил, что на протяжении последних ста метров пути ничего такого ему на глаза не попало. Правда, он особо не присматривался. Пожалуй, имело смысл пройти еще немного вперед по часовой стрелке и поискать хоть что-нибудь, чем можно было бы подцепить треклятую дверцу.

Станция дальнего доступа представляла собой старый бетонный бункер посреди рапсового поля. Автомобиль Мута опустился на узкую подъездную дорожку. Мут выключил двигатель, и они с Джейком вышли из машины.

Был полдень, а в октябре в это время солнце стоит не слишком высоко. Но хотя бы не было пчел, которые летом просто оккупировали рапсовые поля. Выше, в горах, росли сосны и ели, а здесь — только невысокие лиственные деревья. На многих из них листва уже пожелтела.

— Пошли, — сказал Джейк.

— А там... нет радиации? — растерянно спросил Мут.

— Когда коллайдер не включен, нет. Абсолютно безопасно.

Пока они шли к бункеру, мимо деловито пробежал еж и спрятался в высоких сухих стеблях рапса. Джейк резко остановился перед дверью. Дверь была старомодная, с тяжелым засовом, который почему-то был открыт. На траве рядом с бункером валялся ломик.

Мут подошел к двери.

— Ржавчины нет, — произнес он, указав на то место, где был взломан засов. — Это сделано недавно. — Он поддел носком ботинка ломик. — Трава внизу еще зеленая. Значит, это произошло вчера или сегодня. — Детектив посмотрел на Джейка: — У вас там внизу есть что-нибудь ценное?

— Ценное — да, — кивнул Джейк. — Но такое, что можно было бы продать... вряд ли. Если только, конечно, у вас нет выхода на черный рынок, где можно было бы задорого загнать оборудование для тончайших экспериментов в области физики высоких энергий.

— Вы говорите, что этот коллайдер в последнее время не использовался?

— Да, уже несколько лет.

— Может быть, это сделали скваттеры? Ну, бездомные. Не мог там кто-нибудь поселиться?

— Ну... В принципе не исключено. Правда, там холодно и темно, но с потолка не капает.

На бедре у Мута висела небольшая сумка. Он вытащил из нее маленькое электронное устройство и провел им вдоль лома.

— Полно отпечатков пальцев, — сообщил он.

Джейк посмотрел на экран прибора и увидел отпечатки пальцев. Мут нажал несколько кнопок на панели.

— Зарегистрированных совпадений нет. Тот, кто это сделал, никогда не был под арестом в Швейцарии или в одной из стран Евросоюза. — Пауза. — Прокопидес сейчас далеко отсюда?

— Около пяти километров в ту сторону, — кивнул Джейк. — Но здесь мы должны найти пару хOVERкартов. Возьмем один и на нем доберемся.

— Мобильник у него с собой? Мы можем ему позвонить?

— Он находится на глубине сто метров, — ответил Джейк. — Мобильники там не работают.

Они поспешно вошли в бункер.

Тео прошел пару сотен метров по туннелю, но не обнаружил ничего, что помогло бы ему открыть дверцу панели на обшивке системы криостатов. Он оглянулся назад; криостаты исчезли за поворотом. Тео уже собрался было прекратить поиски и вернуться к монорельсовому поезду, как вдруг его внимание привлекло что-то странное впереди. Он увидел человека, работавшего рядом с одним из секступольных магнитов. Человек был без каски, тем самым злостно нарушая правила техники безопасности. Тео решил окликнуть его, но не стал этого делать, вспомнив об ужасной акустике в туннеле. Да и какое имеет значение, кто это такой: главное, что у него мог оказаться при себе более полный набор инструментов.

Тео пошел к человеку около магнита. Рядом работал мощный вытяжной вентилятор, и его шум заглушал шаги Тео. На полу туннеля стоял ховеркарт — диск диаметром около полутора метров с двумя сиденьями под навесом. Первоначально ховеркарты были придуманы для использования на полях для гольфа. На них было гораздо удобнее перемещаться по лужайкам, чем на старых машинах с моторами.

В прежние времена в ЦЕРНе работали тысячи сотрудников, которых Тео не знал в лицо, но теперь, когда их осталось всего несколько сотен, он очень удивился, увидев перед собой незнакомца.

— Эй, послушайте! — окликнул его Тео. Мужчина — лет пятидесяти, худощавый, седой, с темно-серыми глазами — вздрогнул и резко обернулся. У него с собой был чемоданчик с инструментами, но...

Порт доступа на обшивке вытяжного вентилятора был открыт, и мужчина только что установил внутрь обшивки какое-то устройство...

...устройство, похожее на маленький алюминиевый чемоданчик. Маленький чемоданчик с цепочкой светящихся синих цифр на боку.

Синих цифр, ведущих обратный отсчет.

30

Вдоль стены бункера выстроились шкафчики. Джейк достал две желтые каски. Одну надел сам, вторую протянул Муту. Вниз можно было спуститься и по аварийной лестнице, и на лифте. Джейк нажал кнопку вызова лифта, и они целую вечность ждали, пока подъедет кабина.

— Кто бы ни взломал дверь, наверняка он до сих пор внизу, — заметил Джейк. — Иначе кабина была бы сейчас наверху.

— А не мог он спуститься по лестнице? — поинтересовался Мут.

— Возможно, но... сто метров. Вряд ли. Это высота тридцатиэтажного дома. Даже идти вниз тяжело будет.

Наконец подъехала кабина лифта. Джейк с Мутом вошли внутрь, и Джейк нажал кнопку нужного уровня. Кабина опускалась до туннеля целую минуту. Мужчины поспешно вышли. Около лифта стоял ховеркарт. Джейк тут же бросился к нему.

— Кажется, вы что-то говорили о двух ховеркартах?

— Я точно знаю, что их должно быть два, — ответил Джейк.

Джейк сел на место водителя, Мут устроился сзади. Джейк включил фары и запустил двигатель на воздушной подушке. Карт плавно поднялся вверх и полетел по туннелю против часовой стрелки. Джейк попытался выжать максимальную скорость. Ближайший участок туннеля был прямым. Такие участки находились вблизи всех четырех крупных детекторов — во избежание излучения от синхротрона. Посередине прямого отрезка возвышалось гигантское двадцатиметровое сооружение — пустой кожух компактного мюонного соленоида — детектора элементарных частиц, снабженного магнитом массой четырнадцать тысяч тонн. В свое время производство и установка мюонного соленоида обошлась в сто миллионов долларов США. После изобретения тахион-тардионного коллайдера ЦЕРН

выставил некоторые устройства на продажу, в том числе Большой ионный коллайдер, который ранее находился в аналогичной камере в другой точке туннеля, и систему управления. Японское правительство приобрело эту аппаратуру, и ее установили в лаборатории в Цукабе. Контроль за демонтажом оборудования в ЦЕРНе и сборкой у себя на родине осуществляла Митико Комура.

Негромкое гудение мотора хOVERкарта эхом отражалось от опустевшего кожуха, в котором вполне можно было бы поместить небольшой многоквартирный дом.

— Далеко еще? — спросил Мут.

— Нет, — ответил Джейк.

И они продолжили путь.

Тео уставился на мужчину, сидевшего на корточках перед корпусом вентилятора.

— Mein Gott, — тихо произнес мужчина.

— Вы... — обратился к нему Тео по-французски. — Кто вы такой?

— Приветствую вас, доктор Прокопидес, — сказал мужчина.

Тео расслабился. Если этот человек его знал, значит, он не мог быть незванным гостем. Кроме того, его лицо показалось Тео смутно знакомым.

Мужчина оглянулся через плечо, сунул руку в карман темной кожаной куртки и вытащил пистолет.

У Тео ёкнуло сердце. Много лет назад, когда маленький Хельмут упомянул о «глоке» калибра девять миллиметров, Тео сразу нашел в Интернете картинку с изображением пистолета. Сейчас на него было направлено именно это оружие. До пятнадцати пуль в обойме.

Мужчина опустил глаза и посмотрел на оружие с таким видом, будто сам удивлен тем, что держит его в руке.

— Маленький сувенир из Штатов. Там их купить намного проще. — Человек немного помолчал. — Я знаю, что вы думаете. — Он указал на алюминиевый чемоданчик с синим жидкокристаллическим таймером. — Вы думаете, это бомба. Так и есть. На самом деле я мог установить ее где угодно. Я долго искал подходящее место и нашел такое, где эту бомбу никто не найдет.

— Что... — выдавил Тео и сам удивился своему охрипшему голосу. Он судорожно сглотнул и попытался взять себя в руки. — Чего вы хотите добиться?

— Разве не ясно? Хочу помешать работе вашего ускорителя, — пожал плечами мужчина.

— Но зачем?

Мужчина чуть-чуть шевельнул рукой с пистолетом.

— Вы меня не узнаете?

— Ваше лицо мне кажется знакомым, но...

— Вы приезжали ко мне в Германию. Моя соседка тогда связалась с вами по Интернету. В своем видении я смотрел видеозапись выпуска новостей, где говорилось о вашей смерти.

— Точно! — воскликнул Тео. — Вспомнил!

Он забыл имя этого человека, но хорошо помнил их встречу двадцать лет назад.

— А почему, вы думаете, я смотрел эти новости? Почему сюжет о вашей смерти был единственным, который я смотрел в записи? Зачем перематывал пленку? Потому что проверял, нет ли каких-либо улик, указывающих на меня. Я в жизни никого не собирался убивать, но вас убью, если понадобится. В конце концов, это будет справедливо. Вы убили мою жену.

Тео уже открыл рот, чтобы возразить, сказать, что ничего такого не делал, но тут до него дошло. Да, он вдруг вспомнил встречу с этим человеком. Его жена упала на эскалаторе метро во время Флэшфорварда и сломала шею.

— Мы никак не могли знать, что такое случится. И не могли этого предотвратить.

— Еще как могли, — рявкнул мужчина.

Руш. Вот как его звали. Вольфганг Руш. Тео наконец вспомнил.

— Еще как могли предотвратить, — повторил Руш. — Вы не должны были заниматься тем, чем занимались. Подумать только, вы пытались воспроизвести условия рождения Вселенной! Хотели вынести дело рук Божьих на свет дня! Говорят, любопытство сгубило кошку. Это было *ваши* любопытство, и оно сгубило мою жену.

Тео не знал, что сказать. Как объяснить фанатику, что такое наука?! Как втолковать ему, что такое необходимость поиска, что такое исследования?

— Послушайте, — начал Тео, — где бы сейчас был мир, если бы мы не...

— Вы что, думаете, я свихнулся? — буркнул Руш. — Думаете, у меня крыша поехала? — Он покачал головой. — Нет, я не чокнутый.

Он сунул руку в задний карман брюк и вытащил бумажник. Встряхнув его одной рукой, вынул желто-голубую ламинированную карточку и показал Тео.

Тео посмотрел на карточку. Это было удостоверение сотрудника Университета имени Гумбольдта.

— Профессор, — подтвердил Руш. — Химический факультет. Доктор философии. Защищался в Сорбонне.

Все верно. Тогда, в 2009-м, он говорил, что преподает химию.

— Если бы я тогда знал о вашей роли во всем этом, то и разговаривать бы с вами не стал. Но вы заявили ко мне до того, как ЦЕРН публично признался в своей причастности к Флэшфорварду.

— И теперь вы хотите меня убить? — спросил Тео. Сердце у него билось так часто и громко, что, казалось, вот-вот разорвется. Он чувствовал, что покрывается испариной. — Это не воскресит вашу жену.

— Еще как воскресит, — процедил сквозь зубы Руш.

«Нет, он точно ненормальный. Господи, ну почему я спустился в этот треклятый туннель один?!»

— Не ваша смерть ее воскресит, конечно, — уточнил Руш. — А то, что я хочу сделать. Да, это вернет Хелену. А случится это благодаря принципу запрета Паули.

Тео не знал, что и сказать. Руш явно бредил.

— Вольфганг Паули, — произнес Руш и кивнул. — Я люблю рассказывать своим студентам, что меня назвали в честь него, хотя на самом деле это не так. Меня назвали в честь дяди моего отца. — Пауза. — Изначально принцип запрета Паули относился только к электронам: два электрона не могут одновременно занимать один и тот же энергетический уровень. Позднее этот принцип расширили, и теперь он включает другие субатомные частицы.

Все это Тео знал. Он пытался скрыть, что все больше впадает в панику.

— И?

— И я считаю, что принцип запрета распространяется и на понятие «сейчас». Все доказательства налицо: может существовать только одно «сейчас». На протяжении всего существования человечества у людей не было разногласий и тем более сомнений в том, какой момент считать настоящим. Никогда не существовало мгновения, которое одна часть человечества считала бы настоящим, другая — прошлым, а третья — будущим.

Тео неловко пожал плечами. Он не понимал, к чему клонит Руш.

— Не понимаете? — осведомился Руш. — Разве не ясно? Когда вы сдвинули сознание человечества на двадцать один год вперед, когда переставили «сейчас» из две тысячи девятого года в две тысячи тридцатый, то «настоящее», в котором в это самое время должны были находиться люди в две тысячи тридцатом году, должно было переместиться куда-то еще. Принцип запрета Паули! Каждое мгновение существует как «сейчас» для тех, кто переживает это мгновение, кто в нем замирает. Невозможно наложить «сейчас» две тысячи девятого года поверх «сейчас» две тысячи тридцатого. Два «сейчас» не могут существовать одновременно. И когда вы перебросили «сейчас» две тысячи девятого года вперед, «сейчас»

две тысячи тридцатого должно было освободить это место. Когда я услышал о том, что вы собираетесь вновь провести эксперимент в то самое время, к которому относились видения, для меня все встало на свои места. — Он немного помолчал. — Сверхновая звезда Сандулик будет пульсировать еще много десятков или даже сотен лет. Наверняка завтрашняя ваша попытка не станет последней. Думаете, жажду человечества заглянуть в будущее так просто утолить? Конечно нет. Мы ненасытны в своих желаниях. С древних времен не было мечты более искушающей, чем возможность узнать будущее. Всякий раз, когда у нас будет появляться шанс переместить ощущение «сейчас», мы будем это делать — если, конечно, ваш завтрашний эксперимент пройдет удачно.

Тео украдкой взглянул на бомбу. Если он правильно понимал показания, до взрыва оставалось больше пятидесяти пяти часов. Тео попытался собраться с мыслями, но под дулом пистолета сделать это было совсем непросто.

— Так... Так что же вы хотите сказать? Выходит, если сейчас, в две тысячи тридцатом, не будет окна, куда сможет запрыгнуть сознание две тысячи девятого года, то того первого прыжка никогда не произойдет?

— Вот именно!

— Но это безумие. Первый скачок *уже произошел*. Мы все это пережили двадцать один год назад.

— Не *все* это пережили, — резко бросил Руш.

— Ну... да, но...

— Да, это случилось. Но я собираюсь это исправить. Я собираюсь ретроактивно переписать последние два десятка лет.

Тео не хотел спорить с этим человеком, но все же сказал:

— Это невозможно.

— Нет, возможно. Я это знаю. Как вы не понимаете? Мне это уже удалось.

— То есть?

— Что было общего во всех видениях в первый раз? — спросил Руш.

— Я не...

— Выходной! Все отдыхали. У подавляющего большинства людей был не то праздник, не то свободный от работы день. А почему? Потому что им велели в этот день оставаться дома и соблюдать меры безопасности, поскольку ЦЕРН собирается повторить эксперимент по смещению времени. Однако что-то случилось, что-то помешало этому повторному эксперименту, но было уже слишком поздно для того, чтобы люди могли вернуться на работу. И человечество получило неожиданный выходной.

— Скорее в первый раз мы видели просто версию реальности, в которой предыдущий Флэшфорвард вообще не происходил.

— Чепуха, — отрезал Руш. — Безусловно, мы видели, что некоторые люди в этот день работали: хозяева магазинов, уличные торговцы, полицейские и так далее. Но все же деловая активность была в основном свернута. Не так ли? Вы же слышали разговоры на эту тему. Дескать, на среду, двадцать третье октября тридцатого года, наверное, назначат большой праздник, который будут отмечать во всем мире. То ли день всемирного разоружения, то ли день первого контакта с инопланетянами. Но две тысячи тридцатый год наступил, и вы не хуже меня знаете, что никакого такого праздника не существует. Все получили отгул, все готовились к смещению времени, которого не наступило. Однако всех как-то предупредили о том, что оно и не наступит, то есть в новостях должны были сказать, что Большой адронный коллайдер чуть раньше в этот самый день получил повреждение. Ну вот я и поставил часовой механизм своей бомбы на время за два часа до нейтринной атаки.

— Но если что-то подобное было в новостях, наверняка кто-нибудь увидел бы это в своем видении. Кто-нибудь обязательно сообщил бы об этом.

— Кто стал бы сидеть дома и два часа кряду смотреть новости в неожиданно выпавший выходной день? — спросил Руш. — Нет, я твердо уверен: описанный мной сценарий абсолютно верный. Я сумею помешать ЦЕРНу. Сознание людей Земли две тысячи

тридцатого года останется именно там, где ему место, и от этой точки изменения пойдут обратно в прошлое — на двадцать один год назад. История будет переписана. Моя дорогая Хелена и все остальные, кто погиб из-за вашего эксперимента, будут снова живы.

— Вы не сможете меня убить, — сказал Тео. — И держать меня здесь два дня тоже не сможете. Мое отсутствие обнаружат, сюда спустятся люди, меня станут искать, найдут вашу бомбу и обезвредят ее.

— Хорошая мысль, — кивнул Руш, продолжая держать Тео под прицелом «глока». А затем подошел к бомбе, вытащил чемоданчик из панели в корпусе вентилятора и, поймав взгляд Тео, добавил: — Не бойтесь, не взорвется.

Руш поставил чемоданчик на пол и немного повозился с механизмом обратного отсчета. Затем повернул чемоданчик боком к Тео. Тот посмотрел на таймер. Обратный отсчет продолжался, но теперь до взрыва оставалось пятьдесят девять минут и пятьдесят шесть секунд.

— Бомба взорвется через час, — заявил Руш. — Немного раньше, чем я планировал. Возможно, люди не получат-таки лишнего выходного послезавтра, но результат будет тот же. Повреждения туннеля придется ликвидировать дольше двух дней, и Флэшфорвард повторить не удастся. — Немного помолчав, он продолжил: — А теперь придется прогуляться. На хOVERKART я с вами, пожалуй, сесть не рискну. Да и... Вы ведь на монорельсе приехали? Словом, на монорельсе мы тоже не поедem. Но за час мы успеем уйти довольно далеко, и никто из нас не пострадает. — Он помахал пистолетом. — Так что вперед!

Они пошли вперед: туда, где Тео остановил монорельсовый поезд. Но не успели они пройти и десяти метров, как Тео услышал позади еле слышное жужжание. Он обернулся. Руш тоже. Из-за поворота туннеля вдалеке показался хOVERKART.

— Проклятье, — сквозь зубы процедил Руш. — Кто это?

Даже издалека Тео сразу разглядел пышную рыжую шевелюру, тронутую сединой. Джейк Горовиц. А с ним...

Боже! Второй мужчина был похож на...

Точно. Это был детектив Хельмут Дрешер из полицейского управления Жeneвы.

— Не знаю, — сказал Тео с самым невинным видом.

ХOVERKART стремительно приближался. Руш быстро огляделся по сторонам. По стенам туннеля было прикреплено столько оборудования, что он без труда мог найти место, где спрятаться. Оставив бомбу у стены, Руш начал быстро пятиться назад. Но было поздно. Джейк заметил Тео и Руша и махнул рукой в их сторону. Руш бросился назад и, поравнявшись с Тео, ткнул ему в бок дулом «глока». Тео на миг показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

ХOVERKART опустилcя метрах в пяти от Тео и Руша, Дрешер с пистолетом в руках выскочил наружу.

— Вы кто такой? — спросил Джейк.

— Осторожно! — выдохнул Тео. — Он вооружен.

Руш явно запаниковал. Одно дело — попытка подложить бомбу, но совсем другое — захват заложника и покушение на убийство. И все же он снова ткнул Тео пистолетом в бок.

— Вот именно, — сказал он. — Так что назад.

Мут стоял, расставив ноги, и, обеими руками сжимая оружие, целился Рушу прямо в сердце.

— Я офицер полиции, — сказал Мут. — Опустите оружие.

— Нет.

— Опустите оружие, или я буду стрелять, — спокойно повторил Мут.

У Руша забегали глаза, но он явно не спешил сдаваться.

— Если вы выстрелите, доктор Прокопидес умрет.

Мысли молнией проносились в голове Тео. Так ли все должно было быть? Руш должен был выстрелить в него не один, а три раза, если все произойдет так, как было в воссозданном им сценарии. При данной диспозиции Руш мог всадить одну пулю ему в грудь. Этого,

конечно, хватит, чтобы его прикончить, но, как только Руш спустит курок, Мут сразит его наповал.

— Назад! — взвизгнул Руш. — Назад!

Джейк был испуган не меньше Тео, но Мут не собирался сдаваться.

— Опустите оружие. Вы арестованы.

Похоже, Руш начал потихоньку осознавать, что же он натворил. Если он действительно был простым университетским профессором, то почти наверняка за всю жизнь ни разу не имел неприятностей с законом. Но вдруг Руш оживился.

— Вы не можете меня арестовать.

— Еще как могу, черт побери! — ответил Мут.

— Вы из какого полицейского управления?

— Из женевского.

Руш выдавил нервный смешок и снова ткнул Тео пистолетом под ребра.

— Скажи ему, где мы находимся.

У Тео душа ушла в пятки. Он не понял вопроса.

— В Большом адронном...

Руш опять ткнул его пистолетом в бок.

— Страна какая?

У Тео упало сердце.

— О! — «Проклятье! Вот проклятье!» — Мы во Франции, — произнес он. — Граница проходит прямо по туннелю.

— У вас, — ухмыльнулся Руш, глядя на Мута, — нет никакого права арестовывать меня здесь. Швейцария не входит в Евросоюз. А если вы пристрелите человека в чужой стране, это будет считаться убийством.

Мут, похоже, на миг растерялся. Пистолет в его руке дрогнул, но он тут же снова взял Руша на мушку.

— С законом я потом разберусь, — бросил Мут. — А сейчас опустите оружие, или я буду стрелять.

Руш стоял так близко к Тео, что тот слышал его дыхание — учащенное, хрипловатое.

— Ладно, — ответил Руш. — Ладно.

Он на шаг отступил от Тео и...

Бах!

Звук выстрела эхом разнесся по туннелю.

У Тео остановилось сердце...

... но только на секунду.

Руш широко раскрыл рот от ужаса, от страха...

... поняв, что же он натворил...

...Детектив Мут Дрешер пошатнулся, оступился, упал на спину, выронив пистолет. Вокруг его плеча по полу начала расплзаться лужа крови.

— Боже мой! — закричал Джейк. — Боже мой! — И, бросившись к Дрешеру, подобрал его пистолет.

Руш не в силах был сдвинуться с места. Тео накинута на него сзади, сдавил ему шею и ударил коленом по копчику, одновременно пытаясь другой рукой вырвать дымящийся пистолет.

Джейк держал пистолет Дрешера. Он хотел прицелиться, но у него тряслись руки. Тео завернул локоть Руша за спину, и тот выронил «глок». Тео проворно отскочил в сторону. Тут Джейк нажал на курок. Стрелок он был неважный, да к тому же страшно волновался. Пуля угодила в флуоресцентную лампу на потолке. Лампа взорвалась, посыпались искры и осколки стекла. Руш пытался снова завладеть пистолетом, но ему никак не удавалось дотянуться до оружия, и тогда Тео наконец сумел отпихнуть пистолет в сторону ногой. Пистолет отлетел метров на десять по туннелю против часовой стрелки.

Тео не удалось завладеть «глоком», хотя теперь и Руш был безоружен. Дрешер лежал в

луже крови, но, похоже, был жив. Его грудь тяжело вздымалась. Джейк попытался выстрелить еще раз, но снова промазал.

Руш вскочил и, даже не успев до конца выпрямиться, кинулся за «глоком». Тео понял, что Руша ему не опередить, а потому решил бежать в противоположную сторону.

— У него бомба! — крикнул он, пробегая мимо Джейка. — Помогите Муту!

Джейк кивнул. Руш схватил свой пистолет, развернулся и, держа «глок» в вытянутой руке, помчался в сторону Джейка и Мута.

Тео бежал изо всех сил. Стук его подошв эхом разносился по туннелю. Впереди тускло поблескивал алюминиевый чемоданчик с бомбой. Оглянувшись, Тео увидел, что Джейк с пистолетом в руках стоит на коленях рядом с раненым полицейским. Но тут мимо них пробежал Руш. Он держал Джейка под прицелом, чтобы не дать тому выстрелить. Затем Руш развернулся и, не опуская оружия, начал пятиться назад. Наконец, убедившись в том, что Джейку его уже не достать, Руш повернулся и помчался за Тео.

Тео поравнялся с чемоданчиком, схватил его за ручку и...

Он запрыгнул на хOVERKART Руша и нажал на педаль. ХOVERKART оторвался от пола и полетел по туннелю по часовой стрелке.

Руш отпрянул назад. Тем временем Джейк положил пистолет Мута на пол, сорвал с себя рубашку, чтобы, используя ее как жгут, остановить кровотечение у Мута. Руш, не обращая на них никакого внимания, забрался на хOVERKART Джейка, завел машину и полетел следом за Тео.

Тео успел оторваться от погони, но мчаться по туннелю было не так-то просто: крутые повороты и громоздкое оборудование на стенах затрудняли движение.

Тео бросил взгляд на таймер бомбы. Сорок одна минута и восемнадцать секунд. Он надеялся, что Руш не соврал, сказав, что бомба самопроизвольно не взорвется. Около таймера Тео увидел несколько кнопок, но ни одна из них не была подписана. Тео прекрасно понимал, что если нажмет не на ту кнопку, чтобы перевести таймер назад, то бомба может взорваться немедленно. Но если он успеет доставить бомбу на станцию дальнего доступа и поднять на поверхность, то тогда ее можно будет бросить посреди поля.

ХOVERKART здорово трясло. Наверняка Тео превысил скорость, и гироскопический механизм уже не выдерживал. Тео снова обернулся. У него даже вырвался вздох облегчения: Руша нигде не было видно, но буквально через секунду из-за поворота вылетел второй хOVERKART.

Впереди — темнота, так как он активировал освещение только на небольшом участке туннеля. Тео терзали мысли о Муте. Он надеялся, что Джейку удалось оказать ему первую помощь. Проклятье... Наверное, не следовало брать хOVERKART. Надо было в первую очередь доставить на поверхность раненого Мута, а уж потом думать о том, как спасти оборудование в туннеле. «Хоть бы Джейк вспомнил о монорельсовом поезде!» — мысленно взмолился Тео.

Вот дерьмо! ХOVERKART Тео чиркнул по наружной стене туннеля и завертелся вокруг собственной оси. Свет фар заметался в темноте. Вцепившись в джойстик, Тео с огромным трудом выровнял машину и направил ее в нужную сторону, но драгоценное время было потеряно. Руш на своем хOVERKARTE вдвое сократил разрыв между ними.

Конечно, хOVERKART летел не как ветер, но все же довольно быстро. Руш все еще держал в руке «глок», но хOVERKART — не автомобиль, шины не прострелишь. Единственный верный способ заставить машину на воздушной подушке остановиться — пристрелить водителя. Тео приходилось постоянно жать на педаль акселератора. Ему приходилось вилить то вправо, то влево, то взмывать к потолку, то опускаться, чтобы не наткнуться на оборудование. А потому для Руша Тео был не самой легкой мишенью.

Тео то и дело посматривал на отметки на стенах. Туннель был разделен на восемь октантов длиной примерно три с половиной километра, а каждый делился на стометровые сектора. Судя по отметкам, Тео сейчас находился в двадцать втором секторе третьего октанта. Еще немного, и...

Удар!

Брызги искр.

Звук рвущегося металла.

Проклятье! Он немного отвлекся и налетел на обшивку системы криостатов. Ховеркарт чуть было не перевернулся вверх тормашками. И Тео вместе с бомбой мог свалиться вниз. Он снова начал осторожно работать джойстиком, пытаясь выправить ховеркарт. Оглянувшись, Тео, к своему ужасу, увидел, что Руш его нагоняет. Их уже разделяло всего пятьдесят метров, но все равно только чертовски меткий стрелок может попасть с такого расстояния в цель в темноте, но если дистанция сократится...

Впереди смутно виднелись контуры еще каких-то агрегатов. Тео пришлось практически вжаться в землю, но при такой скорости машина слушалась плохо. Она подпрыгивала над полом, словно плоский камешек, пущенный по воде.

Тео снова бросил взгляд на таймер. Цифры ярко горели в полумраке. Тридцать семь минут.

Мимо Тео со свистом пролетела пуля. Он инстинктивно пригнулся. Пуля угодила в металл обшивки какого-то устройства впереди. Туннель озарился снопом искр.

Тео очень надеялся, что Мут с Джейком спустились на лифте. Если кабина наверху — ему конец. Он не мог ждать, пока кабина опустится, а если придется бежать вверх по длинной лестнице, Руш без труда его подстрелит.

Тео снова вильнул в сторону — на сей раз, чтобы не зацепить скобу, поддерживающую трубу. Он снова обернулся. Черт... Похоже, аккумуляторы ховеркарта Руша были заряжены лучше. Он был уже совсем близко.

Вперед, вперед, вдоль стены туннеля... и наконец — вот она! Платформа станции дальнего доступа. Но...

...но Руш уже дышал ему в спину. «Если я остановлюсь, — подумал Тео, — он меня достанет. Проклятье, проклятье, проклятье!»

Тео скрепя сердце миновал станцию доступа. Оглянулся и увидел, как платформа исчезает из виду. Руш, у которого, похоже, не было особого желания гнаться за Тео по туннелю, снова выстрелил. Пуля попала в ховеркарт. Металлический корпус мелко задрожал.

Тео попытался прибавить скорость. Он еще помнил старые машинки, которыми в былые времена пользовались на полях для гольфа. Раньше именно такие карты ездили по туннелю ускорителя ЦЕРНа. Какая жалость, что их уже нет. Они хотя бы не переворачивались на большой скорости.

Оба ховеркарта мчались вперед, все дальше и дальше по туннелю, и...

За спиной Тео раздался сильный удар, потом послышался жуткий скрежет. Тео оглянулся. Ховеркарт Руша стукнулся о наружную стену... и остановился. Тео, не сдержавшись, даже вскрикнул от радости.

По его прикидкам, они преодолели примерно семнадцать километров. Платформа монорельса в районе комплекса ЦЕРНа уже совсем близко. Может быть, удастся остановить там ховеркарт, добежать до лифта и подняться прямо в центр управления БАК. Он надеялся, что монорельсовый состав окажется на месте, а это будет означать, что Джейк с Мутон добрались до платформы и теперь в безопасности, и...

Проклятье! Ховеркарт терял скорость. Сели аккумуляторы. Наверное, машина звуком уже предупреждала его об этом, но за ревом двигателя ховеркарта Тео не услышал сигнала. В следующее мгновение карт упал на бетонный пол, прополз несколько метров и замер. Тео схватил чемоданчик с бомбой и ринулся вперед. Однажды еще школьником он участвовал в реконструкции забега от Марафона до Афин, который впервые был совершен гонцами в 490 году до нашей эры, дабы возвестить о победе эллинов над персами. Но тогда Тео был на тридцать лет моложе. Сейчас он тоже старался бежать как можно быстрее — так, что сердце выпрыгивало из груди.

Еще один выстрел. Видимо, Руш все-таки справился со своим ховеркартом. Тео мчался

вперед, бежал на пределе своих возможностей. Вот уже показалась платформа, с которой можно было попасть в комплекс. У стены припаркованы полдюжины хOVERKARTов. Еще двадцать метров...

Тео оглянулся. Руш быстро его нагонял. Боже... Похоже, и тут ему не удастся остановиться. Руш подстрелит его как зайца.

Тео заставил свое тело преодолеть последние несколько метров, и...

Погоня продолжилась.

Тео забрался на стоящий у стены хOVERKART и снова полетел по туннелю — вперед, по часовой стрелке. Овернулся. Руш тоже сменил машину — у первого хOVERKARTа, очевидно, сели аккумуляторы — и снова пустился в погоню.

Тео посмотрел на таймер. Оставалось всего двадцать минут, но зато Тео удалось оторваться. Получив передышку, он задумался над словами Руша. А если тот прав? А вдруг действительно был шанс повернуть все вспять, воскресить людей, погибших двадцать один год назад? Если бы не было видений, Хелена, жена Руша, и Тамико, дочка Митико, остались бы живы. И его брат Димитриос тоже был бы жив.

Но тогда получалось, что никто из людей, зачатых после видений, никто из тех, кто родился за последние двадцать лет, не был бы прежним. То, какой именно сперматозоид соединится с яйцеклеткой, зависело от тысячи мелочей. Если мир пошел по другому пути, если женщины забеременели в другие дни, то и их дети должны были родиться другими. А за эти два десятилетия родилось почти четыре миллиарда человек. Даже если Руш и мог переписать историю, то какое он имел на это право? Разве эти миллиарды людей не заслуживали того, чтобы прожить отпущенные им судьбой годы? Разве можно было вот так взять и даже не убить их, а просто выбросить из исторического отрезка времени?

ХOVERKART Тео продолжал мчаться дальше. Он овернулся. Из-за поворота туннеля показалась машина Руша.

Нет. Нет, он не изменит прошлое, даже если такое возможно. К тому же Тео не слишком верил Рушу. Да, будущее изменить можно, но прошлое? Нет, прошлое должно оставаться неизменным. В этом они сходились с Ллойдом Симкоу. А Руш нес полный бред.

Снова выстрел. Пуля пролетела мимо и врезалась в стену туннеля. Но Руш на этом не остановится, если поймет, куда направляется Тео.

ХOVERKART миновал очередную километровую отметку. До взрыва осталось одиннадцать минут. Тео вглядывался в отметки на стенах. Где-то совсем близко, и...

Вот он. Именно там, где он его оставил!

Монорельсовый поезд. Если успеть добраться до него...

Прогредел новый выстрел. Рушу снова удалось попасть в хOVERKART, и Тео опять с большим трудом выровнял машину. До монорельса оставалось еще метров сто. Тео прибавил скорость...

Две кабинки... Посередине — три вагонетки. Тео нужно было во что бы то ни стало добраться до дальней кабинки. Он мог повести поезд только в одном направлении: вперед.

Еще немного...

На плавную остановку времени не было. Тео резко нажал на тормоз. Машину качнуло вперед вместе с пассажиром. ХOVERKART рухнул на бетонный пол, покотился вперед, разбрызгивая искры. Тео спрыгнул на пол, схватил чемоданчик, и...

Новый выстрел...

Господи!

Кровь брызнула фонтаном. Его собственная кровь.

Такой боли он не чувствовал ни разу в жизни.

Пуля угодила в правое плечо.

Боже...

Он выронил чемоданчик с бомбой, но успел перехватить его левой рукой и, шатаясь, забрался в кабину монорельсового поезда.

Боль... Какая невыносимая боль....

Он быстро нажал кнопку старта.

Тут же зажглись прожекторы, осветив туннель. После долгого пути в темноте свет резал глаза. Поезд со скрипом начал набирать ход. Тео прибавил скорость.

Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание от боли. Он снова обернулся. Руш пролетел над брошенным им хOVERкартом. Монорельс двигался способом магнитной левитации и мог развивать очень высокую скорость. Хотя, конечно, на максимальной скорости в туннеле никогда не ездили...

До сегодняшнего дня.

До взрыва бомбы оставалось восемь минут.

Очередная пуля пролетела мимо. Тео оглянулся и увидел, как хOVERкарт Руша исчез за спиной, за поворотом туннеля.

Тео выставил голову из кабинки. Ветер ударил ему в лицо.

— Скорей, скорей, — прошептал он.

Мимо пролетали стены туннеля. Генераторы магнитной левитации натужно гудели.

Вот они: Джейк и Мут. Физик стоял на коленях рядом с полицейским, который сидел на полу. Значит, Мут жив. Тео помахал им рукой. Состав пронесся дальше.

Километр за километром пролетали мимо, и вдруг...

Осталось шестьдесят секунд.

Нет, ему ни за что не успеть добраться до станции дальнего доступа, ни за что не подняться на поверхность. Может быть, стоит просто выбросить бомбу. Да, конечно, она повредит коллаидер, где бы ни взорвалась, но...

Нет.

Нет, он проделал слишком большой путь — и не сделал ни одной фатальной ошибки. Его гибель не была неизбежной.

Если только...

Тео снова посмотрел на таймер, затем перевел взгляд на отметки на стене. Да!

Да! Он мог это сделать!

Он еще прибавил скорость.

А потом...

Начался прямой участок пути.

Тео со всех сил нажал на тормоза.

Еще один сноп искр.

Металл о металл.

Голова Тео качнулась вперед...

Жгучая боль в плече...

Он выбрался из тесной кабинки и заковылял подальше от монорельса.

Сорок пять секунд...

Еще несколько метров вперед по туннелю...

Ко входу в громадный, пустой, высотой с шестизэтажный дом кожух, в котором когда-то находился компактный мюонный солениод.

Тео из последних сил дошел до него, вошел внутрь кожуха и поставил чемоданчик на пол.

Тридцать секунд.

Он развернулся и побежал так быстро, как только мог. Ему страшно было смотреть на свое окровавленное плечо.

Назад, к монорельсу.

Пятнадцать секунд.

Тео забрался в кабинку, нажал педаль акселератора...

Десять секунд.

Поезд начал набирать ход...

Пять секунд...

Конец прямого участка, начало поворота...

Четыре секунды.
Тео начал терять сознание от боли...
Три секунды...
Он еще прибавил скорость.
Две секунды.
Тео накрыл голову руками. Правая рука почти не гнулась...
Одна секунда.
Он вдруг подумал о будущем...
Ноль!
Бабах!
Эхо мощного взрыва разлетелось по туннелю.
Вспышка света озарила все вокруг. На стене появилась тень монорельсового состава, похожая на гигантское насекомое....
А потом...
Блаженная, целительная темнота. Тео повалился головой на приборную панель, а поезд мчался вперед.
Два дня спустя.
Тео находился в центре управления БАК. Народу здесь собралось много, но в основном не ученые и инженеры — тут почти все было автоматизировано. Гораздо больше было репортеров, и все они лежали на полу. Естественно, присутствовал и Джейк Горовиц, а также особые гости Тео: детектив Хельмут Дрешер с рукой на перевязи и его молодая жена.
Тео начал обратный отсчет, после чего тоже лег на пол и стал ждать, что же будет.

31

Ллойд Симкоу часто думал о своей семилетней дочери Джоан, которая теперь жила в Японии. Конечно, каждые два-три дня они общались по видеофону, и Ллойд уговаривал себя, будто видеть и слышать дочь — это почти то же самое, что обнимать ее, качать на коленях, держать за руку, гуляя по парку, утирать ей слезы, если она падала и расшибала коленку.

Он всем сердцем любил дочь и безмерно ею гордился. Правда, несмотря на западное имя, Джоан была абсолютно не похожа на отца. Черты лица у нее были азиатские. На самом деле больше всего она походила на бедняжку Тамико — сводную сестру, которую ей так и не довелось увидеть. Но внешность не имела значения; половину всего, что текло в жилах Джоан, она унаследовала от отца. Нет, не Нобелевская премия, не все статьи, автором и соавтором которых он был, — именно *Джоан* была его бессмертием.

И хотя она родилась от брака, который распался, Джоан особо не расстраивалась. Ллойд, конечно, не сомневался, что порой ей хотелось, чтобы ее мама и папа до сих пор жили вместе. Но тем не менее Джоан приехала на свадьбу Ллойда и Дорин. Ей была отведена роль девочки, несущей букет невесты: женщины, которая должна была стать ее мачехой.

Мачеха. Сводная сестра. Бывшая жена. Бывший муж. Новая жена. Перестановка, разнообразие человеческих взаимодействий, способов составлять семью. Теперь мало кто устраивал пышные свадебные церемонии, но Ллойд настоял на этом. Согласно закону, в большинстве штатов и провинций Северной Америки, если мужчина и женщина достаточно долго жили вместе, они считались супругами, а если прекращали совместное проживание, то переставали быть супругами. Коротко и ясно, без суеты, без судебных заморочек — и никакой боли вроде той, какую пришлось пережить родителям Ллойда, ни истерик, ни страданий, свидетелями которых были они с Долли. Они тогда смотрели на ссоры матери и отца, испуганно вытаращив глаза, и мир рушился вокруг них.

Как бы то ни было, Ллойд хотел, чтобы церемония обязательно состоялась. Он столько пережил из-за своего страха перед созданием еще одной разбитой семьи. Между

прочим, он обратил внимание, что в новейшем издании словаря Вебстера понятие «разбитая семья» толковалось как «устаревшее». И он снова твердо решил навсегда избавиться от призраков прошлого. Словом, свадьба у них с Дорин была по всем правилам, и потом гости говорили, что получился просто незабываемый праздник. Танцы, песни, смех и любовь.

К тому времени, когда Ллойд и Дорин познакомились, у нее уже наступила менопауза. Конечно, существовали специальные методы, и если бы Дорин пожелала иметь ребенка, то могла бы родить. Ллойд отнюдь не возражал: ведь он уже был отцом и уж точно не лишил бы Дорин шанса стать матерью. Но Дорин отказалась. Она была вполне довольна своей жизнью и до встречи с Ллойдом, а теперь радовалась тому, что они вместе, но детей ей иметь не хотелось. Она не искала бессмертия.

Теперь, когда Ллойд вышел на пенсию, они подолгу жили в загородном доме в Вермонте. И конечно, в своих видениях и он, и она в этот день оказались здесь. Весело смеясь, они обставляли спальню так, чтобы она выглядела точно такой, какой они ее впервые увидели. Поставили на правильное место старую тумбочку, повесили зеркало в сосновой раме.

И вот теперь Ллойд и Дорин лежали рядышком на кровати. Дорин даже специально надела синюю домашнюю рубашку. За окном виднелись деревья в роскошном осеннем убранстве. Дорин и Ллойд взялись за руки. Радиоприемник был включен, шел обратный отсчет секунд до того, как нейтрино с Сандулика достигнут Земли.

Ллойд улыбнулся Дорин. Они были женаты вот уже пять лет. Пожалуй, Ллойд, чьи родители развелись и который сам развелся с первой женой, наивно было верить в то, что они с Дорин будут жить вместе вечно, но, как бы то ни было, ему казалось, что все будет именно так. Ллойд и Митико были хорошей парой, но он и Дорин были *совершенной* парой. Дорин уже побывала замужем, однако ее брак распался лет двадцать назад. Она считала, что больше никогда не выйдет замуж, и смирилась с одиночеством.

А потом она познакомилась с Ллойдом. Он лауреат Нобелевской премии по физике, она художница. Два абсолютно разных мира, отличавшихся друг от друга сильнее, чем Япония Митико от Северной Америки Ллойда. И все же они прекрасно ладили, и их любовь цвела пышным цветом, и теперь Ллойд делил свою жизнь на две части: до Дорин и после.

Голос по радио продолжал отсчет: «Десять секунд. Девять. Восемь».

Ллойд посмотрел на жену и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

«Шесть. Пять. Четыре».

Ллойд гадал, что увидит в будущем, но в одном он не сомневался, совершенно не сомневался. «Два! Один!»

Что бы ни уготовило будущее, они с Дорин всегда будут вместе.

«Ноль!»

Ллойд увидел застывший кадр. Он и Дорин, но намного старше. Он и не представлял себе, что они доживут до таких лет. А потом...

Наверняка они не умерли. Конечно, если бы его сознание перестало существовать, он ничего и не видел бы.

Может быть, его тело истаяло, но вдруг... беглый взгляд... и мимолетный образ...

Новое тело, серебристо-золотистое, гладкое и блестящее...

Тело андроида? Его человеческое сознание попало в оболочку робота?

Или это было виртуальное тело, не более, но и не менее, чем запись в компьютере?

Поле зрения Ллойда сместилось.

Он смотрел на Землю с высоты в несколько сотен километров. Белые облака парили над планетой, солнечные лучи играли на поверхности бескрайних океанов.

Вот только...

...вот только на миг ему показалось, что это не океаны, а Северная Америка, покрытая сетью металла и аппаратуры. Вся планета превратилась в буквальный смысл слова во Всемирную паутину.

Затем поле зрения снова изменилось, и перед ним опять предстала Земля, то есть ему показалось, что это Земля. Да, да, безусловно, это была Земля, поскольку он увидел Луну, встающую над горизонтом. Но площадь Тихого океана уменьшилась; теперь он занимал всего треть прежнего пространства, а Западное побережье Северной Америки радикально изменилось.

Время быстро пролетало; за тысячелетия материки перемещались на новые места.

А он все мчался вперед...

Он увидел, как Луна по спирали удаляется все дальше и дальше от Земли, а потом...

Казалось, это произошло мгновенно, но на самом деле, наверное, прошли тысячелетия...

Луна рассыпалась на кусочки, ее не стало.

Еще одно смещение...

И сама Земля начала уменьшаться, сжиматься, удаляться. Вскоре она превратилась в маленький камешек. А потом...

... а потом он снова увидел Солнце, но...

Невероятно...

Солнце и Земля теперь были наполовину заключены в металлическую сферу, захватывающую каждый фотон энергии, падавший на нее. Луна и Земля не рассыпались. Нет. Они были *разобраны*. Стали сырьем.

Ллойд продолжал свое странствие. Он увидел...

Да, это было неизбежно. Да, он читал об этом бесчисленное число лет назад, но даже не чаял, что доживет до этого, увидит собственными глазами. Галактика. Млечный Путь, звездное веретено, которое человечество называло своей родиной, столкнулась с туманностью Андромеды — своим ближайшим соседом. Два веретена пересеклись, вспыхнул межзвездный газ...

А он все летел и летел вперед. В будущее.

Это было совсем не похоже на первый раз. Но это жизнь. В первый раз, когда произошли видения, перемещение из прошлого в будущее показалось мгновенным.

Но если бы на это ушла стотысячная доля секунды, кто бы заметил? А если бы это была не стотысячная доля секунды, а скажем, ноль целых пяти стотысячных секунды в год, и годы прыгали бы вперед... вперед... — кто бы это заметил. Но из ноля целых пяти стотысячных секунды за восемь миллиардов лет набегит час. Целый час странствовать по просторам времени, без остановки, без материализации, без смещения и замещения истинного осознания момента, но при этом чувствовать, осознавать, воспринимать, переживать эволюцию человечества от детства до...

...до того, чем ему суждено было стать.

Конечно, на самом деле Ллойд вовсе не странствовал. Он находился в Новой Англии, а свое новое тело и предстающие перед глазами картины контролировал не лучше, чем во время первого видения. Сдвиги перспективы, несомненно, отражали его собственные перемещения по мере прохождения тысячелетий. По всей видимости, сохранялась какая-то инерция памяти, в чем-то схожая с инерцией зрительного восприятия, благодаря которой можно смотреть кино. Конечно, к каждому из этих моментов Ллойд прикасался на какое-то неуловимое, мимолетное мгновение. Его сознание как бы искало — занят в данный момент этот срез куба или нет, а потом, если оказывалось, что занят, нечто вроде принципа запрета (кстати, Тео прислал Ллоиду электронное письмо насчет Руша и его бредовых идей) мешало сознанию там обосноваться, гнало его вперед и вперед, все дальше и дальше в будущее.

Ллойд был изумлен тем, что ему удалось сохранить индивидуальность. Он скорее подумал бы, что если человечеству было суждено прожить еще миллионы лет, то наверняка его сознание стало бы коллективным, объединенным. Но в его сознании не звучали иные голоса; насколько он мог судить, он по-прежнему представлял собой уникальное отдельное

существо, даже несмотря на то, что его хрупкое физическое тело, некогда служившее оболочкой для разума, давно перестало существовать.

Он увидел сферу Дайсона,⁶² наполовину объявшую Солнце, а это означало, что в один прекрасный день человечество овладеет фантастической технологией, но пока перед ним не предстало свидетельств того, что за всем этим стоит еще какой-то разум, кроме человеческого.

А потом он вдруг понял. На него снизошло озарение. Происходящее означало, что нигде нет никакой разумной жизни — ни на одной из планет, вращающихся вокруг двухсот миллиардов звезд, образующих Млечный Путь, вернее... Ллойд помедлил и поправил себя: вокруг шестисот миллиардов звезд, образующих объединенную супергалактику, сформировавшуюся, когда Млечный Путь и туманность Андромеды стали единым целым. Разумной жизни не было ни на одной из планет в других галактиках, образующих Вселенную.

Наверняка все сознания, где бы они ни были, должны были понимать, что они существуют. Но если человеческое сознание пульсирует только здесь, не означает ли это, что больше нигде никакого сознания нет, что больше никто не борется за право доказательства своего бытия?

Если так, то человечество оказалось поразительно, непоправимо, безраздельно одиноким в мрачном бескрайнем космическом пространстве: оно было единственной вспышкой разума во все времена. Жизнь счастливо протекала на Земле в течение четырех миллиардов лет до того момента, как впервые зародилось самосознание, но до сих пор, то есть к 2030 году, никому не удалось воспроизвести разум внутри машины. Разум, осознание того, что нечто было когда-то, а что-то происходит сейчас, что завтра — это новый день... Все это было невероятной флуктуацией, случайностью, аномалией, не встречавшейся прежде и не повторившейся за всю историю существования Вселенной.

И, возможно, именно этим объяснялись провалы и неудачи, свидетелем которых Ллойд становился. Даже к 2030 году человечество не сумело улететь дальше Луны. Никто не высадился на Марс через шестьдесят один год после нескольких неуверенных шагов Армстронга по лунной поверхности, и, похоже, сейчас уже никто не строил грандиозных планов на этот счет. Конечно, Марс мог удалиться от Земли на триста семьдесят семь миллионов километров, когда две эти планеты находились по разные стороны от Солнца. При таком положении планет человеческий разум на Марсе отделяла бы от других разумов на Земле двадцать одна световая минута. Даже люди, стоящие рядом, немного разделены во времени: они видят друг друга не такими, какими являются, а такими, какими они были на триллионную долю секунды раньше. Да, какую-то степень десинхронизации, конечно, можно было перенести, но у всего есть предел. Наверное, шестнадцать световых минут еще можно было бы пережить, если бы именно такое время и расстояние разделяли двух людей, находящихся по разные стороны сферы Дайсона на радиусе земной орбиты. Но двадцать одна световая минута — это слишком много. Пожалуй, и шестнадцать световых минут было бы больше допустимого для разумных существ предела. Несомненно, человечество все же построило сферу Дайсона, которую видел Ллойд, и тем самым загородилось от пустынного, одинокого, бескрайнего внешнего мира, но... Но не исключено, что вся внутренняя поверхность этой сферы не была населена. Люди могли занять только часть ее. В конце концов, площадь поверхности сферы Дайсона в миллионы раз превышала площадь поверхности планеты Земля. Даже использование десятой части этой территории предоставило бы человечеству на несколько порядков больше места для жизни, чем оно

⁶² Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект инженера Фримена Дайсона, представляющий собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Предполагается, что развитая цивилизация может использовать подобное сооружение для полной утилизации энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства. (Прим. перев.)

когда-либо имело. Сфера могла улавливать каждый фотон, испускаемый главной звездой, но человечество вряд ли скиталось по всей поверхности сферы.

Ллойд — вернее, то, чем он стал, — все дальше и дальше уходил в будущее. Перед ним возникали все новые и новые картины.

Он думал о том, что ему когда-то сказала Митико: о Фрэнке Типлере и его теории. О физике бессмертия. О том, что все, кто когда-либо жил и когда-либо будет жить, в Точке Омега воскреснут для новой жизни.

Но теория Типлера была основана на предположении о том, что Вселенная не может расширяться до бесконечности, что она обладает достаточной массой и ее собственное притяжение со временем приведет к гравитационному коллапсу, так что все галактики сольются воедино. Одна эпоха сменяла другую, и стало ясно, что этого не произойдет. Да, Млечный Путь и его ближайшая соседка столкнулись, но даже целые галактики были ничтожно малы по сравнению с масштабами постоянно расширяющейся Вселенной. Расширение могло замедлиться, асимптотически приблизившись к нулю, но оно не могло прекратиться окончательно. Точка Омега никогда не будет достигнута, и другой Вселенной никогда не будет. Вот так-то. Одно-единственное изменение пространства-времени.

Конечно, теперь изменения грозили звезде, окруженной сферой Дайсона. Если астрономы двадцать первого века были правы, наше Солнце должно было увеличиться в размерах и превратиться в красный гигант, который поглотит свою оболочку. Но человечество было предупреждено об этом за миллиарды лет и наверняка перебралось — *целиком*, если того требовала физика сознания, — куда-то еще.

По крайней мере, Ллойд очень хотелось верить, что все произошло именно так. Он по-прежнему чувствовал себя отделенным от всего, что открывалось его взору как отдельные кадры. Может быть, человечество погибло, когда умерло Солнце.

Но он — кем бы он ни стал — как ни странно, был еще жив. Он до сих пор мыслил и чувствовал.

Должен был существовать кто-то еще, с кем он мог бы поделиться всем этим.

Если только...

...если только Вселенная таким образом не прекратила неожиданный сдвиг, вызванный потоком нейтрино с Сандулика, обрушившимся на воссозданный мир в первые мгновения его существования.

Стереть все проявления жизни. Оставить одного-единственного квалифицированного наблюдателя — одну вездесущую форму, глядящую сверху вниз на...

...на все и судящую о реальности по своим наблюдениям, замкнутую в одном незыблемом «сейчас», движущуюся вперед с невероятной скоростью, секунда за секундой.

Бог...

Бог пустой, безжизненной, не способной мыслить Вселенной.

Наконец полет во времени подошел к концу. Ллойд прибыл к месту назначения, к планете, чей оборот вокруг Солнца составлял год, к планете, что давно исчезла, поменяв это место на более отдаленные пределы, оставив для него, Ллойда, «окно» в пространстве.

Конечно. Вселенная была открытой. Конечно, она была бесконечной. Сознание могло совершать скачки из прошлого в будущее только в том случае, если для каждого скачка существовала некая более далекая точка, в которую могло переместиться нынешнее сознание. Если бы Вселенная была конечной, смещения времени вообще никогда не произошло бы. Нет, речь могла идти только о бесконечности.

И теперь перед ним...

...теперь перед ним предстало далекое, далекое будущее.

В юности Ллойд прочел «Машину времени» Г. Дж. Уэллса. Многие годы сюжет этой книги не давал ему покоя. Нет, конечно, не мир элов и морлоков. Даже в юности Ллойд понимал, что этот мир аллегоричен, что он представляет собой морализацию на тему классовой структуры викторианской Англии. Нет, мир 802 701 года, нарисованный Уэллсом, произвел на него не слишком большое впечатление. Однако путешественник Уэллса

совершил еще одно странствие в будущее: переместился на миллионы лет вперед, к сумеркам мира, когда приливные силы замедлили вращение Земли вокруг своей оси и она навсегда повернулась к Солнцу одной стороной. Солнце же стало разбухшим, красным, выпученным глазом, а побережье населили крабоподобные существа.

Но то, что предстало перед Ллойдом теперь, выглядело еще более уныло. Небо было тусклым. Звезды настолько удалились друг от друга, что лишь некоторые из них были видны. И эти звезды, богатые металлами, выплавленными поколениями звезд, родившихся и умерших до них, отличались своей особой красотой. Они сияли красками, не ведомыми юной Вселенной, которую некогда знал Ллойд: изумрудно-зелеными, пурпурными, бирюзовыми. Звезды были похожи на драгоценные камни, разложенные на черном бархате небосвода.

Но и теперь, достигнув места назначения, Ллойд не владел своим синтетическим телом. Он был пассажиром своих стеклянных глаз.

Да, он все еще сохранил телесную оболочку. Время от времени он видел собственные руки, причем то одну, то другую. Руки были идеальные, без малейшего дефекта. В них не было ничего биологического, казалось, они состоят из жидкого металла. Он находился на поверхности планеты — на бескрайней равнине, усыпанной чем-то белым. Может быть, это был снег, может быть — измельченный в порошок камень, а может быть — что-то абсолютно неведомое беспомощной науке двадцать первого века. Вокруг — никаких построек. Возможно, существам, наделенным телом, которое невозможно разрушить, не нужен кров. Эта планета не могла быть Землей — Земля давно перестала существовать, — но сила притяжения была здесь точно такой же. Ллойд не чувствовал никаких запахов, а вот звуки различал — странные, легкие звуки, похожие на вздохи ветра и шелест деревьев.

Он повернулся, и поле его зрения сместилось. Нет, нет, не так: на самом деле он вовсе не поворачивался, а просто переключил внимание на другую систему входящих сигналов, короче — поместил глаза на затылок. А почему бы и нет? Уж если конструировать новое тело, так с учетом недостатков оригинала.

И в новом поле зрения перед Ллойдом возникла другая фигура, другая оболочка для человеческой сущности. К его изумлению, лицо этого существа не было стилизованным, не было просто яйцевидным. Нет, оно было наделено тонкими, искусно вырезанными чертами, и если тело Ллойда казалось сделанным из жидкого металла, то это тело словно было высечено из зеленого мрамора — полированного, с прожилками. Ожившая статуя.

В фигуре этого существа не было ни женских, ни мужских черт, но Ллойд мгновенно понял, кто перед ним. Дорин, конечно. Его жена. Та, с которой он мечтал жить вечно.

Но тут он начал внимательно разглядывать лицо, точеные черты... глаза...

Миндалевидные глаза...

А потом...

К началу эксперимента они с Дорин легли в постель, чтобы не упасть и не разбиться при потере сознания.

— Это было невероятно, — сказал Ллойд, придя в себя. — Совершенно невероятно. — Он повернул голову, нашел руку Дорин, сжал и, посмотрев на жену, спросил: — Что ты видела?

Дорин протянула свободную руку к радиоприемнику и выключила звук. Ллойд заметил, что руки у нее дрожат.

— Ничего, — ответила Дорин.

У Ллойда болезненно сжалось сердце.

— Ничего? Совсем никакого видения?

Дорин только покачала головой.

— О, милая, — произнес Ллойд. — Мне так жаль.

— И далеко тебя унесло твое видение? — поинтересовалась Дорин. Должно быть, гадала, насколько отстала от мужа.

Ллойд не мог найти слов, чтобы описать все, что пережил.

— Честно говоря, не знаю, — отозвался он.

Он пережил потрясающее приключение, но как горько было осознавать, что Дорин не примет участия в его путешествии.

Дорин попыталась скрыть огорчение.

— Я немолода, — горько улыбнулась она. — Думала, что, может, проживу еще лет двадцать — тридцать, но...

— Наверняка проживешь, — сказал Ллойд с напускной уверенностью. — Ни минуты в этом не сомневаюсь.

— А у тебя было видение... — прошептала Дорин.

— Да, но оно относилось... к очень далекому времени, — кивнул Ллойд.

— Телевизор, включись, — взволнованно произнесла Дорин. — Эй-би-си.

Одна из картин на стене превратилась в телевизионный экран. Дорин приподняла голову, чтобы было лучше видно.

— ...величайшее разочарование, — говорила ведущая, белая женщина лет сорока. — Пока никто не сообщил о своем видении. Повторный эксперимент в ЦЕРНе, судя по всему, прошел успешно, но ни у кого из сотрудников Эй-би-си, ни у кого бы то ни было из тех, кто нам звонил, видений не было. Все, похоже, просто потеряли сознание... примерно на час. Сейчас к нам снова присоединится доктор Джейкоб Горовиц из ЦЕРНа. Доктор Горовиц был членом группы, проводившей эксперимент двадцать один год назад. Тот самый эксперимент, который вызвал смещение времени. Доктор, что все это значит?

— Что ж... если предположить, что смещение времени все-таки имело место, а пока мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть это, — пожал плечами Джейк, — то, вероятно, смещение произошло в очень далекое будущее. Настолько далекое, что никто из ныне живущих... Как бы поделикатнее выразиться... Все ныне живущие к этому моменту умрут. Если время сместилось лет на сто пятьдесят вперед, в этом нет ничего удивительного, но...

— Выключи звук, — велела Дорин телевизору. — Но у тебя ведь было видение, — сказала она мужу. — И к какому времени оно относилось? Сто пятьдесят лет вперед?

Ллойд покачал головой.

— Дальше, — тихо произнес он. — Намного дальше.

— Насколько?

— На миллионы лет, — ответил Ллойд. — На миллиарды.

Дорин негромко рассмеялась.

— Да ну тебя, дорогой! Наверное, это был сон. Просто ты будешь жив в будущем. Будешь спать, и тебе приснится сон.

Ллойд задумался. А вдруг Дорин права? Может, действительно то, что он видел, было сном? Но все выглядело так ярко, так реалистично...

А ведь ему было шестьдесят шесть лет. Неважно, на сколько лет все они скакнули вперед... Если видение было у него, то у людей помоложе видения тоже должны были быть. Но Джейк Горовиц был на четверть века моложе, да и среди сотрудников Эй-би-си наверняка хватало двадцатилетних и тридцатилетних.

И никто из них не сообщил о том, что у них были видения.

— Не знаю, — наконец произнес Ллойд. — На сон похоже не было.

32

Будущее можно изменить. Это стало очевидным, когда реальность отклонилась от показанной первой порции видений. Наверняка можно было изменить и это будущее.

Очень скоро, в ближайшем будущем, разработают некий метод достижения бессмертия или чего-то чертовски близкого к бессмертию и Ллойд Симкоу пройдет через эту процедуру. Процедура будет, конечно, значительно сложнее, чем просто замена исходного тела на новое, созданное на основе хромосом человека, стремящегося к бессмертию. Но в любом

случае этот метод явно будет работать — как минимум в течение нескольких сотен лет. Затем биологическое тело Ллойда будет заменено более выносливым, как у робота. Он проживет долго-долго и обязательно увидит поцелуй Млечного Пути и туманности Андромеды.

Итак, ему ничего не остается, как уговорить Дорин пройти процедуру обретения бессмертия. Сколько бы это ни стоило, каковы бы ни были критерии отбора, он должен добиться того, чтобы его жену включили в программу.

Без сомнения, кроме него, существовали и другие люди, которые станут бессмертными. Он не мог быть единственным, получившим послание. Ведь под конец своего видения он уже не был одинок.

Но эти люди, как и он, пока хранили молчание, пытаясь осмыслить, что предстало перед ними в видении. Возможно, когда-нибудь все будут жить вечно, но не из этого поколения, поколения 2030 года. Бессмертие, вероятно, суждено познать лишь горстке избранных.

Ллойд решил разыскать их. Может, поместить сообщение в Интернете? Нет-нет. Не так прямолинейно. Не стоит начинать с вопроса о том, были ли у кого-нибудь на этот раз видения. Нет, действовать нужно было тонко. Возможно, ключевым понятием здесь должна быть сфера Дайсона. Даже те, кто не понял, что предстало перед ними в последнем видении, вернувшись в настоящее, почти наверняка захотели разобраться в этом, и термин должен был обязательно всплыть во время поисков в Интернете.

Да, он найдет их. Он найдет других бессмертных.

Или они найдут его.

Ллойд гадал, не Митико ли встретила его на белоснежной равнине далекого будущего.

И тут пришло письмо. Его пригласили в Торонто. Короткое послание по электронной почте: «Я тот нефритовый человек, которого вы видели в своем видении».

Нефрит. Конечно. Не зеленый мрамор, а нефрит. Он никому не рассказывал об этой части своего видения. Да и как он мог рассказать Дорин о том, что увидел не ее, а Митико?

Но это была не Митико.

Ллойд вылетел из Монпелье и добрался до аэропорта. Рейс был международный, но с канадским паспортом Ллойд быстро преодолел зону таможенного досмотра. Около выхода из терминала его ждал водитель, державший в руках плоский компьютер с фамилией «СИМКОУ» на экране. Лимузин полетел — в буквальном смысле — вдоль Четыреста седьмой улицы, потом — вдоль улицы Йондж, а потом — на юг, к высотному жилому дому, на первых уровнях которого располагались книжный и продуктовый супермаркеты и кинотеатр.

— Если бы вы могли спасти от смерти только крошечную часть человечества, кого бы вы выбрали? — спросил у Ллойда, сидевшего на обтянутом оранжевой кожей диване, мистер Чэн. — Как бы вы удостоверились в том, что выбрали именно величайших мыслителей своего времени? Несомненно, может быть сколь угодно принципов отбора, но я остановился на лауреатах Нобелевской премии. Самые лучшие врачи! Самые выдающиеся ученые! Самые гениальные писатели! И конечно, самые известные гуманисты — те, кто награжден Нобелевской премией мира. Конечно, каждый год возникают споры по поводу справедливости решения Нобелевского комитета, но в целом лауреаты получают свои награды заслуженно. И мы начали подбираться к нобелевским лауреатам. Естественно, тайно. Можете себе представить, какая бы поднялась шумиха, если бы стало известно, что бессмертие возможно, но только для избранных? Нас просто не поняли бы. Не поняли бы, что процедура невероятно дорогая и что она еще несколько десятков лет не подешевеет. О, вероятно, впоследствии мы сумеем найти более экономичные способы, но сейчас можем себе позволить подарить бессмертие только нескольким сотням человек.

— Включая вас?

— Раньше я жил в Гонконге, доктор Симкоу, но уехал оттуда не без причины, — пожал плечами Чэн. — Я капиталист, а капиталисты считают, что разбогатеть можно, только работая в поте лица. Процедуры обретения бессмертия не было бы вообще без тех миллиардов, которые мои компании инвестировали в ее разработку. Да, я избрал себя тоже. И это мое право.

— Если вы охотитесь за нобелевскими лауреатами, как насчет моего коллеги, доктора Теодосиоса Прокопидеса?

— Ах, да. Нам показалось логичным предлагать процедуру бессмертия с учетом возраста: сперва более пожилым людям, потом — тем, кто помоложе. Но доктор Прокопидес, несмотря на его молодость, следующий в нашем списке. Если Нобелевская премия вручается группе ученых, они получают «эликсир» бессмертия одновременно. — Пауза. — Знаете, я ведь однажды встречался с Тео. Двадцать один год назад. Мое первое видение было связано с ним. Он тогда искал информацию о своем потенциальном убийце, что и привело его ко мне.

— Помню. Тогда мы были вместе в Нью-Йорке, и оттуда он полетел в Торонто. Он рассказал мне о встрече с вами.

— А он говорил вам, что я ему сказал? Я ему сказал, что душа бессмертна, а религия — нечто вроде справедливой награды. Я сказал ему, что его ждут великие дела и в один прекрасный день он обретет великую награду. Я еще тогда был близок к разгадке. В конце концов, судя по всему, у меня в первый раз не должно было быть никакого видения: уже сейчас, по идее, меня не должно было быть или, в лучшем случае, меня возили бы исключительно в инвалидной коляске. Конечно, я даже и не предполагал, что мои сотрудники сумеют раскрыть секрет бессмертия, но эта тема меня давно интересовала, и когда в видении я узрел себя в прекрасной для моего более чем преклонного возраста форме, то понял, что причина именно в этом. Я хотел намекнуть вашему другу, не выдавая всех своих секретов. Хотел сообщить ему, что если он проживет достаточно долго, то ему будет предложена величайшая из наград: бесконечная жизнь. — Пауза. — Вы с ним часто встречаетесь?

— Да нет, не слишком.

— Но я очень рад. Вы даже не представляете, как я рад, что его смерть была предотвращена.

— Если вы так за него переживали, если бессмертие уже было у вас в руках, почему тогда не предложили ему пройти процедуру обретения бессмертия до того дня, когда, согласно первым видениям, он должен был погибнуть?

— Разработанная нами процедура предотвращает биологическое старение, но не делает человека неуязвимым. Хотя, как вы, несомненно, поняли из своего видения, дублирующие тела будут изготавливаться с учетом данного фактора. Если бы мы вложили в Тео миллионы, а его потом застрелили, это было бы пустой тратой денег. А наши ресурсы ограничены.

Ллойд задумался.

— Вы упоминули о том, что Тео моложе меня. Это правда. Я старик.

— Вы дитя! Я более чем на тридцать лет старше вас! — рассмеялся Чэн.

— Я хочу сказать, — поправился Ллойд, — что если бы мне предложили это, когда я был моложе, здоровее...

— Доктор Симкоу, да, вам шестьдесят шесть, но вы в неплохой форме. Врачи заботились о вас. Я видел вашу медицинскую карту...

— Что?!

— Прошу вас... Я тут раздаю вечную жизнь, причем совершенно бесплатно. Неужто вы считаете, что для меня существуют какие-либо преграды? Итак, как я только что заметил, я видел вашу медицинскую карту. Сердце у вас в отличном состоянии, давление в норме, уровень холестерина тоже. Так что, доктор Симкоу, здоровье у вас сейчас лучше, чем у любого двадцатипятилетнего парня, родившегося более ста лет назад.

— Я женатый человек. Как насчет моей жены?

— Простите, доктор Симкоу. Мое предложение относится только к вам.

— Но Дорин...

— Дорин проживет до конца своей естественной жизни: полагаю, еще двадцать с лишним лет. Она ничего не лишится. Все отпущенные ей годы вы проведете вместе. В какой-то момент она покинет этот мир. Я христианин, доктор Симкоу. Я верю в то, что нас ожидает лучшая жизнь... Ну, скажем, большинство из нас. Я капиталист и порой был безжалостен, а потому жду сурового суда... Вот почему я не спешу получать свою награду. Но ваша жена... Я многое о ней знаю и догадываюсь, что место в раю ей уже обеспечено.

— Не уверен, что хочу продолжать жить без нее.

— А вот она, несомненно, пожелает, чтобы вы жили и дальше, даже если ей самой это не удастся. И, простите меня за прямолинейность, она не первая ваша супруга, а вы у нее не первый муж. Не хочу принижать вашу любовь, но, выражаясь буквально, вы с Дорин — всего лишь этапы на жизненном пути друг друга.

— А если я откажусь?

— Область моей деятельности — фармацевтика, доктор Симкоу. Если вы решите отказаться от процедуры либо если согласитесь, но дадите нам повод усомниться в вашей искренности, вам будет сделана инъекция мнемоназы и все ваши краткосрочные воспоминания будут стерты. Вы забудете об этой встрече. Если вы действительно не хотите бессмертия, будьте добры, согласитесь на эту инъекцию. Она безболезненна и не имеет побочных эффектов. А теперь, доктор Симкоу, мне крайне желательно услышать ваш ответ. Что вы выбираете?

Дорин встретила Ллойда в аэропорту Монпелье.

— Слава богу, ты дома! — воскликнула она, как только Ллойд получил багаж, — Что случилось? Почему ты не прилетел предыдущим рейсом?

Ллойд обнял жену. Боже, как он ее любил — и как ненавидел с ней расставаться. Он покачал головой.

— Черт-те что. Я напрочь забыл, что ближайший обратный рейс в четыре часа. — Он пожал плечами и улыбнулся: — Старею, наверное.

33

Тео сидел в своем кабинете. Когда-то это был кабинет Гастона Беранже, но срок его директорства давно истек, а ЦЕРН уже не был крупным учреждением, которому требуется генеральный директор. В общем, Тео, ставший директором БАК, занял этот кабинет. Старик Гастон был жив; он был почетным профессором физики Парижского университета Орсей. Они с Мари-Клэр по-прежнему были счастливо женаты и имели сына, блестящего студента, и дочь.

Тео задумчиво смотрел в окно. С момента «большого» Флэшфорварда, во время которого все люди на час потеряли сознание, прошел уже месяц. Но на этот раз «принцип Клаату» сработал на славу. По всей Земле не было зарегистрировано ни одного случая смерти.

Тео уцелел. Избежал убийства. Ему предстояло жить дальше. Но кто знал, как долго? Еще несколько десятков лет — это точно. Новая жизнь взаимы.

И вдруг он отчетливо осознал, что понятия не имеет, что делать со всем этим временем.

Была осень. Слишком поздно нюхать розы, причем в буквальном смысле. А в переносном?

Тео встал. Перед ним открылась сначала внутренняя дверь кабинета, потом — наружная. Он дошел до лифта, спустился на нижний этаж, прошел по вестибюлю и вышел из административного здания.

Небо было затянуто тучами, но все же Тео надел темные очки.

Подростком он пробежал от Марафона до Афин. Когда добежал до финиша, то решил, что никогда в жизни теперь не сумеет отдышаться. Этот момент он запомнил навсегда: как пересекает линию финиша и завершает исторический пробег.

Были в его жизни, конечно, и другие яркие минуты. Первый поцелуй, первый сексуальный контакт, а потом — словно кадры из фильма. Поездка в Гонконг, окончание университета, день знакомства с Ллойдом и другой день, когда он сломал руку во время игры в лакросс. А еще — день первого эксперимента на БАК, день Флэшфорварда...

Но...

...но эти яркие моменты, эти живые воспоминания — все они были в прошлом, более двух десятков лет назад.

Но что произошло совсем недавно? Что он пережил? Какую невероятную печаль, какие головокружительные взлеты?

Тео шел по территории ЦЕРНа. Воздух был прохладным, бодрящим. Все вокруг вдруг встало на свои места, обрело форму, четкость и ясность. Всего этого ему не хватало с тех пор, как...

...с тех пор, как он начал расследовать собственное убийство.

Двадцать один год он был одержим одной мыслью.

А у капитана Ахава были острые воспоминания? О да. Наверняка Ахав прекрасно помнил, как лишился ноги. Но потом... После того, как он начал преследовать Моби Дика? Или он был в сплошном тумане, месяц за месяцем, год за годом, и в этом тумане растворились всё и вся?

Но нет, нет. Тео не был Ахавом. Он не был проклят. Между 2009 годом и сегодняшним днем он успел многое сделать.

И все же...

...и все же он никогда не позволял себе строить планы на будущее. Он продолжал выполнять свою работу, несколько раз получал повышение, но...

Как-то раз он прочел книгу о человеке, который в девятнадцать лет узнал о том, что ему грозит болезнь Хантингтона — наследственное заболевание, из-за которого к среднему возрасту он потеряет свои способности. Этот человек посвятил себя тому, чтобы сделать как можно больше, прежде чем его сразит болезнь. Но Тео поступил по-другому. О, конечно, он добился значительных успехов в работе. Получил Нобелевскую премию. Но даже это мгновение — момент получения награды — запечатлелось не так ярко.

Двадцать один год в тени. В сумраке. Тео знал о том, что будущее можно изменить, он дал себе обещание, что не позволит поискам потенциального убийцы свести на нет всю его жизнь, и тем не менее два десятка лет промчались мимо, это время было почти безвозвратно потеряно. Он словно бы проскочил через эти годы — тусклые и безрадостные.

Не было ли все фатальной ошибкой? Смешно.

Тео шел дальше. Вокруг радостно щебетали птицы.

Не было ли все фатальной ошибкой? *Эта мысль* была самой дерзкой. Конечно, он совершил фатальную ошибку. Конечно, испытал на себе силу судьбы — hamartia Но это стало как бы зеркальным отражением фатальной ошибки Эдипа. Эдип думал, что *может* уйти от судьбы. А Тео, зная, что можно изменить будущее, так и не смог избавиться от страха, что не сумеет перехитрить судьбу.

И поэтому...

...и поэтому он не женился, у него не было детей. И тут он был ничуть не лучше капитана Ахава.

Он так и не прочел «Войну и мир». И Библию не прочел. На самом деле за десять лет Тео не прочел ни одного романа.

Не путешествовал по миру, а побывал только там, куда его вел поиск разгадки предстоящей гибели.

Не научился готовить изысканные блюда.

Не брал уроков бриджа.

Не взошел на Монблан — он даже не одолел середины пути до вершины.

И вот теперь — невероятно! — вдруг у него появилось... Ну, конечно, не все время на свете, но, во всяком случае, масса времени.

Он был наделен свободой воли. Он просто обязан был создать свое будущее.

Забавная мысль.

«Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Тео давно перестал носить футболки с изображением мультяшных героев. Юность ушла. Ему было сорок восемь. Для физики он был стариком. Нового прорыва в науке ему уже не совершить.

Создать будущее. Но каким он его видел?

Ему хотелось, чтобы в его будущем хватало ярких моментов, совсем как лазерное шоу. Моментов, оставляющих ясные и радостные воспоминания. Ему хотелось, чтобы это будущее было *прожито*, бережно сохранено, чтобы он помнил все, что с ним произойдет, — ясно и четко. И чтобы порой он до боли переживал из-за каких-то своих поступков, а порой — радовался. И чтобы радость была абсолютной, чистой, без примесей — такой радостью, какой он не испытал за все эти двадцать лет.

А теперь, с этого момента...

...с этого момента он будет *жить*.

Но с чего начать?

Из памяти, из подсознания возникло имя.

Митико.

Теперь она жила в Токио. Она прислала ему электронную открытку на Рождество. А потом еще одну — надень рождения.

Она развелась с Ллойдом, своим вторым мужем, но потом так и не вышла замуж.

На самом деле Тео мог бы слетать в Токио, навестить ее. Это уж точно стало бы незабываемым моментом.

Но... Боже, столько лет прошло. Столько воды утекло.

И все же...

...и все же он всегда ею восхищался. Такая умная — да, об этом он подумал сразу. Такой потрясающий, такой острый ум. И к тому же красавица. Всегда изящная, всегда модно одетая. Но...

...но прошел двадцать один год. Наверняка за это время у Митико кто-нибудь появился...

Нет. Не появился. До Тео обязательно дошли бы слухи. Конечно, он был моложе ее. Но какое это имело значение? Сейчас ей... сколько же? Пятьдесят шесть.

Но не мог же он просто так взять и махнуть в Токио.

Или мог?

Прожить жизнь...

Что ему было терять?

Абсолютно ничего. Абсолютно ничего.

Он вернулся в административный корпус, прошел мимо лифта и, перепрыгивая через две ступеньки, взбежал по лестнице.

Конечно, сначала он ей позвонит. Который сейчас час в Токио?

— Который час в Токио? — произнес Тео вслух.

— Двадцать часов восемнадцать минут, — ответило одно из бесчисленных электронных устройств в кабинете.

— Соедини меня с Митико Комура в Токио, — велел Тео.

Из динамика послышались звуки электронного набора номера. У Тео часто-часто забилось сердце. Из-под крышки стола выехал вверх монитор с логотипом «Ниппон телеком».

А потом...

Появилась она. Митико.

Она по-прежнему была хороша собой и выглядела на десять лет моложе своего

возраста. И одета была стильно. Правда, в Европе сейчас такое не носили, но наверняка это был последний писк моды в Японии. На Митико был короткий блейзер в радужных разводах.

— О, Тео, это ты? — произнесла Митико по-английски.

Что такое электронная открытка? Текст и картинка. Как давно Тео не слышал этого высокого мелодичного голоса, звучавшего как плеск ручейка. Он невольно улыбнулся.

— Привет, Митико.

— Я думала о тебе, — сказала она. — Все время думала, пока приближался день повторения эксперимента. Но звонить боялась. Боялась, что ты можешь решить, будто я звоню, чтобы попрощаться.

Ему было бы приятно услышать ее голос раньше. Тео снова улыбнулся.

— На самом деле тот человек, который в видении меня убил, сейчас в тюрьме. Он пытался взорвать Большой адронный коллайдер.

— Я читала об этом в Интернете, — кивнула Митико.

— Похоже, ни у кого видения так и не сбылись.

— Ну, может быть, сбылись, но не совсем точно, — пожала плечами Митико. — Но моя дочурка абсолютно такая, какой я ее тогда увидела. И знаешь, я познакомилась с новой женой Ллойда, и он говорит, что она точь-в-точь как в его видении. Да и мир теперь очень похож на тот, каким получился в проекте «Мозаика».

— Наверное. Я просто рад. То, что касалось меня, не сбылось.

— Я тоже очень рада, — улыбнулась Митико.

Они вдруг, не сговариваясь, замолчали. Одним из преимуществ видеофона была возможность помолчать, глядя друг на друга.

Она была такая красивая...

— Митико, — негромко произнес Тео.

— Гмм?

— Я... я много думал о тебе.

Она улыбнулась.

У Тео от волнения ком встал в горле. Он сглотнул и попытался собраться с духом.

— Я тут подумал... А что, если я нагряну к тебе в Японию? — Он тут же поднял руку, словно пытаясь защититься на случай отказа. — Меня давно зовут в Токийский университет. У них там есть тахион-тардионный коллайдер, и они просят меня приехать, чтобы обсудить возможности его модернизации.

Но Митико не стала искать предлога для отказа.

— Буду рада повидаться с тобой, Тео.

Конечно, сложно сказать, есть ли будущее у их отношений. Может быть, она просто почувствовала ностальгию. Вспомнила о тех временах, когда они вместе работали в ЦЕРНе.

Но может быть... может быть, они все же были настроены на одну волну. Может быть, у них что-нибудь получится. Может быть, по прошествии стольких лет это наконец случится.

Тео очень надеялся.

Но только время могло дать ответ.